

18+

ИГОРЬ ПЕТРОВ

СВИСС

ХАУС

SWISS HAUS

или **В НАЧАЛЕ
МЕСЯЦА
АВГУСТА**

Игорь Петров

Свисс хаус, или

В начале месяца августа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66259678

ISBN 9785005522627

Аннотация

Этот роман предлагает не торопиться, а погрузиться в течение времени и в холод современного бытия. Швейцария, стерильная страна, общество скрытых страстей. Главный герой, который переживает, словно герой романов Готфрида Келлера и Петера Штамма, путешествие к самому себе по сферическому тексту, замкнутому, как лента Мебиуса, столь же бесконечному, хотя и ограниченному в пространстве и времени. Читателю потребуется второй, а то и третий взгляд. От него потребуется труд. Но этот роман того стоит.

Содержание

Андроиды	6
Благодарный мертвец	182
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Свисс хаус, или В начале месяца августа

Игорь Петров

*Под вечер душный день омыт прохладой
чистой,*

И молодой восторг в крови горит опять.

Сбирается народ в кругу дубов тенистых,

Чтоб должное борьбе и удали воздать.

*Серьезные бойцы схлестнутся в схватке
тесной,*

Потешив всех своей сноровкою телесной...

Фрагмент поэмы «Альпы»

*Альбрехт фон Галлер, швейцарский поэт, ученый,
медик*

Берн, 1729 г.

*Дом позволяет нам грезить в тишине и покое.
«Поэтика пространства»*

Гастон Башляр

Хотя меч был его защитой,

Рана сама дала ему силу,

Силу создать себя заново

*Во время его самого темного часа.
Стинг
«Сердце Лазаря»*

Редактор: Елена Щапова

Корректор: Корректорское бюро "Ёлки-палки"

Идея дизайна обложки: Алекс Долль

Разработка макета обложки: Борис Файман

© Игорь Петров, 2021

ISBN 978-5-0055-2262-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андроиды

Эту квартиру Андреас и Анна-Мари нашли вместе. Сегодня Андреас понимает: то было самое счастливое время в его жизни. С тех пор никогда ему больше не приходилось ощущать такой безусловной веры в то, что их совместная жизнь в новом доме окажется полна радостью и достатком, никогда больше не посещала его безграничная уверенность в собственных силах.

* * *

Анна-Мари жила тогда в небольших апартаментах на западе города, в одном из блоков жилого комплекса, возведенного некогда на территории пригородной пустоши для нужд фабричных рабочих. От главного вокзала сюда можно быстро доехать на трамвае номер восемь. Остановка располагалась сразу после перекрестка с круговым движением, рядом со старым построенным в старинном стиле деревянном шале с изогнутой крышей. На нижнем этаже в нем размещались кафе, скромный офис муниципального правления, а на первом – небольшая частная компания, производящая нитки, иголки, ножницы, деревянные планки, кисточки и краски, одним словом, расходные материалы для всех тех, кто любит делать что-то своими руками.

Андреас приезжал сюда, переходил проезжую часть и углублялся в квартал, следуя одним и тем же маршрутом мимо гостевой парковки, вдоль пятиэтажного блочно-го дома, балконы которого были увешаны пестрыми национальными флагами со всего света и спутниковыми тарелками, минуя спортивную площадку за высоким ограждением из мелкаячеистой сетки-рабицы, пересекая круглую площадь, вымощенную добротной брусчаткой из серого граубюнденского камня и обставленную по периметру каменными кубами, из которых росли кусты с белыми оглушительно пахнущими цветами.

Затем начинался небольшой сквер, обнесенный декоративным заборчиком в деревенском стиле (незатейливо отесанный штакетник, укрепленный крест-накрест), а левее был уже виден дом Анны-Мари: семиэтажный корпус в стиле агрессивного конструктивизма с геранью на балконах, панорамными окнами и с выступающими вперед массивными эркерами из бетона и металла, из-за чего здание это выглядело как космический корабль. К подъездам вели извивающиеся дорожки, вымощенные многоугольными плитками. Вид замощения каждой из них соответствовал одному из пяти типов изоэдральных замощений, описанных Карлом Рейнхардтом, историю жизни и творчества которого Анна-Мари как-то рассказала ему по уже неизвестно какому поводу.

Чуть в стороне справа метров через пятьдесят находилась детская площадка с песочницами, горками, качелями,

а на вершине мощного платана был сооружен самый настоящий дом – пусть и маленький, но с крышей, окнами и даже неким подобием террасы. Внизу, у начала лестницы, ведущей в дом на дереве, стоял информационный стенд с логотипом городской мэрии и краткой биографией писателя, книга которого послужила источником вдохновения для этого проекта. Под конец Андреас уже мог цитировать текст этой таблички практически наизусть.

«Иоганн Давид Висс, родился и умер в Берне, изучал теологию и философию в Лозанне, служил в качестве военного священника за рубежом, стал пастором, получил место в Бернском кафедральном соборе с его знаменитым шпилем. Книга „Швейцарский Робинзон“ к публикации не планировалась. В свет она вышла только благодаря стараниям сына автора».

Если забраться в дом на дереве и выглянуть за окно, то при хорошей погоде оттуда можно увидеть гряду бернских Альп с их знаменитыми вершинами Эйгер, Мёнх и Юнгфрау. В зависимости от погоды они могли быть разными: далекими или близкими, четкими или размытыми, оранжевыми или розовыми, подсвеченными вечерним солнцем или стальными, словно кристаллы льда, образовавшиеся на утреннем холодке.

С этого ракурса дом Анны-Мари выглядел каким-то естественным каменным склоном, расчерченным на искусственные горизонтальные ярусы. И только отсюда, из дома на де-

реве, и получалось понять замысел архитектора, решившего в центре рационально продуманного пространства с его велосипедными дорожками и рекреационными зонами возвести дом, перекликающийся с земной поверхностью и тут же, отталкиваясь от нее, уходящий вверх дикой силой воображения, воплощенной в строгих упорядоченных линиях строительного проекта.

Окна квартиры Анны-мари выходили к межрегиональной скоростной автотрассе, а потом еще дальше, к ферме, где сеяли маис и разводили перуанских лам. За фермой виднелся лес, уходящий в голубое дрожащее марево пологих холмов. Добраться до апартаментов Анны-Мари и сейчас можно на лифте «Шиндлер», а можно и по лестнице, осторожно наступая на отполированные мраморные ступени. Около дверей соседских квартир иногда стояли кроссовки или горные ботинки, выпачканные засохшей грязью, иногда пустой рюкзак или полные сумки из супермаркета.

На пятом этаже в кадке росло лимонное дерево, рядом на полу лежал на боку расправленный зонт с геометрическими узорами. В воздухе витал запах стирального порошка, иногда откуда-то долетали приглушенные гудки машин, голоса птиц или неумелые клавишные аккорды. Уже гораздо позже Андреас подумал, что он почему-то так и не удостоился спросить Анну-Мари, как это – жить в доме, спроектированном отцом. Не напоминают ли ей эти апартаменты (за которые, кстати, Анне-Мари не приходилось платить

ни гроша, поскольку принадлежали они архитектурной фирме ее родителей) темное лоно, из которого всякий человек стремится вырваться на ослепительный свет мира, туда, где рано или поздно приходится расплачиваться за все?

Скорее всего, Андреас не задал этот глупый вопрос, потому что инстинктивно он понимал, что аллюзии на преждевременные или, наоборот, серьезно припоздавшие роды, не вызвали бы у Анны-Мари ничего, кроме презрительной усмешки, так как если чего она и не любила, так это всякого рода притянутые за уши символы, а особенно в стиле превратно истолкованного фрейдизма.

На ее двери висел оставшийся с рождественских праздников засохший хвойный венок с ленточками и потрескавшимися колокольчиками из разноцветного стекла. Прихожая была у Анны-Мари маленькая, выложенная серыми каменными плитами, справа виднелась небольшая вешалка, в недрах которой скрывалось испуганное зеркало. Потом начинался коридор – и тут же он завершался неожиданно просторной кухней. Направо – совмещенный санузел, налево – спальня, она же гостиная.

Из обстановки имелись раскладная икеевская кушетка, старый массивный рабочий стол с принтером и здоровенным компьютером «Эппл», на заснувшем экране которого разноцветные молнии задумчиво рисовали замысловатые узоры. В дальнем углу спальни комнаты были видны гладильная доска, напольная лампа, неуклюжий тренажер-велоси-

пед и сабельный резак для бумаги.

Окно без занавесок прикрыто опущенными снаружи жалюзи. Сквозь них в комнату проникал рассеянный солнечный свет, падавший рваными пятнами на фотоработы, рядками разложенные на полу в гостиной, в коридоре, даже на кухне. Они образовывали замысловатые линии смутного еще сюжета.

* * *

Анна-Мари хотела стать великим фотографом. Ее настроение менялось иногда очень резко. Она то безмерно страдала и говорила, что таким бездарям, как она, нечего делать в искусстве, то ее обуревала жажда свершений, и она была уверена в том, что наследие Анри Картье-Брессона, которого она боготворила, находится в ее надежных руках. Помочь ей Андреас ничем не мог – он мог только поддержать ее личным присутствием. Поэтому если она его просила об этом, то он всегда ездил с ней по скучным вернисажам и выставкам. Анна-Мари говорила, что у нас есть время и что на машине мы в любом случае доберемся вовремя. И она всякий раз оказывалась права: они всегда точно успевали к назначенному сроку.

Сначала они выходили на лестничную клетку, Анна-Мари запирала дверь, после этого Андреас спрашивал у нее, не забыла ли она бумажные платочки «Клинекс», солнечные оч-

ки или бутылку воды «Эвиан» со спортивной пробкой. Что-нибудь она наверняка забывала взять, поэтому открывала дверь, опять заходила в квартиру, а Андреас заходил следом и несколько мгновений прислушивался из прихожей к тому, как на кухне хлопали дверцами навесные шкафы. Затем Анна-Мари опять запирала квартиру, и они ехали на лифте в подземные катакомбы.

Не знакомый с подробным планом лабиринта вполне могут и заблудиться. И тогда ему не оставалось бы ничего иного, кроме как, закрыв глаза, прислушиваться к звукам тихо воющих стиральных машин, к пластмассовому плеску воды в невидимых трубах, к раскатистому эху от хлопнувшей автомобильной дверцы и к краткому электронному сигналу, какой обычно издает заблокированный центральный замок, ведь эти звуки, не исчезающие никогда, вечно живущие, вполне могли бы сыграть роль разметки и знаков дорожного движения.

Принадлежавший Анне-Мари хетчбэк «Рено» стоял между «Ягуаром», на котором ездил преподаватель латыни из гимназии «Кирхенфельд», и «Фольксвагеном», пребывавшем в собственности у разведенной матери с двумя детьми семи и девяти лет. На тахометре у «Рено» давно уже крутилась вторая сотня тысяч километров. Однако его предыдущие хозяева, да и сама Анна-Мари, относились к машине аккуратно, в срок проводя технический осмотр и вовремя меняя зимнюю резину на летнюю. На улицу из гаража вела

спиралевидная бетонная рампа. Повинуясь сигналу, посланному снизу датчиками, железные створки ворот наверху начинали раскрываться, и пожилой «Рено», повизгивая шинами, вылетал на улицу.

* * *

Последний раз на такой выставке они были в начале весны. Музей фотографии светился изнутри. На входе предлагали бокал пузырящегося просекко, в пестрой толпе присутствовали иностранцы, говорящие на разных языках. Анна-Мари сразу растворилась в медленно вращающейся массе людей. Это называлось модным словом «нетворкинг», в переводе «налаживание связей и контактов». Андреас ходил вдоль стен и вглядывался в широкоформатные изображения перекопанных строительной техникой улиц, в фотографии уличных кафе, состоявших из пары-тройки пластиковых столов и стульев, отнесенных на самый край тротуара, на панорамы железнодорожных станций, погруженных в синеватый свет ночных прожекторов.

Потом он пытался отыскать взглядом Анну-Мари, но она то исчезала, то появлялась между людьми и легкими передвижными стенами и экранами, на одном из которых горные вершины то погружались в солнечный свет, то пропадали в белом урагане. Автором видеоинсталляции оказался фотохудожник, прославившийся в свое время серией работ

о далекой стране Гаити, переживавшей, после очередных переворота и землетрясения, новый этап своего бесконечного освобождения. Несколько раз они встречались глазами, Анна-Мари улыбалась и тогда Андреас ощущал мгновенный укол счастья. Потом он поворачивался к очередной фотоработе, раскачивающейся на тонких ниточках, и пытался понять, почему автор фотографии человека, стоящего на табуретке прямо посреди вышедшего из берегов озера, получил первую премию.

Он любил ее диалект, отличавшийся от того, на котором говорил сам Андреас. Дед передал ему по наследству характерную валезанскую привычку дробить говор, превращать его в массивный гравий с резко обрубленными гласными, окончаниями и приставками. Отец предпочитал французский или, уж если на то пошло, прозрачный ганноверский диалект, который, вооружившись в свое время армией и флотом, сам короновал себя в качестве филологического стандарта. Мать же была виртуозом бернского немецкого, который напоминал расплавленный раклет, вскипающий пузырями фонетизации остатков швабского диалекта пополам с анахронизмами из арсенала средневерхненемецкого. Съехавшись позже с Анной-Мари Андреас, сам того не заметив, перешел на усредненный вариант, на котором говорили ведущие национального общественного телевидения. Но сама Анна-Мари...

Ее манера говорить напоминала пеструю ленту самых

разных вкраплений, основой для которых служили разговоры, бытующие где-то между Люцерном, Цугом и Цюрихом. Она говорила по-люцернски, используя форму «привет вам» вместо характерного бернского «приветствую», постоянно вставляя все эти неизвестно откуда взявшиеся «дискординировать» в смысле «разойтись во взглядах», «ушибистость» в смысле «грубость» и «тристия» в значении «грусть». Эти слова приводили его в восторг, равно как и ее любимое ругательство «ухабака», точное значение которого он тоже так и не успел выяснить.

* * *

Что они искали? Простор. И свет! Непременно свет. Стены непременно должны быть ослепительно белыми и окна огромными, выходящими на луг, или поле, или на холмы, за которые по вечерам скрывалось бы солнце, окрашивая все вокруг мягким оранжевым свечением. Им нужна гостиная, место, где можно находиться вдвоем, но также и пространства для каждого из них: для нее рабочий кабинет с компьютером и принтером, для него – комната, где можно расположить аудиосистему, колонки и где пестрые обложки старых пластинок смотрелись бы привычно и естественно. Они ездили, ходили, искали, проживая лучшие дни их совместной бесприютной жизни.

Как-то они приехали в маленькую деревню, окруженную

лесом и пашней. Они договорились о встрече перед рестораном. Хозяин долго не приезжал, и Анна-Мари начала уже сердиться и внутренне закипать. Еще раз набирая его номер, Андреас украдкой поглядывал на то, как Анна-Мари беспокойно расхаживала вдоль фасада старого дома с типичной крышей, каменным нулевым этажом, где и располагался этот небольшой деревенский ресторан, и деревянным первым жилым этажом. Хозяин появился с десятиминутным опозданием.

Его трактор «Джон Дир» был весь забрызган зеленой силосной пеной. Огромные колеса, вымазанные в черноземе, оставляли на черном свежееуложенном асфальте легко различимый след. Хозяин выглядел лет на тридцать и говорил на очень странном диалекте. Андреас никогда еще не сталкивался с таким говором. Извинившись, хозяин попросил подождать еще буквально пять минут. Запарковав трактор в боковом переулке, он снова появился перед ними, но уже без кепки и в свежей рубаше и предложил занять места в его «Порше Панамера». Квартира находилась в жилом комплексе в нескольких километрах отсюда.

В салоне пахло нагретой кожей, приглушенно играла неразличимая музыка.

Андреас сел впереди, Анна-Мари устроилась на заднем сиденье. С электрическим жужжанием опустилось стекло. Анна-Мари выставила наружу камеру и сделала несколько снимков. Хозяин сказал, что его зовут Хуго. В нынешних

условиях только сельское хозяйство уже не может быть проектом на будущее. Правительство недавно повысило размеры субсидий фермерам, без которых он лично давно бы уже прекратил работать на земле. С другой стороны, если – не дай бог – будет подписан Договор о свободной торговле с Соединенными Штатами, никакие субсидии уже не помогут.

Поэтому они с отцом решили начать бизнес в области жилой недвижимости с учетом того, что в ближайшем будущем следует ожидать массового притока утомленных суетой и плохой экологией горожан в сельские области, где еще сохранилась более или менее нетронутая природа, но уже есть вся современная, прежде всего коммуникационная, инфраструктура. Работать теперь можно откуда угодно и где угодно. Не обязательно ездить каждый день в душных поездах в офис, а потом обратно домой, тратя драгоценное время и медленно, но верно, сокращающиеся природные ресурсы, не так ли? Одна и тут есть проблемы: строительные нормы, правила и вообще законодательство, регулирующее перевод земель из зоны сельского хозяйства в зону застройки. Все очень сложно и непонятно!

Дорога петляла между полями и нырнула в тоннель. На выезде из тоннеля справа по ходу движения уже были видны несколько двух- и трехэтажных корпусов, построенных в модном стиле: бетон, сталь, дерево и стекло. Хуго завернул на пустовавшую гостевую парковку, выключил двига-

тель и с металлическим лязгом отстегнул ремень безопасности. Солнце периодически выглядывало из-за разорванных в клочья облаков. Хуго выудил из кармана джинсов связку ключей. Для тех, кто работает удаленно или на фрилансе, это идеальное место. Или, например, если кто-то захочет написать роман, добавил он неожиданно. Вы ведь не писатель, спросил он, подмигнув, нет? «Новый журнализм» и все вот это? Нет, коротко ответил ему Андреас.

Анна-Мари вскинула камеру, пытаясь поймать в объектив зависшую высоко в небе птицу с распахнутыми крыльями. С общественным транспортом здесь неплохо, рассказал Хуго, пока они шли по дорожке усыпанной мелким серым гравием. Там, он махнул рукой, есть остановка почтового автобуса, до ближайшей железнодорожной станции восемь минут. Магазины там же, и это не совсем удобно, но если у вас есть личный транспорт, даже велосипед, то это уже наполовину решает вопрос! Хуго со звоном перебрал ключи, выбрал один и вставил его в замочную скважину. Школ и детских садов здесь нет. Анна-Мари недовольно нахмурила лоб. Гендерные клише! Вслух она этого не произнесла, но Андреас к тому времени уже довольно хорошо разбирался в ее мимике.

* * *

Входная дверь аккуратно закрылась за ними, отсекая зву-

ки улицы, после чего вокруг воцарилась полная тишина, прерываемая только звуком их шагов. На лестничной клетке пахло сохнувшей штукатуркой. Две квартиры на нулевом этаже с садом уже купил кантональный банк, сказал Хуго. Ваши апартаменты из четырех с половиной комнат находятся выше. В стерильно пустой квартире неподвижный воздух нагрелся, даже несмотря на опущенные снаружи железные жалюзи. Хуго открыл небольшую дверцу в стене. За ней скрывались тумблеры электрических предохранителей. Он щелкнул одним из них, жалюзи поехали вверх с легкой вибрацией. Хочу обратить внимание на ванную комнату.

Вот здесь мы запланировали специальную нишу для стиральной машины и сушильного агрегата. Техника лучшего качества, это дорого, но мы решили не экономить. Я еще покажу вам подвал, там расположена общая прачечная. На нашем диалекте она называется «помоечная кухня». А на вашем? Андреас пожал плечами. Просто «прачечная»! Пойдемте посмотрим другие комнаты, очень просторные, с высокими потолками. Хуго открыл одно из панорамных окон, выходящих на холмы и лес. Волной хлынули терпкий сенной дух и оглушающий птичий гомон. На полу лежали горячие квадраты солнечного света. Из потолка торчали аккуратно замотанные изолентой проводки. Каждый может сам оборудовать источник света, а может поставить заглушку, потому что нередко освещение люди обеспечивают напольными лампами, чтобы пространства сверху оставалось больше.

Это могла бы быть гостиная, здесь – терраса, она выходит в сторону, на рощу, а недалеко – ручей. Он шумит, его слышно по ночам. Но если прикрыть окна, то звук исчезает почти полностью. Анна-Мари взяла наизготовку камеру, щелкнула несколько раз, потом опустила ее вниз. Стильные перила из стальных тросов ограждали балкон, можно было различить даже запах мокрого камня. Комаров тут нет. Несколько лет назад община инвестировала довольно большие деньги в дренажный проект. Ручей спрямили и убрали в каменное русло, теперь он не разливается, но с аккуратной яростью несет в своей воде малахитовый песок. Там дальше есть дорожки через «места силы», отмеченные эрратическими валунами. Можно и бегом заниматься. Здесь может быть спальня. Ее окна выходят на другую сторону, во внутренний двор, в центре которого растет старое дерево.

Как и положено, паркет здесь более приглушенного оттенка, тут меньше солнца, стены белые, их прозрачная геометрия отражает идею полной свободы. В каком это смысле? Анна-Мари опять вскинула камеру, нацелилась в одну ей только ведомую перспективу, но потом передумала. Наша архитектура не предъявляет к будущим жильцам никаких требований, не ставит вопросов, это абсолютная Возможность, шанс начать новую жизнь с чистого листа и если вы вас правильно понимаю, то настало самое время посмотреть на кухню. Здесь тоже очень просторно. Видите так называемый кухонный остров?

Все основные рабочие поверхности находятся в центре, вы – находитесь в центре, а все вращается вокруг вас. Строгие линии и прозрачность белых оттенков элегантно накладываются на стекло и хромированную сталь, большое окно как бы служит тоннелем в иное измерение. У вас всегда есть возможность бросить взгляд на то, что находится за пределами вашего непосредственного пространства. Освещение утоплено в потолок и напоминает звездное небо. Теперь пора спуститься в подвал. Выпустив Анну-Мари и Андреаса на лестничную клетку, Хуго некоторое время еще возился в квартире, гасил свет, щелкал тумблерами в ящике с предохранителями, опускал ставни, потом вышел следом, аккуратно прикрыл дверь, повернул ключ в замке.

На минус первом этаже было темно. С тонким звуком лопнувшей струны зажегся свет. Гараж пустовал, но парковочные слоты на приглаженном асфальте уже были аккуратно размечены и пронумерованы. У дальней стены оборудована мойка для машин. Тут же начинался коридор, он вел в сектор, отведенный для хранения личных вещей. Стиральные машины стояли, укутанные в пластиковую пленку и крест-накрест перетянутые разноцветными шнурами. Хуго остановился, с глухим звоном похлопал ладонью по стальной двери толщиной в пару десятков сантиметров. Никто больше не ждет, что красные танки начнут вдруг форсировать Боденское озеро, холодная война завершилась, и тем не менее! Хуго провел рукой по темной стальной поверхности.

Переделывать проект запрещено, поэтому мы превратили убежище гражданской обороны в просторные кладовые и даже осталось место для винного погреба. Желающие могут арендовать его, сосновые стеллажи уже заказаны. Собственно, здесь наша небольшая экскурсия завершается. Хуго, словно фокусник, извлек из воздуха аккуратную папку и вытащил из нее сиреневого цвета листок бумаги формата А4. Вы можете заполнить эту анкету и прислать нам ее по почте. Хуго перевернул листок обратной стороной. Здесь есть все почтовые данные, а также адрес электронной почты. Если у вас нет больше вопросов, я отвезу вас обратно к вашей машине.

* * *

Дорога пошла раскручиваться в обратную сторону, туннель, поля, лес на горизонте, холмы и за ними – белая гряда вершин. Хуго попрощался, пожал руку сначала Анне-Мари, потом Андреасу. Мы были бы рады видеть вас в числе друзей и соседей. Анна-Мари вскинула камеру ему вслед и сделала несколько снимков, потом повернулась к их скромной машинке, не шедшей ни в какое сравнение с роскошной «Панамерой», и сфотографировала ее тоже. В тот момент она была их домом, неказистым, без радио, навигатора, центрального замка и кондиционера, но тем не менее... Все эти снимки должны где-то сохраниться. Она была уверена в том, что

однажды какой-то из них может стать шедевром и получить премию.

Наверное, должны сохраниться и снимки, сделанные в церкви где-то в небольшой деревушке, уютно примостившейся на склоне горного кряжа на полпути между Люцерном и Цугом. Андреас помнит, что со склонов на левой стороне долины нависали тяжелые тучи, гром доносился далекими раскатами, а на склонах справа скалы тонули в оранжевых лучах солнца и маленькие машинки, взбирающиеся по асфальтовому серпантину, вспыхивали на секунду алмазными искрами. Анне-Мари эта местность показалась слишком деревенской, а диалект – вообще не от мира сего. Андреас же, коротко заглянув в свой смартфон, выяснил, что община, на территории которой стоял дом с искомой квартирой, занимала одно из первых мест в национальном рейтинге по степени тяжести налоговой ситуации для физических лиц, в отличие от кантона Цуг, который начинался совсем недалеко и где с точки зрения налогов как раз все было прекрасно. Зато средняя цугская квартира стоила в месяц столько, что просто волосы дыбом, и все из-за международных компаний и фирм-почтовых ящиков.

Анна-Мари, посмотрев на выложенные в интернете фотографии квартиры, сказала, что ей понравилось нетривиальное сочетание прямых линий, простора, света, стали и стекла. И они поехали смотреть её. В деревенском ресторане, в который они зашли на обратном пути, работало радио

и звучала народная музыка. Из-за раскрытых окон расши-
тое красными цветами белое полотно занавесок поднима-
лось и опускалось на слабом сквозняке. В дальнем углу кто-
то читал газету, положив на стол измятую кепку. Пришел
хозяин, с морщинами на лице и в жилетке с эдельвейсами,
спросил, все ли у них в порядке, посетовал на неразборчи-
вом диалекте, что сын уехал в город, и некому теперь пере-
дать ресторан, а рядом в горах построили курорт, и все ту-
ристы теперь там, а сюда не заходят.

Возвращаясь к машине, они увидели, как сгущаются тучи.
Ветер принес несколько пригоршней ледяных капель. Пере-
живая дождь, они зашли в церковь, которая стояла в сто-
роне от дороги, окруженная низким каменным заборчиком.
За церковью начиналось кладбище с аккуратными памятни-
ками. В церкви пахло сырой бумагой и сгоревшими свеча-
ми. Анна-Мари сделана несколько снимков. Щелканье за-
творы отозвалось эхом. Где-то на хорах захлопали крылья,
и Анна-Мари, опустив камеру, сказала, что она бы не хоте-
ла жить рядом с кладбищем. Потом через все небо переки-
нулась невероятно яркая радуга, но Анна-Мари не стала ее
снимать.

* * *

Однажды они нашли себе сразу два в теории подходя-
щих варианта. Одна из квартир располагалась на первом эта-

же старинного многоквартирного дома в стиле грюндерской эпохи. Сайт недвижимости утверждал, что два года назад эту четырехкомнатную квартиру отремонтировали, всю технику заменили на новую и даже устроили, при помощи хитрого остекления, зимний сад. Они припарковались в боковом переулке. Кот в ошейнике неторопливо пересек проезжую часть. Дом они нашли довольно быстро. На сайте говорилось, что ключ от квартиры находится у хозяина. Этот плотного мужчину в возрасте под сорок, они узнали по фотографии на сайте и увидели уже издалека.

Входная дверь была открыта, хозяин быстрыми шагами курсировал из дома к припаркованному у обочины «Фольксвагену» стального цвета и обратно. Увидев их, он прекратил загружать в машину зимнюю спортивную экипировку (две пары лыж, разрозненные лыжные палки, ботинки, перчатки, два шлема с пластиковыми забралами), выпрямился и помахал рукой. Говорил он на письменном языке с итальянским акцентом. Квартира стоит пустая, хорошо, если бы в ней наконец поселилась жизнь. Хозяин принес ключи, указал им путь по узкой винтовой лестнице, но тут же отвлекся на миниатюрную женщину азиатского типа, филиппинку или тайку, которая вышла на крыльцо, у нее под ногами путались дети, мальчик и девочка. Женщина начала говорить что-то по-итальянски. Хозяин с грохотом сгрузил сноуборд себе под ноги и принялся отвечать, также на итальянском.

Филиппинка или тайка говорила, хозяин жестикулировал,

дети начали плакать, подняв головы. Андреас и Анна-Мари взяли ключи и принялись украдкой взбираться по лестнице на первый этаж. Лампочка под потолком горела мутным светом. На полу межэтажной площадки стоял макет кукольного домика со снятым фасадом. Наклонившись, можно было увидеть лестничные пролеты, микроскопическую посуду на кухне и рабочие столы с фигурками поваров. Выше располагались классные комнаты с маленькими, не больше горошины, глобусами, партами и черными грифельными досками со всеми тщательно прописанными формами глагола «быть». Имелись даже шкафы со стеклянными дверцами, за которыми золотились едва различимые корешки книг. Еще выше начинался жилой уровень, он был подразделен на гостиную с пестрыми диванами и ломберным столом, на две детские комнаты, со стенами, раскрашенными пестрыми гибкими цветами, на спальню с белым пологом над большой, королевских размеров, двуспальной кроватью и еще на две ваннные комнаты – все краники вертелись, а миниатюрные цепочки на мельчайших клозетах дрожали и раскачивались, реагируя на их шаги.

Анна-Мари задержалась и сделала несколько снимков. По сравнению с компьютерными симуляциями эта неуклюжая попытка воспроизвести знакомый, устойчивый мир выглядит бесконечно наивной, но именно поэтому такой симпатичной и живой. Позади загрохотали шаги хозяина, лестница завибрировала. Вытирая лоб и одергивая майку с тем-

ными следами пота, он сказал, что это хорошая квартира, что в прихожей много встроенных шкафов, а зимой включается электрический подогрев, а это значит, что, придя с улицы и сняв промокшую обувь, ты оказываешься на теплом полу. Тепло дома, кто не мечтает о нем? Хозяин подмигивает и возвращается к встроенным шкафам, белые створки которых распахиваются с легким стуком.

Они и в самом деле хороши, просторны, и в них нет ровным счетом никаких скелетов. Пока... Он опять подмигивает. Последняя семья, которая жила здесь, два года назад переехала в Южную Америку, то ли позабыв, то ли из каких-то своих принципов не захотев уведомить власти об отъезде и о том, что теперь они имеют честь принадлежать к так называемой «Пятой Швейцарии». Хозяин ухмыляется. Человек всегда ищет где лучше! Из-за этого недавно даже приезжала полиция и попросила разрешения самим убедиться, что в квартире уже нет никого, потому как посылаемые кантональным налоговым ведомством декларации уже два раза возвращались обратно с пометкой «Адресат неизвестен», а это, понятное дело, непорядок, хотя кто мы все такие, чтобы судить других?

Анне-Мари понравилось сочетание белых стен и потолка с темным паркетом. Андреасу приглянулась одна из четырех комнат, окна которой выходили в тихий переулок, заросший деревьями с интересными желтыми соцветиями. Если вы хотите посмотреть зимний сад, надо пройти вперед по ко-

ридору и сразу в гостиную. Солнце дробилось в промытых стеклах. Хозяин раскрыл створки дверей, ведущих в зимний сад. Здесь пахло мытым полом, разогретым деревом, в углу в желтом терракотовом горшке рос фикус в рост человека. Хозяин сказал, что с собой прежние хозяева фикус не взяли, исходя, видимо, из того, что в Южной Америке таких и еще много разных других деревьев у них будет в избытке.

Анна-Мари подошла к панорамному окну, выходившему в сад. Как и было указано на сайте, он находился в полном их распоряжении на условиях общего пользования. В дальнем левом углу возвышалась липа с огромной кроной, тень от которой полукругом ложилась на подстриженную траву. В тени были разбросаны разноцветные игрушки, включая большую куклу в вечном обмороке. Наискосок от липы возвышался надувной батут, огороженный по периметру полупрозрачной сеткой. Маленькая девочка без остановки прыгала на батуте, однообразно восклицая: «Халло, халло, халло!»

Младший, мальчик, пытался уползти по траве от филиппинки или тайки. Она постоянно хватала его за ногу и, возвращая на место, что-то настойчивого втолковывала на сверхскоростном испанском. Девочка споткнулась, сбилась с ритма, неудачно приземлилась задом на батут и заревела в голос. Анна-Мари отошла от окна, сказала, что нам нужно успеть на просмотр еще одного объекта. Хозяин развел руками, конечно, открыл дверцу одного из навесных кухонных шкафов и достал знакомый зеленый формуляр. Если

вас заинтересовала квартира – заполните формуляр и отошлите его на адрес фирмы. Адрес указан вот тут! Хозяин удовлетворенно кивнул головой и протянул листок Андреасу. Здесь есть хороший парк, там можно заниматься слэк-лайном!

* * *

До следующего объекта оставался еще час. Этот жилой комплекс был выстроен в начале семидесятых. Сразу за домами начиналось поле. По полю медленно ползал трактор и ворошил сено. От сена исходил терпкий медовый запах. Комплекс состоял из нескольких башен разной высоты и из группы одноэтажных корпусов, так что люди могли выбрать себе вариант проживания на любой вкус. Удобный выезд на федеральную скоростную автотрассу, близкая остановка трамвая, магазины, школы, подземные гаражи, спортивные площадки, скверы, засаженные розовыми кустами, тенистые аллеи – территорию комплекса можно вообще не покидать. Нужный корпус они нашли сразу.

Под его окнами человек в шортах, майке и защитных очках работал с электрической газонокосилкой, стрекот двигателя смешивался с громким пением птиц. У подъезда уже толпились интересующиеся: пара японцев, женщина в розовом хиджабе и с кудрявым ребенком на самокате, велосипедист с курчавой бородой, в пластиковом шлеме и с крас-

ным рюкзаком «Фрайтаг» на спине, крестьянского вида мужик с красными руками и обветренным лицом, молодая женщина на последнем месяце беременности. Кто-то произнес вполголоса, что риелторша запаздывает, что она позвонила и рассказала, мол, стою в пробке у стадиона.

Рваные облака плыли с запада на восток, люди подходили еще и еще. Риелторша взялась словно ниоткуда. Молодая полненькая девушка в очках, в белой офисной блузке и юбке – наверное, слишком узкой, – с перекинутой через плечо кожаной деловой сумкой. Риелторша проложила дорогу через толпу к подъезду, извиняясь за опоздание на чистом письменном языке. Откинув клапан у сумки, она извлекла из него папку, забитую бумагами. Вытащив листок формата А4, она пробежала его глазами, потом открыла специальным ключом дверь подъезда. Квартира находится третьем этаже, поэтому, пожалуйста, попробуем не перепугать весь дом, сказала риелтор. Потом она улыбнулась.

Выстроившись аккуратной цепочкой, посетители потянулись в полутьму, разбитую светлыми квадратами света. Ребенок начал с грохотом волочь вверх свой самокат. Риелтор опять попросила не шуметь и самокат остался у подъезда в компании рыжего кота с колокольчиком на шее. Дверь в сдаваемую квартиру была распахнута настежь. Из нее на лестницу выплескивался ни с чем не сравнимый запах обжитого помещения. В нем не просто жили, но жили долго и основательно, не обязательно счастливо и богато, но до-

стойно и с толком. Прошу, входите, добро пожаловать, говорила риелторша, поправляя на плече сумку и перекладывая связку ключей из одной руки в другую. Это очень хороший объект, на солнечной стороне и с уникальной планировкой.

Все старые вещи были еще здесь, но они уже потеряли свои привычные места в пространстве, оказались сдвинуты, сняты, после них оставались только белые пятна на стенах. Из-за этого все вокруг казалось размытым, нечетким, погруженным в какой-то тягучий желтый свет. Хозяйка квартиры, старушка с аккуратной прической, ходила тут же между коробками и предметами обстановки, уже упакованными в специальную пластиковую пленку. В кабинете, вход в который находился сразу в прихожей слева, на массивном дубовом столе между стопками старых выпусков журнала «ТЫ» лежали пожелтевшие фотографии в деревянных рамках: каменистая дорога, ведущая через перевал, строгие лица военных, военный плац, деревянный мост, три солдата на велосипедах, в стальных касках и с винтовками за плечами.

Первая швейцарская военная школа открылась первого августа тысяча восемьсот девятнадцатого года в городе Тун. Старушка остановилась перед Андреасом и Анной-Мари. К груди она прижимала портрет средних размеров. Сквозь ее покрытые морщинами скрещенные руки можно было увидеть только картонную изнанку и размашистую надпись, сделанную поблекшими от времени чернилами. Казармы находились в бывшем овине на хуторе Беллиц, это на острове,

там, где сейчас магазины. Сначала в школе учились офицеры-артиллеристы и специалисты по фортификации. Потом к ним добавились пехотинцы, кавалеристы и стрелки, а также офицеры Генштаба. Здесь впервые стал применяться артиллерийский симулятор Баранова. Был такой инженер, он бежал от большевиков. Первым директором школы стал полковник Йост Гольдлин фон Тифенау.

Хозяйка оторвала портрет от груди и перевернула его лицевой стороной наружу. Полковник смотрел на Андреаса и Анну-Мари сумрачными глазами. Это прадед моего мужа. Мой муж умер пятнадцать лет назад. С собой я возьму только этот портрет и фото мужа. Остальные фотографии вы можете взять себе. Если, конечно, вам захочется смотреть на незнакомые лица из прошлого. Многим нравится украшать свои квартиры старинными вещами. Хозяйка задумалась на несколько секунд. Анна-Мари, не спрашивая, вскинула камеру и сделала снимок. Есть старые патефонные пластинки. Опера. Вико Торриани. Мой муж любил его песни, «Белла, белла донна» или «Черный Цыган». И книг много. Куда теперь с ними?

Супруги-японцы, взяв в руки тот или иной предмет, несколько секунд обменивались тихими словами, потом аккуратно возвращали его на место. Беременная на продвинутом месяце ловко лавировала между цветочными горшками. Мужик крестьянского типа рассматривал потолки. Его интересовали рустикального вида деревянные балки из дуба.

Они красиво выглядели на белом фоне. Женщина в розовом хиджабе пристально изучала старинный комод с зелеными дверцами, расписанными яркими подсолнухами. Все это будет вынесено, говорила меж тем риелторша. Кухня и ванная комната подвергнутся реконструкции. Балкон превратится в лоджию. Ребенок полез к игрушкам, сваленным в одну из коробок.

Вытянув одноглазого плюшевого медведя, он прижал его к груди и молча сел на пол. Хозяйка остановилась перед ним и немного склонилась вперед. Глаза ребенка налились слезами, но хозяйка только протянула руку и погладила ребенка по голове, произнеся несколько слов на незнакомом диалекте. Анна-Мари тронула Андреаса за плечо: в руках она держала стопку дисков формата «блю-рэй». Хозяйка все также прижимает к груди портрет своего предка. Детям все это не нужно! Старший сначала учился, потом сказал, что хочет увидеть мир, гору Алпамайю, потому что это самая красивая гора в мире. Потом он выучился на мастера по циклеванию деревянных полов, накопил денег и поселился в деревне Гондо, где добывает биткойны. Младшая вышла замуж и уехала за рубеж. Вы можете забрать все это себе, но, я думаю, что книги Хайнца Консалика, Марио Зиммеля и Розамунды Пильхер все-таки точно никому не нужны. Наверное, их отдадут на макулатуру.

Зачем тебе эти диски? Они ехали обратно. Квартира им не подошла: на балконе слишком хорошо было слышен гул машин на автобане, кухня оказалось тесной, в предполагаемой фотолаборатории они не нашли достаточного количества розеток. По радио сообщили, что впереди произошла авария. Они решили объехать город по федеральной трассе. Но и тут им не повезло – перед выездом в сторону спортивной арены без видимой причины образовался затор. На заднем сиденье россыпью лежали несколько пестрых томов Марио Зиммеля и диски с сериалами. Анна-Мари любила научную фантастику. А если бы мы все-таки решили взять эту квартиру? Ты жалеешь? Иногда делаешь выбор, да или нет, и вроде бы ничего такого особенного, а пройдет лет несколько, и вот оказывается, что это была не просто развилка, а судьбоносный выбор. Как ты думаешь? Анна-Мари внимательно смотрела на дорогу. Поток рывками преодолевал несколько метров, затем останавливался. Вспыхивали и гасли тормозные огни. Андреас открутил на одну четверть стекло со своей стороны.

Наверное, все зависит от времени. Поток опять вздрогнул и пополз по темному асфальту с яркими полосами дорожной разметки. Анна-Мари изредка поворачивала голову в сторону Андреаса, прислушиваясь. Сначала любое событие кажется случайным. Потом, когда событий становится много, некоторые уже кажутся судьбоносными. Наверное,

это что-то вроде самообмана. Стало холодно, Андреас прикрутил окно обратно. На пригорке сбоку от дороги стоял памятник битве с Наполеоном. О ней он слышал по телевизору. Где-то здесь сломалась ось кареты, на которой корсиканский преступник увозил городскую кассу, растраченную позже на египетскую авантюру. Наполеон сумел прорвать границы привычного мира. А мы? Что происходит с другой стороны? Мы не знаем. А если взять и замкнуть время и пространство в своего рода ленту Мебиуса? Как тогда мы делали в школе на уроке геометрии. Фантазия, конечно! Мы на это не способны. Но только так та, другая, сторона станет твоей!

Впереди показалась многоуровневая развязка. Линии белых и огней сливались и дрожали, составляя чередующиеся размытые пятна. Поток постепенно ускорялся, набирал скорость, становился более плавным. Андреас слушал Анну-Мари, иногда теряя логику и нить ее рассказа, иногда подбирая их снова, включаясь в процесс, словно входя еще раз в реку одного и того же сюжета. Откуда она набралась всего этого? Наверное, из интернета. В Сети можно найти что угодно, но, и в этом Андреас был почти уверен, куда большую роль здесь наверняка сыграла Эмили. Их отношения были непростыми. На ветровое стекло упало несколько капель, Андреас пожалел, что еще один день завершился и что скоро придется покинуть машину, давно уже ставшую для них самым настоящим домом. Ему хотелось и дальше ездить по ближним и дальним городам и регионам, терять-

ся между полей с мгновенно созревающей пшеницей, делать великие географические открытия, натываясь на тщательно отремонтированные старые шале или новые поселки, возникшие в самых неожиданных местах, а то и на самые настоящие замки, которые, оказывается, тоже можно арендовать.

Это была, конечно же, шутка! Никто и не думал всерьез о том, чтобы поселиться в замке. Он находился просто по дороге. Нужно только свернуть с региональной трассы, миновать деревню, подождать на переезде, пока проедет местная электричка с огромными окнами. Потом, двигаясь через лес по склону горы, там, где под кронами деревьев рваные пятна света ложатся на черный асфальт, можно опустить стекло и вдохнуть запах прелой листвы. У маленького ресторанчика с видом на плотину можно сделать остановку, а потом опять в лес и после резкого поворота – пустая парковка. Управляющая компания почему-то решила, что Андреас и Анна-Мари приехали из Лозанны.

Риелтор, молодой человек в рубашке с короткими рукавами, говорил только по-французски. Анна-Мари вскинула фотокамеру, сделала несколько фотографий, риелтор развел руками, потом начал что-то говорить, показывая в разные стороны. Анна-Мари сообщила Андреасу, что он готов провести их по замку. Еще три года назад объект выставила на продажу местная община, но до сих пор найти подходящего покупателя или арендатора не удавалось, и даже не из-за цены, а из-за большого количества условий, главное

из которых – владелец или арендатор обязан превратить замок в центр культурной жизни. Конечно, сказал риелтор, мы не склонны рассматривать частных лиц как потенциальных клиентов, но мы все равно показываем наши объекты всем желающим.

Замок был небольшим: основное здание в три этажа и башня. На фоне стен, сложенных из серого камня, красиво смотрелись окна с деревянными ставнями в красно-черную полосу. За входными воротами находился небольшой дворик, вымощенный грубым булыжником, в центре – фонтан, струйка воды мерно вытекает из пасти каменного льва. Здесь можно устроить летнее кафе, сказал риелтор. На первый этаж вела полутемная лестница, пахло плесенью, каменные ступени удобно ложились под ноги. Риелтор остановился и показал на потолок: прямо над ними, примерно в полуметре, рукой достать, висел латунный светильник в виде русалки с обнаженным животом и пышной грудью. В руках русалка держала тройной подсвечник. Ее голову украшал веночек, а голый живот был вытерт до блеска от многочисленных прикосновений. Риелтор сказал, что в этом замке, построенном в первой половине семнадцатого века, русалка является символом счастья, а потому надо просто притронуться к ее животу, и тогда будет вам будут сопутствовать успех и счастье. Трогать живот русалки они не стали. Суеверие ведь!

Риелтор перешагивал через одну ступеньку, за ним шла Анна-Мари, потом Андреас. Двери со скрипом отворились,

и они попали в торжественный зал с высоким в три человеческих роста потолком. Анна-Мари вскинула камеру. Андреас задрал голову, риелтор раскрыл одно из трех окон и распахнул ставни, запустив полуденный свет, и Андреас увидел то, что так заинтересовало Анну-Мари. Потолок оказывается держался на грубых протравленных олифой деревянных балках, а сами балки и пространство между ними были плотно расписаны чем-то вроде фресок. Глазу с непривычки было сложно остановиться на чем-то одном, а потому не оставалось ничего другого, как перелетать с цветка на цветок, с завитых лиан, покрытых бутонами, на спрятавшихся в зарослях единорогов, с острых листьев травы на склоны холмов с реликтовым лесом и голубыми потоками.

Риелтор все что-то говорил и говорил, Анна-Мари обменивалась с ним краткими репликами. Андреас отошел в сторону, выглянул в окно и посмотрел на дрожащие в дальней прозрачной дымке белые вершины гор. Потом прошел вдоль стен, увешанных гобеленами, самый большой и богатый из которых изображал победу аппенцельцев над войском аббата Санкт-Галлена и австрийскими рыцарями в начале пятнадцатого века. Скрипели половицы, гобелены пахли мхом, из открытого окна непривычно громко доносился птичий гомон, грубые подоконники оставляли на ладонях неприятную сухость. Голова у Андреаса закружилась, на языке возник сладковатый привкус, риелтор развел руки в стороны – это все!

Перед последним перекрестком с круговым движением дождь зарядил по-настоящему, заработали дворники, сметая водяную пыль со стекол, Анна-Мари сбавила скорость. Она устала. В тот день они осмотрели, наверное, самое большое количество квартир, да еще пробка в конце пути – все это не осталось без последствий. Андреасу было жаль ее, но Анна-Мари сама захотела сесть за руль. Свернув во двор, она сказала, что не будет заезжать гараж, завтра все равно с утра ехать в Цюрих. Лучше оставить машину на гостевой стоянке, она сейчас все равно пустая. Несмотря на дождь? Несмотря на дождь! Встав на привычном месте (слот номер шестнадцать), она заглушила двигатель и отстегнула ремень безопасности. Так что же все-таки рассказывал риелтор? Анна-Мари глубоко вздохнула. Наверное, Андреас должен был все-таки выучить в школе получше этот язык субтильных намеков и многозначительных символов. О чем шла речь?

В день мая двадцать третьего года тысяча шестисот восемнадцатого в Пражском Бурге происходила оживленная беседа по ряду богословских вопросов между представителями Католической Лиги и Протестантского Союза, в результате которой благородные сеньоры Хайнрих Маттиас фон Турн и Вильгельм фон Лобковиц применили силу и выкинули из окна третьего этажа земельного обер-судью Вильгельма фон Славату, бургграфа Карлштайнского Ярослава фон Мартинитца, а также их секретаря-борзописца Фабриция. Сей дикий поступок стал прологом к маленькой миро-

вой войне, опустошившей практически всю Европу и надолго превратившей ее в юдоль скорби, в которой царили нож, ночь, право сильного, дело разбоя, скрежет зубовой и полное забвение всех тех ценностей и догматов, во имя которых, собственно, и затевалась эта горестная эпопея.

А между тем совсем недалеко, километров двести или триста к югу, процветали швейцарские крестьяне, продававшие хлеб всем воюющим сторонам. Многие хлеборобы брали серьезные кредиты под будущий урожай и гарантированные поставки войскам Тилли или Густава Адольфа. Однако потом война прекратилась, потому что всякие войны рано или поздно заканчиваются, надобность в поставках отпала, а в ноябре 1652 года бернские властители объявили о резкой девальвации тогдашней валюты «батцен». Крестьяне оказались в финансовой ловушке, которая через полгода привела к войне Хуттвильского крестьянского союза с кредиторами.

Бойня охватила пространство от Воленшвиля до Эшольцматта и от Золотурна до Сумисвальда. Берн и Люцерн были осаждены войсками восставших, требовавших избавления от налоговых тягот, амнистии, а еще прав автономии и самоуправления – и не просто пустых обещаний, но твердых уступок, прописанных в конституции. Воевать особенно никто не спешил, так как пример опустошенной Германии был еще слишком свеж. Под Берном власти предложили крестьянам мир, названный по имени местности Мурифельд и в рамках которого они пообещали исполнить все требова-

ния налогового характера. Проблема состояла только в том, что Цюрих ничего не знал — или делал вид, — что ничего не знает о мирном соглашении. Собрав армию, он вторгся в кантон Аргау и в битве при Воленшвиле в июне 1653 года нанес восставшим крестьянам решающее поражение.

Дождь усилился. Так что произошло потом? Потом зачинщиков войны казнили: кого повесили, кому голову отрубили, кого четвертовали. Казнили в Берне, Люцерне и Базеле. И во дворе этого замка, прямо там, где потом соорудили фонтан со львом, тоже прошла небольшая, но казнь. Организаторы подошли к делу добросовестно и тщательно просушили дрова, чтобы предводители крестьянского бунта не задохнулись прежде времени. Пламя получилось ярким и почти бездымным, а поскольку приговоренным не стали вешать на шею мешочки с черным порохом, который обычно взрывался и убивал казнимых, то народ, который сошелся из окрестных деревень, получил возможность во всех подробностях рассмотреть омерзительную агонию приговоренных. И ты хочешь, чтобы мы поселились там, где произошло подобное варварство? Дождь продолжал стучать холодными пальцами по стеклам, по радио сказали, что атмосферный фронт стал спасением для сельского хозяйства, изнывавшего без столь необходимой ему влаги.

Тридцатое июля, пятница

* * *

Андреас стоит на балконе с кружкой американо. Кружка красная, с белым крестом на боку. Квадратный балкон находится на углу дома. Одной стороной он выходит в лес, другой – на улицу. Дом на другой стороне улицы поставлен на реконструкцию. В газете Андреас прочитал, что правительство приняло программу энергетической модернизации жилого фонда. Проще говоря – Андреас любит, когда сложные вещи разъясняются простым и понятным языком, – правительство не хочет, чтобы дома «отапливали атмосферу». Поэтому теперь по строительным лесам, которыми со всех сторон оброс дом, а также вокруг дома на аккуратных поддонах, разложены серые утеплительные панели. Их привозят по утрам на небольших грузовичках.

Панели должны не только сократить теплоотдачу, но еще и придать зданию более современный архитектурный облик. Первый, самый дальний от Андреаса, конец дома почти полностью отремонтирован, и уже можно представить, как будет выглядеть все здание после того, как через три недели работы завершатся и в квартале опять станет тихо. Андреас делает глоток. Кофе начинает остывать. Рабочие в белых комбинезонах, забрызганных разноцветными каплями краски, приезжают кто на своей машине, кто в минивэне с лого-

типом какой-нибудь строительной компании. Андреас даже и не предполагал, сколь велико, оказывается, число специальностей, нужных на стройке.

Еще полчаса – и на улице появится Энди. Как его зовут на самом деле, Андреас не знает. Судя по его странноватому языку и акценту, родом он с Балкан. По поручению управляющей компании он контролирует техническое состояние сразу пяти окрестных домов, включая здание напротив, которое сейчас как раз проходит реконструкцию. Энди знает много языков. Один из них используется им постоянно в разговорах по телефону, язык звучит странно, хотя нельзя сказать, чтобы неприятно. Наверное, это родной язык Энди, но Андреас до сих пор не решился уточнить, как он называется. Энди ходит по квартирам, чинит то, что сломалось, герметизирует то, что прохудилось, красит то, что выглядит некрасиво.

Он помогает, и никогда ни на что не жалуется. Он стрижет специальной электропилой кусты и деревья, следит за тем, чтобы мусор вывозили вовремя и чтобы внешнее освещение всегда было исправным, особенно там, где под добротным навесом стоят два контейнера для домашних отходов и два – для картона и бумаги. Контейнеры должны быть без повреждений, колеса – смазаны, а логотипы риелторской компании и фирмы, вывозящей мусор, включая контактные телефоны, адреса электронной почты, аккаунты в соцсетях и ссылки на программы-приложения, – отчетливо различ-

мы.

Каждый раз, когда Энди и Андреас встречаются на улице, Энди первый говорит ему: «Добрый вечер, господин Хоффманн» или «Доброе утро, господин Хоффманн». И каждый раз Андреас испытывает ощущение неловкости. Энди старше Андреаса по меньшей мере лет на десять. У него почти полностью поседевшие, коротко подстриженные волосы, старомодные очки, круглое лицо и рабочий комбинезон с большим количеством карманов. Однажды надо будет сказать ему, чтобы он начал называть его просто Андреас. С другой стороны, в том, как Энди произносит свое обращение, нет презрения или самоуничижения – скорее, вежливость и убеждение в том, что его собеседник тоже человек порядочный.

* * *

Предыдущая, еще холостяцкая, квартира Андреаса располагалась на первом этаже прямо над копировальным салоном, куда приходили студенты со своими рукописями и чертежами. Это был дом, построенный в конце позапрошлого века в районе с поэтичным названием Лоррена. Вещей у него было немного, но, снявшись с насиженных мест, они почти без остатка заполнили окружающее пространство. Книги по менеджменту вместе с учебником по экономике Грегори Мэнкью и Марка Тейлора поместились в одной коробке, за-

то по количеству брюк, маек и рубашек он неожиданно легко перегнал Анну-Мари. Зимний день, когда они наконец съехались, выдался холодным. Они нашли наконец свое место, ровно в центре между Берном и Цюрихом. На работу они ездили в разные стороны. Процедура переезда оказалась очень дорогой и, кроме того, скучной. Пришлось решать большое количество бюрократических вопросов, включая поиск клининговой компании, которая согласилась бы за скромный гонорар привести их старые квартиры в более или менее приличное состояние.

Потом следовало отыскать логистическую компанию, которая перевезла бы вещи из одного города в другой. Им обоим, конечно, не хотелось покидать Берн. Но ездить из Ольтена в Цюрих или Берн казалось не так уж далеко, кроме того, они находились теперь в одинаковой ситуации в плане транспорта: каждый терял час в день, и это выглядело вполне справедливым распределением неудобств. Когда Андреас и Анна-Мари впервые оказались на улице, где стоял этот дом, ветер раскачивал старые сосны и липы. Анна-Мари склонила голову и сказала, что впервые «она слышит нечто». Еще тогда Андреас подумал, что все эти недели мы в разных городах искали нашу первую общую квартиру, осматривая изнутри помещения разной степени удобства и привлекательности, и вот теперь, еще даже не увидев выбранного для осмотра жилища, она вдруг прислушивается, а не, как обычно, присматривается.

Она даже не достала свою камеру и не сделала несколько полагающихся снимков, а просто спросила Андреаса, слышит ли он «нечто», и он честно также склонил голову набок, но слышал только далекий шум движения на автотрассе, уханье сыча в кронах сосен и ветер, из-за которого ветки деревьев стучали друг о друга как старые кости. Андреас помнит, как снаружи послышался гудок, — это приехали Анна-Мари и ее вещи. Андреас распахнул двери и вышел на балкон, на тот самый балкон, на котором он стоит сейчас. Фирма, организовавшая переезд, прибыла в составе двух машин: в одной были вещи Анны-Мари, упакованные в коробки с затейливым логотипом, на второй оказалась смонтирована выдвигающаяся лестница, похожая на пожарную. Лестница доставала до пятого этажа. По ней вниз и вверх с металлическим стуком перемещалась грузовая платформа.

Квартира заполнилась запахом табака и железа. Через открытые двери балкона в гостиную комнату влетали белые снежинки. Они падали на пол и не таяли. Рабочие кладут на отполированную поверхность платформы тонкое шерстяное одеяло, а уже сверху размещают коробки, ящики и отдельные предметы, завернутые в антиударную пленку. Одеяло экономит силы и предохраняет вещи от механических повреждений. Анна-Мари очень беспокоится за свой «Эплл». На нем она обрабатывает фотоснимки. Один из рабочих осторожно снимает с платформы закутанный в пленку и перетянутый коричневой клейкой лентой компьютер и спра-

шивает, в какую из комнат его поставить. Анна-Мари говорит, что сейчас покажет. Некоторое время Андреас помогает разгружать платформу, потом она, опустев, со стуком уезжает вниз.

Диалект рабочих Андреас понимал без затруднений. Наверху в квартире работали немец из Дюссельдорфа и турок в третьем поколении, дед которого приехал сюда из турецкой провинции «временно поработать». Турок говорит на интересном языке, восточные интонации смешиваются в нем с характерной для кантона Вале привычкой просто обрубать окончания слов. Он жужжит электрической отверткой, собирает платяной шкаф и рассказывает о том, как сложно получить паспорт. Недавно он сдавал тест, в котором следовало правильно ответить на вопросы о том, как устроена пенсионная система и чем пассивное избирательное право отличается от активного. И вот спрашивается, зачем все это надо?

Андреас отодвигает в сторону стулья, чтобы не мешались на проходе, немец сочувственно качает головой и молчит. Он вообще говорит меньше всех. Но все вчетвером рабочие действовали в качестве одной слаженной команды. В квартире становится холодно. Фикус, завернутый в рогожу, может не пережить переезд. Рабочих надо кормить, поэтому Анна-Мари заказала обед в кейтеринговой компании. Двое рабочих попросили китайское меню, еще один – просто сэндвичи, а самый старший, водитель машины с выдвижной лестницей, заказал «сервела» на гриле и смешанный салат

из овощей.

* * *

Андреас возвращается с балкона через гостиную на кухню, тронув по пути толстый лист фикуса. С ним все в порядке. Растение прекрасно тогда пережило холод. Андреас ставит пустую чашку в посудомоечную машину. Прогноз погоды обещает жару. На экране телевизора из угла в угол плавают перечеркнутая двумя линиями пиктограмма, напоминающая мегафон. Анна-Мари говорила, что один удачный снимок уже способен рассказать целую историю. Однажды, посмотрев по телевизору выступление какого-то политика, она сказала, что с удовольствием заткнула бы ему рот. Уж очень он болтлив. Болтливее, чем разрешает полиция! Андреасу приходит в голову мысль о том, что в новостях показывают не события, а результат процесса осмысления этих событий журналистами, а это совершенно разные вещи.

На экране появляется диктор, привлекательный молодой человек похожий на Райана Гослинга в молодости, начинается информационный выпуск. Перечеркнутый мегафон продолжает плавать по экрану, то скрывая, то снова открывая лицо ведущего. На экране видно здание федерального парламента, и Андреас вспоминает, как однажды он с классом ездил на экскурсию в Берн. Они сначала ждали в информационном центре своей очереди, потом их всех заставили прой-

ти через рамку и нацепить на куртки и майки бумажку с надписью «Посетитель» на пяти языках. Он стоял у ног в составе трех великанов, отцов-основателей, которые то ли поклялись что-то совершить, то ли не поклялись, а может быть, это были и не они вовсе, а кто-то другой и совсем в другом месте. Статуи упирались в потолок своими каменными головами и молчали. Зато экскурсовод говорил, как водопад. И это было скучно. Каменные истуканы, по крайней мере, таили в себе загадку.

На экране телевизора начали показывать Латинскую Америку. Ситуация там сложилась ужасной, и вроде бы именно там и находилась сейчас Анна-Мари. Но так ли это на самом деле? Ее социальные сети не обновлялись уже очень давно. Анна-Мари была довольна, ведь Латинская Америка – это куда интереснее обязанности ездить по деревенским праздникам и снимать крестьян в цветастых шляпах, обнимающихся со своими коровами. А история о том, как страна хочет построить справедливое общество, заслуживает добродушного отношения. Не следует судить других строго! На экране видна колонна танков, ее сменила площадь, забитая людьми. Они что-то кричали, беззвучно открывая рты, и держали в руках плакаты со словами, написанными знакомыми буквами на незнакомом языке. Потом толпа начала громить продуктовый магазин с пустыми полками.

Социальные сети позволяли проследить весь маршрут Анны-Мари. На ее странице все еще указан их старый общий адрес. Где сейчас она живет в Швейцарии, Андреас узнать не может. Зато она заходила в сеть на территории аэропорта. Время, оставшееся до вылета, Анна-Мари провела за столиком кафе «Джазовый Фестиваль в Монтрё». Андреас хорошо знает это место, он часто бывал здесь, дожидаясь привычного рейса в аэропорт Пальмы. Он представляет себе, как, заказав какой-нибудь фруктовый коктейль, непременно с семенами чиа, Анна-Мари рассеянно, по-домашнему, прикасается пальцами к поверхности своего телефона. На большом экране в кафе идет едва слышный концерт группы «Джамирокуай». Вокруг в разных направлениях по блестящему мрамору перемещаются пассажиры, группами и в одиночку. Женский голос объявляет прилет или отправление, мужской голос призывает ни в коем случае не оставлять где попало свой багаж.

Рейсом авиакомпании «Свисс» она вылетела в 17:20 в Ньюарк, там побывала в книжном магазине «Хадсон Букселлерс», чтобы купить местную газету или просто убить время. Скорее всего, она специально проложила такой маршрут, чтобы успеть поснимать знаменитый квартал домов стиля ар-деко в районе железнодорожного вокзала. Пробыв там двенадцать часов, самолетом «Юнайтед» отправилась в аэропорт имени Королевы Беатрикс на острове Ару-

ба. Там она хотела провести что-то вроде кратких каникул, а потом уже поехать на континент снимать по заданию агентства. Последний апдейт: улицы района «Даун Таун Аруба». Синяя лошадь, пьющая из фонтана, отделанного бирюзовой плиткой, белые и розовые стены типично голландских домов, резкие тени, лохматые пальмы и узкая улица с трамвайными рельсами, современные офисные здания и тут же заколоченные досками окна покинутых домов с обшарпанными стенами, торговый центр «Роял Плаза Молл» и ресторан с деревянными стенами, столами и стульями, выкрашенными в буйные желто-сине-зелено-оранжево-бордовые цвета.

Анна-Мари с подозрением относилась к социальным сетям, хотя и пользовалась ими активно. Они убивают творчество, и никакого волшебства в них нет и быть не может. Ее последние фотографии выглядели обычными туристическими снимками, сделанными на всякий случай. Очень нетипично для Анны-Мари, которая всегда говорила, что образы должны складываться в историю. Синяя лошадь, трамвайные пути и ресторан: какая тут могла бы быть история? Социальные сети показывали только основные точки маршрута. О том, что чувствовала Анна-Мари, о чем она думала, на что надеялась – об этом могла рассказать только она сама. Но Анны-Мари нет вот уже несколько недель.

У них официально установлен режим «раздельного проживания». Это не развод. Потому что свадьбы не было. Только обручение, которое в этом кантоне все равно является

серьезным шагом, промежуточной стадией на пути к браку. А раздельное проживание на основании прокурорского постановления – это хорошая возможность, подумать, остыть, отыграть ситуацию назад. Но теперь Анны-Мари нет. Остался только фикус, чудесным образом переживший зимний переезд. Андреас откладывает в сторону телефон. По телевизору говорят о климатических изменениях. Анна-Мари наверняка смогла бы объяснить все связно и подробно. Поэтому выбор сегодня такой же, как и вчера: темно-синие брюки-чинос от «Зара», уличные туфли «Хэви Канвас», добротная футболка с принтом и легкая рубашка с короткими рукавами, рюкзак от «Фрайтаг», потертый, но все еще вполне надежный.

Портмоне, смартфон, пропуск с чипом и фотографией на пестрой ленте, солнечные очки в футляре, ключи от входной двери, наручные часы «Томми Хилфигер». Андреас еще раз смотрит на себя в зеркало, проводит рукой по волосам. Пора записываться в парикмахерскую. Недалеко от офиса, на той же улице, есть хороший салон! Ах, да, чуть не забыл! Андреас возвращается в гостиную, берет небольшую пластмассовую лейку зеленого цвета, заполняет ее водой, которую затем щедро выливает в горшок с фикусом. В жаркую погоду комнатные растения следует поливать чаще, чем обычно. Теперь, кажется, все! Андреас ставит лейку на пол рядом с фикусом, подхватывает рюкзак, аккуратно выходит на лестничную площадку, стараясь не производить лишнего шума, за-

крывает за собой и запирает входную дверь. На белесом мраморе ступеней еще лежит ночной сумрак.

Андреас спускается на цокольный этаж и выходит на улицу. На первом от двери почтовом ящике видны их имена: Анна-Мари Флюкигер и Андреас Хоффманн. Внутри, неизбежный, как смена времен года, уже лежит номер бесплатной газеты «Местный Указатель». В ней нет ничего, кроме рекламы домов престарелых, кулинарных рецептов и городских фотографий вековой давности. Перед подъездом разворачивается мини-автобус с надписью «Модернизация и техническое обслуживание инженерных систем офисно-жилого фонда». Сейчас с металлическим грохотом отъедет в сторону боковая дверь, сотрудники клининговой компании наденут на спины ранцевые пылесосы и превратятся в «охотников за привидениями». Недавно по телевизору показывали все фильмы франшизы, как старые, так и два новых. Потом показали интервью с Джеймсом Белуши, который ужасно постарел.

Андреас ощутил тревожный укол в сердце, напомнивший ему утро, когда ушла Анна-Мари. Тогда он еще не знал, что больше не увидит ее. Находясь в полусне, он слушал ее шаги, он слышал, как текла вода в ванной, урчал чайник и как с жестяным звуком сработал тостер. Это были самые обычные звуки самого обычного утра. Потом хлопнула дверь. Андреас ощутил тогда точно такой же укол в сердце, после которого по всему его телу начала расползаться пока еще ничем

не мотивированная тревога. Откинув одеяло, он подошел к окну, раздвинул шторы. За окном мерцала зимняя темнота, похожая на туго натянутое бархатное полотно, снежная мошара вертелась вокруг желтых фонарных пятен. В тот же день на адрес его электронной почты пришло официальное письмо от прокурора, в котором говорилось, что Анна-Мари Флюкигер официально переходит в статус «раздельного проживания» и что от него требуется... согласие... подписать... при том понимании... ваши права... ваши обязанности...

* * *

Андреас решил дойти до вокзала пешком. Времени достаточно. В отличие предыдущего начальника Марка-Андре его нынешний шеф Торстен – человек прагматичный. Марк-Андре требовал от сотрудников быть на своих рабочих местах ровно в восемь утра. Торстен же хочет видеть, прежде всего, работу, сделанную качественно и в срок. Андреас сворачивает в лесок перед домом. Под ногами хрустит мраморная крошка, влажная и серая. Мокрые сосны и липы пахнут круто заваренным травяным чаем. Густые кроны деревьев иногда расступаются, и тогда становится видно светло-синее небо без единого облака. Солнце еще стоит низко над горизонтом. На листьях травы дрожат перламутровые капли росы. Миновав особняк в классическом стиле, Андреас оказывается на остановке автобуса.

Здесь кантональная автодорога выходит на пригорок, с которого хорошо видны окрестные поля. Андреас смотрит на электронный указатель: до прибытия автобуса остается семь минут. Ждать не хочется. Но сам виноват, надо было уточнить расписание до выхода из дома. Андреас переходит на другую сторону дороги. Отсюда до города сквозь поля ведет узкая тропа. Вершины на горизонте тонут в прозрачной синей дымке, и поэтому они кажутся нарисованными. Поле далеко слева занято зеленой кукурузой, ближе к тропинке – золотистого цвета пшеницей, а правое, доходящее до первых домов города, пусто, и по нему лениво бродят коровы, коричневые с белыми пятнами. Когда-то он ходил на лекции по философии, все ради дополнительных баллов. Преподаватель говорил, что человека от животного отличает способность совершать рациональные действия с целью переустройства мира на разумных началах.

Наверное, для полей тоже есть стандарты и технические требования. И только коровы вот ходят как хотят, без стандартов. Зимой здесь некомфортно, резкий ветер выстуживает домашнее тепло за несколько секунд, но летом, если встать пораньше, добираться этим путем до вокзала одно удовольствие. Вот уже справа потянулись односемейные особняки с палисадниками, а слева началось кладбище. Его территория обнесена каменной стеной. Ворота, украшенные фигурами Веры, Надежды и Любви, напоминают триумфальную арку. У входа на кладбище стоит информацион-

ный стенд с подробной картой, но Андреас и так знает, что его можно пересечь по диагонали и сразу выйти на улицу, напрямик приводящую на вокзал. Пройдя под арку, Андреас оказался на главной аллее. Прямо перед ним стоит трехэтажный особняк, в котором размещается дирекция и зал ожидания для тех, кто прибыл на церемонию захоронения урн с прахом. Слева пристроен цветочный магазин. Он еще закрыт, жалюзи на витринах опущены. Полукругом у входа, на разновысоких стеллажах, стоят горшки всех размеров с цветами, декоративными кустами и деревьями.

Солнце сюда еще не добралось. Воздух в тени гигантских лип и сосен густой и влажный. Влага тонким слоем лежит на дорожках, аккуратно посыпанных серым гравием, на скамейках, стриженных газонах и надгробных плитах. На боковой алее деревья стоят реже. Громко поют утренние птицы. Мокрые лужайки плотно уставлены памятниками, напоминающая шахматную доску с большим количеством фигур. Некоторые надгробия совсем еще новые, другие покрылись мхом и растрескались от времени, покосившись и наполовину уйдя под землю. Вдоль аллеи равными интервалами расположены водяные краны. У каждого из них на бетонной площадке стоит лейка. Свернувшись кольцами, лежат шланги для полива. Шланг можно присоединить к крану. А можно воспользоваться лейкой. Пройдя еще десяток метров, Андреас останавливается у могилы на перекрестке.

Аккуратная мраморная плита уложена в траву у ног об-

наженной женской фигуры: спина прямая, колени немного согнуты, как будто перед прыжком, руки раскинуты в стороны, словно крылья. На гладкую поверхность плиты нанесены имя, даты рождения и смерти, место смерти – гора Лангkofел в итальянских Доломитах. Ей исполнилось двадцать четыре года. Она шла последней в связке с двумя опытными альпинистами. Шло начало месяца августа, самое благоприятное вроде бы для восхождений время. Этот случай освещался на первой странице почти каждой газеты кантона: молодая жительница небольшой деревушки погибла только из-за того, что веревка оказалась фальшивкой и не соответствовала техническим стандартам. Веревка этой марки, даже наткнувшись на острые камни, не должна была лопнуть. Но эта веревка не выдержала гарантированных производителем нагрузок.

Андреас останавливается на несколько мгновений. При взгляде на раскинутые руки он ощущает очень сложную гамму чувств, как будто фигура готовилась заключить его в объятия и унести с собой то ли в небо, то ли в пропасть. Сразу на выходе из кладбища находится перекресток с круговым движением. Недавно он был реконструирован. Здесь уложили новый асфальт, нанесли яркую разметку. Появилась дорожка для велосипедистов. Андреаса интересует особняк на другой стороне улицы. Это симпатичный дом в региональном стиле: покатаая черепичная крыша, добротные кованые решетки на окнах нулевого этажа, входные двери из мас-

сивного красного дерева с цветными витражами. По периметру дом обсажен высокими розовыми кустами. Они цветут несколько раз в год, и тогда особняк выглядит особенно красиво. Про себя Андреас называет его «Розовой виллой».

Справа к «вилле» пристроен гараж на две машины. В каждый из боксов ведут добротные ворота, выкрашенные темно-вишневой краской. Между ними сложена поленница. Деревянные чурки самого крупного диаметра находятся внизу. Чем выше поленница, тем миниатюрнее становится диаметр поленьев. Когда-то площадка перед гаражом была заасфальтирована, но прошлым летом хозяева решили заменить асфальт на гнейсовые плиты. Рабочий день пока еще не начался. Плиты аккуратно сложены в дальнем углу, укрыты непрозрачным пластиком и перетянуты стальными крепежными лентами. Миниатюрный экскаватор «Хёндэ» похож на спящую пчелу. Рядом стоит тщательно вымытая бетономешалка «Минимикс Хонда». Строительная площадка огорожена пластиковой лентой с периодически повторяющимся названием строительной компании. Лента покрыта яркими каплями росы и плавно колышется на утреннем ветерке.

За прошедшие месяцы замену асфальтового покрытия на каменное удалось завершить примерно на одну треть. Рабочие не торопятся. Они хотят выполнить задание как можно более тщательно. Дополнительная сложность – нестандартная конфигурация плит. Конечно, можно было бы выбрать вариант с прямоугольными элементами, но хозяевам

захотелось сделать площадку как можно более живой и естественной. Плиты могут быть какими угодно, главное, чтобы они, не подвергаясь предварительной обработке, сложились в единое пространство. Андреас останавливается и смотрит на уже готовую часть площадки у гаража. Она напоминает карту незнакомого государства. Движение на перекрестке усиливается, огромный грузовой фургон с трудом вписывается в узкий разворот.

Улица, по которой он направляется к вокзалу, застроена жилыми домами в два, три, иногда четыре этажа. Некоторые сразу выходят фасадами на освещенную солнцем проезжую часть, другие, наоборот, чуть отступив вглубь, скрываются в тени лип или сосен. Наземные этажи в основном отданы под ресторанный бизнес. Официанты выносят на тротуар столики, расставляют стулья, расправляют полотняные тенты. Рабочие торговых залов выкладывают на уличные прилавки ящики и коробки со свежими овощами и фруктами. За окнами офисов видны компьютерные мониторы. Там тоже постепенно просыпается разумная жизнь. Почти везде можно разглядеть красные и белые цвета: улица готовится к национальному празднику. Китайский ресторан украсил летнюю террасу ребристыми бумажными фонариками с белыми крестами. В окне муниципальной библиотеки устроена выставка книг на разных языках, но с одним и тем же главным героем – сумрачным стрелком из арбалета. На балконах ветер треплет гирлянды флажков с кантональными гер-

бами. В колледже на лекциях по истории государства и права Андреас когда-то изучал все эти символы на гербах. Вот топор и связка фашин – это Санкт-Галлен, а человек с посохом и желтым нимбом над головой – это Святой Фридолин, ирландский монах, ставший символом кантона Гларус. Гербы сливаются в его глазах в пеструю карусель.

Машины едут по мосту через реку, поэтому мост вибрирует под ногами. Под мостом медленно течет вода малахитового оттенка. Из-за жары справа, примерно метрах в двухстах, на реке образовался песчаный остров. На него опускаются чайки, проходят несколько шагов и снова взлетают. На другом берегу уже виден старый корпус вокзала с часами под треугольной крышей по центру. Циферблат у часов невелик, сколько сейчас времени с их помощью разглядеть пока невозможно. Пройдя мост и оказавшись на привокзальной площади, Андреас оказался в самом центре водоворота из автобусов, машин и людей. Автобусы приезжали и высаживали пассажиров, машины останавливались, хлопали дверями, люди с металлическим щелканьем вытягивали телескопические рукоятки чемоданов и сумок. И все-таки что-то выбивалось из раз и на всегда заведенного распорядка.

* * *

Вокруг слишком много людей, и они слишком нервные. У билетных автоматов очереди. Пассажиры, приезжающие

на автобусах, обычно тут же исчезают в недрах вокзала, но теперь они почему-то остаются стоять вместе со своим багажом, вынимают смартфоны, начинают раздраженно водить пальцами по экранам и вести не менее раздраженные разговоры. Гудки локомотивов, звук автобусных двигателей, стук подошв по асфальту, скрип автомобильных тормозов сливаются в непрерывный акустический поток. Через вокзал Андреас выходит к ресторану «У Железного Дорожника». Люди плотной стеной стоят вдоль края платформы. По громкой связи раздается очередное объявление, речь диктора смешивается с разноязыким говором толпы. Что-то все-таки произошло!

Что-то серьезное! Андреас смотрит на электронное табло. Следующий экспресс в Берн будет только через полчаса. Напротив всех остальных рейсов красными буквами горит неумолимое слово «Отменен». Андреас заходит в ресторан. Свободных столиков и диванов нет, ресторан почти до отказа забит людьми с пятнами пота на спинах. Раскрыв портативные компьютеры, подключившись к бесплатной сети и надев наушники, они пытаются, перекрикивая друг друга на всех возможных языках, не выпасть из рабочего графика. Шипит кофейный автомат, дальний родственник вымершего паровоза. Над рядами пестрых бутылок Андреас видит морщинистое лицо горца. Андреас смотрит на часы.

Сегодня, в последний день недели накануне праздничного воскресенья, в преддверии долгожданного отпуска, ему при-

дется опоздать на работу. Андреас встает в очередь и пытается настроить себя на спокойный лад. Сделать это не так уж и сложно. Следует просто вынести за скобки толчею и беспорядок, звон стекла и взвинченных пассажиров, рискующих не успеть на стыковочные рейсы. Сегодня ресторан наверняка сделает двойной оборот. Наверное, не так уж это и плохо. Что? Андреас смотрит на баристу. Вокруг напирает толпа, а он в мыслях находится где-то совсем в другом месте. Особый перуанский кофе с кардамоном. Бариста заученными движениями заряжает кофейный автомат.

Прошу вас! Перед ним возникает закрытый крышкой картонный стакан, раскрашенный в перуанские цвета: алый и белый. Андреас собирается с духом и спрашивает, что произошло. На главном вокзале Цюриха перегорел один из главных силовых кабелей. Сейчас движение серьезно ограничено, но через час-полтора все должно опять прийти в норму. Бариста быстрыми движениями сметает со стойки капли влаги, в его глазах читается готовность ответить на дальнейшие вопросы, но Андреас с благодарностью кивает, кладет перед собой несколько монет, сдачи не надо. Позади него кто-то протискивается к выходу, почти сбивает с его плеча рюкзак и, быстро извинившись на французском языке, исчезает. У окна на мгновение освобождается барный стул с претенциозно перекрещенными ножками.

Андреас втискивается в случайно раскрывшуюся нишу, ставит перед собой на узкий столик стакан с раскаленными

боками, опускает на пол рюкзак. За окном, на перроне, пространство плотно забито людскими шеренгами. Андреас аккуратно берет стакан, делает глоток, прислушивается к внутренним ощущениям и осторожно ставит стакан обратно. Достав смартфон, Андреас выбирает номер Торстена, тот сразу отвечает. Отчетливо слышен сухой стук клавиатуры. Это означает, что Торстен, продолжая работать, переключил телефон в режим громкоговорителя. Да, уже прошло по всем социальным сетям. В Цюрихе сгорел силовой кабель. Техническую неполадку обещают исправить в ближайшие два часа.

Есть очень хорошая фотография, ее опубликовал «Взгляд»: люди толпой стоят на перроне, и каждый смотрит на экран своего мобильного телефона. Как говорят философы, в нашем мире только то имеет право на существование, что было где-то и когда-то опубликовано. Во сколько у тебя контрольный чек-ин? Ровно в одиннадцать. Сколько проектов? Три! Да, время отпусков, проектов немного, но обещают, что осенью будет больше. Кстати, между нами, на уровне руководства речь сейчас идет о «биг дата» и компании «Штеттлер», производителе инновационного подвижного состава для предприятий железнодорожного транспорта. Это серьезно?

Андреас перекладывает телефон от правого уха, успевшего уже вспотеть, к левому. Торстен откашливается, замолкает на несколько секунд, отвлекшись на что-то, что

происходит у него в тот момент на экране монитора. Скоро всю нашу жизнь будет определять цифровая революция. «Большие объемы данных» открывают перед промышленными предприятиями невиданные горизонты. Будучи лидерами на рынке дата-менеджмента, мы связываем с компанией «Штеттлер» очень большие надежды. Торстен опять откашливается. По сетям передают, что ситуация нормализуется. Приезжай как получится, главное – это не пропустить магические одиннадцать часов. А что самое главное? Не забыть загрузить апдейты! Именно, не забыть загрузить апдейты!

* * *

Андреас выходит на перрон и недалеко от себя, метрах в пяти, видит молодых африканцев. Кажется, это эритрейцы. В последние годы Эритрея и Эфиопия то вели между собой войны, то снова подписывали мир, как всем усердно сообщали средства массовой информации. Власти поэтому находились в нерешительности: высылать ли беженцев на родину? После очередного мира основания для их пребывания здесь вроде бы исчезали, но пока бюрократическая машина заводилась, опять начиналась война, и все основания возвращались обратно. Эритрейцы выглядели почти еще подростками. Худые и с вытянутыми лицами, они стояли на перроне тесной группой, одетые во все новое: джинсы, свитера

с принтами и капюшонами, кроссовки без единого пятнышка, на плечах модные рюкзаки.

У каждого из них в руках был смартфон. Толпа на перроне окружала их со всех сторон, стискивала каменными плечами, поэтому эритрейцы стояли спокойно, почти не шевелясь, сдержанно переговариваясь между собой на незнакомом наречии. Иногда один из них, поведив пальцами по экрану телефона, показывал что-то своему соседу, тот начинал смеяться, но потом вдруг спохватывался и умолкал, прикрыв рот рукой. По громкой связи объявили прибытие бернского экспресса: вагоны первого класса – секторы «А» и «Б», вагоны второго класса – секторы «В» и «Г». Люди вытягивали головы, пытаясь разглядеть в паутине стальных рельсов приближающийся поезд. Андреас вспомнил своего отца, который рассказывал ему о своем отце и о том, как в 1939 году тот формировал здесь, на этой станции, военные составы.

Накануне парламент избрал Анри Гизана главнокомандующим вооруженными силами. Народ на улицах толпился перед витринами, в которых были вывешены объявления о том, что в стране происходит мобилизация силы, воли и духа и что первым днем мобилизации объявлен второй день сентября. Затем в конце июля следующего года главнокомандующий собрал высших офицеров у живописного озера и произнес речь о том, что при нападении народ и армия будут сопротивляться. Но, во-первых, часть армии мы демобилизуем. Ведь солдата нужно чем-то занимать. А нам по-

ка не надо столько военнослужащих. А если солдату делать нечего, то лучше послать его обратно на завод или в поле – ковать оборонную мощь и доить коров. Во-вторых, некоторых оставшихся под ружьем выдвинут к границе, и в-третьих, большая часть армии уйдет в горы и зароется там, что и понятно: обороняющаяся сторона никогда подставляет все свои силы под возможный удар агрессора.

Плавно качнувшись, ушли назад тонкие чугунные столбы, подпиравшие ажурную крышу вокзала. Эритрейцы все также единой группой разместились недалеко, сжатые со всех сторон набившимися в поезд людьми. Все знали, что случилось нечто непредсказуемое, технический дефект, «высшая сила», как указано в словаре юридических терминов. Андреас в свое время подумывал о том, чтобы стать юристом. Да и матери хотелось увидеть однажды на массивной двери из красного дерева медную табличку «Адвокат». Но потом подвернулось место ученика в типографии, и он решил для начала изучить нечто практическое, что поможет ему зарабатывать собственные деньги. Отец еще тогда не уехал в Берлин и поддержал его решение. Ведь типографии будут существовать всегда.

Поезд бесшумно скользил в пространстве. Андреас занял ступеньку лестницы, ведущей на второй ярус. Ниже и выше его толпились японские и корейские туристы с огромными чемоданами. Кондуктор в черно-красной форме, с маленькой сумочкой через плечо и смартфоном в ру-

ках, осторожно пробирался между пассажиров. По громкой связи начальник поезда на немецком и французском языках обратился к пассажирам, извинился за переполненные вагоны, сказал, что на этом рейсе, который без остановки проследует до Берна, в виде исключения отменено деление на второй и первый классы, и что тот, кто не смог найти себе места в вагоне второго класса, имеет право попытаться счастья в вагоне первого класса без необходимости доплаты, и что по приезде в Берн пассажиров ожидают стыковочные рейсы в Тун, Шпиц, Интерлакен и Конольфинген, каковые отправятся точно по расписанию.

* * *

Андреас вытащил из рюкзака свой телефон и вышел на сайт ее работодателя, фотоагентства, от имени которого Анна-Мари отправилась в Латинскую Америку, нашел точный адрес и телефон. Агентство располагалось в Цюрихе на приятной зеленой улице Восьмого округа в домике с башенкой и с кондитерской на цокольном этаже. Андреас занес номер телефона агентства в список контактов, поудобнее устроился на жесткой ступеньке и спрятал смартфон в рюкзак. Поезд проезжал длинный туннель, и за окнами через равные промежутки вспыхивали и гасли огни.

Вся жизнь у него с Анной-Мари выстраивалась в соответствии с какой-то очень странной симметрией. Поселившись

в одной точке, они каждый день уезжали в разные стороны, к разным пунктам назначения. Аэропорт и вокзал напоминают колоды карт в быстрых и точных руках. Эти руки молниеносно перемешивают названия городов и лица людей, раскидывая затем всех и каждого веером на черный бархат земной поверхности. Андреас встряхивает головой и открывает глаза. Поезд замедляет ход, промелькнули самые большие в стране вокзальные часы. Значит Ванкдорф, знаменитый своим стадионом и славной историей про так называемое футбольное бернское чудо, мы уже проехали! Поля уступили место старым серо-зеленым домам и современным офисным зданиям из стекла и бетона. Внизу текла река. Поезд тормозит.

Туристы начинают вдруг что-то быстро говорить друг другу, взлетают на уровень глаз фотокамеры и смартфоны с огромными экранами. Кто-то восхищенно цокает языком и постоянно повторяет одну и ту же фразу. Слева по ходу поезда на фоне яркого голубого неба и сахарных альпийских вершин показались черепичные крыши старого городского центра. Грандиозную панораму довершали две вертикали – острый шпиль Мюнстера и башенки Петропавловской церкви. По крышам ударило и разбилось утреннее солнце. Андреас увидел эту панораму почти как впервые и ощутил смешанное чувство стыда и гордости одновременно. Стыда – потому, что раньше он не обращал внимания на то, что для других, как видно, есть идеальное воплощение идеальной кра-

соты. И гордости – потому, что эта красота в какой-то степени принадлежала и ему тоже.

Состав нырнул под холодную крышу вокзала. По громкой связи уточнили, что выход следует производить с правой стороны. Теперь можно положиться на привычный автоматизм движений: выйти из поезда на перрон, пройти по коридору, образованному справа и слева теми, кто терпеливо ждет своей очереди на посадку, вдохнуть запах креозота, прислушаться к мелодичным объявлениям ближайших отправок, пойти по наклонной рампе в подземный переход, увертываясь от тяжелых чемоданов на колесиках, взвизгивающих на рифленом бетоне, миновать киоски с прессой, сэндвичами и королевскими кренделями, затем мимо главного информационного табло свернуть направо в галерею имени Святого Кристоффеля, деревянный облик которого, потрескавшийся и потемневший, украшает одну из искусно подсвеченных каменных стен – это все, что осталось от древних городских укреплений.

Недалеко от фигуры Святого, как всегда немного растерянно, стоит создание неопределенного возраста, со спутанными волосами и когда-то даже миловидным лицом. Рюкзак за плечами, сумка на колесах, набитая тряпками, торчащими в разные стороны. Она всегда подходит и, глядя прямо в глаза, произносит на чистейшем бернском диалекте: «Ма-е-шь грошик»? Когда Андреасу некогда, он пробегает мимо, но совесть его за это не мучает, потому что завтра в это же

время она опять будет там, и послезавтра, и всегда у нее будет к нему один и тот же вопрос. И если не сегодня, то завтра или послезавтра Андреас остановится и высыплет ей в протянутую, жесткую, как камень, руку, пригоршню лишней мелочи, а ее глаза так навсегда и останутся безжизненно серыми!

Из модных бутиков гремит музыка, открылся новый вьетнамский ресторан, магазин волшебных пищевых добавок объявил распродажу продуктов с добавлением пророщенного проса. Перед входом в него стоит еще один завсегдатай вокзала: огромного роста чернокожий человек, почти задевающий головой потолок и в любое время года завернутый в национальные цвета: кепка с козырьком, футболка, еще одна футболка с капюшоном, куртка, штаны, еще одна куртка, повязанная на поясе вроде фартука, кроссовки и даже носки – все они исключительно красного цвета с вкраплениями белых крестов. Он только что купил упаковку баночного пива «Вильгельм Телль» и что-то громко на непонятном языке объясняет деревянному святому Кристоффелю, размахивая большими руками.

Андреас улыбается, он любит этих городских оригиналов. Он не знает, кто они, откуда взялись, почему делают то, что делают, но без них город потерял бы свое лицо. Это точно! Мимо проходят двое полицейских, затянутые в синюю с черным форму, у каждого на поясе «Хеклер и Кох Р30». На эскалаторе Андреас поднимается наверх к остановке трамвая

под стеклянный балдахин. Берн находится в котловине, поэтому по утрам туман держится здесь дольше. Небо над стеклянной волной, легко накрывшей привокзальную площадь, серое, почти еще ночное, но скоро солнечное утро жаркого дня начнется и здесь. Прохожие спешат, звенят трамваи и троллейбусы, на ступенях Церкви Духа Святого люди с длинными волосами уже развернули грязный рукописный транспарант с неразличимыми политическими требованиями. Прохожие не обращают на них никакого внимания.

* * *

На трамвае номер семь до конечной остановки можно добраться за тринадцать минут. Салон почти пуст, жители и гости города, наоборот, двигаются к вокзалу, откуда можно уехать «по всем направлениям». Сев у окна, Андреас вытянул ноги и опять достал смартфон. От Анны-Мари ничего. Зато в почте уже болтались первые письма: уведомление, что такого-то числа вам будет выставлен счет на такую-то сумму, еще реклама, еще реклама, еще... Андреас стирает мусор. Трамвай трогается с места, приходит в движение, мягко покачиваясь. Мимо окон тянутся каменные аркады Старого города. Эти улицы Андреасу хорошо знакомы, он чувствует себя здесь как дома. Анна-Мари старый город не любила, мол, не хватает зелени. Андреас всегда в ответ пожимал плечами. Зелень тут совершенно лишняя. Андреас открывает список

телефонных контактов. Синие мешки... Андреас выбирает из списка старый домашний номер, который он и так знает наизусть... Синие мешки. Сегодня пятница. Вывоз мусора. Мешки стоят у входов в магазины, у подъездов, просто на серой брусчатке проезжей части. Андреас смотрит на мешки, трамвай опять трогается, на другом конце провода звонки ожидания... Один, два, три... Мешки можно считать просто так, для развлечения. Четыре... Да? Мам, привет! Пять, шесть-семь-восемь...

Трамвай плавно движется, останавливается, открывает и закрывает двери, впуская и выпуская пассажиров. Да... Ничего особенного... Как всегда. Некоторое время можно просто слушать и смотреть в окно. Трамвай добирается до Часовой Башни. Вокруг нее толпятся первые туристы. Трамвай, скрежеща, совершает крутой поворот. Кофейня «Адрианос» снова открылась после ремонта. Внутри все выглядит одновременно и новым, и привычно-знакомым. Владельцы не пожалели действительно больших денег. Столики вынесены на тротуар. Один из ранних посетителей – обязательный латте и газета – сидит едва ли не в двух метрах от проезжающего мимо трамвая, не обращая на него ровным счетом никакого внимания.

Нет, я не забываю о Максимилиане, на прошлой неделе я звонил в клинику. Ты же знаешь, что его состояние не меняется. Никогда не меняется. Синие мешки: девять, десять, одиннадцать, двенадцать. Медленно проплыли двери ночью-

го клуба. Пыльные жалюзи опущены, видны следы полустертого граффити. По вечерам в пятницу фасад здания искусно подсвечивается красными прожекторами. В последнее время Андреас все позже и позже возвращался с работы и видел, как часть тротуара ограждалась бархатными цепями, провисающими между золотыми столбиками, и как гости, выстроившись в очередь, терпеливо дожидались своей очереди.

Трамвай выехал на мост. На куполах парламента, зеленых с золотыми прожилками, медленно в лучах восходящего солнца колыхались флаги. Сегодня я не смогу, только завтра. Потому что вечером придут смотреть квартиру. Трамвай остановился, в салон вошла молодая негритянка с коляской. Младенец спал, свернув голову на бок и зажав в кулаке оранжевого крокодила. Потому что мне одному такая большая квартира совершенно не нужна. Я хожу по ней вечерами и не знаю, что мне делать. Нет... Не знаю. Вчера звонили из управляющей компании и спрашивали, удобно ли сегодня. Я сказал, что удобно. Потому что мне удобно. А что отец? Он ведь любит писать письма ручкой на бумаге, вкладывать в конверт, наклеивать марки... Остались две остановки, одна минута. Я не знаю, во сколько точно. Потому что я не знаю, во сколько точно. Потому что никто не может знать, во сколько точно.

Вы сами переезжали за свою жизнь сколько раз? Из одного кантона в другой и даже сменили родную общину. Нет, в понедельник у меня первый день отпуска. Андреас смот-

рит за окно, немного отставив телефон в сторону: простые, серые дома окраины, пиццерия, булочная, китайский ресторан, магазин виниловых пластинок. Как обычно, в тот же самый город. Нет, мне не скучно, потому что там море и потому что там все знакомо и не надо ни к чему привыкать заново. Потому что половина отпуска только и уходит на то, чтобы привыкнуть ко всему заново и почувствовать себя как дома. С постановлением прокурора она перегнула палку. Она могла бы сначала поговорить со мной. Завтра? Хорошо, поговорим.

Андреас встает, поправляет рюкзак на спине, трамвай разворачивается под эстакадой и останавливается на конечной остановке. Я пошел, увидимся завтра. И я тебя! Сиреневого цвета башня из стали и стекла видна уже отсюда, от трамвайной остановки. Она резко отличается от окружающей малоэтажной застройки. Солнце отражается в ее окнах, в воздухе пахнет сгоревшим бензином. Наверху гроыхает движение межрегиональной скоростной автострады.

* * *

Здание, в котором их фирма арендует двенадцатый этаж, построено в соответствии с новейшими стандартами потребления энергии, о чем с гордостью извещает небольшая металлическая табличка, укрепленная в лобби сбоку от дверей, рядом с гостевыми вешалками. Здесь нет кондиционеров.

За температурой и влажностью воздуха следит искусственный интеллект. Андреас сбросил с плеча рюкзак и выудил из наружного кармана карточку-пропуск. Переход из лобби к лифтам преграждают бронированные прозрачные двери. Пропуск следует приложить к считывающему устройству, и если все в порядке, тогда устройство осветится изнутри гостеприимным зеленым светом, двери громко щелкнут и разъедутся резким толчком. А можно пройти мимо дверей и стойки ресепшена дальше, в ресторан. Оттуда уже доносится запах свежей выпечки, кто-то звонко гремит столовыми приборами. Под потолком укреплены телевизионные экраны разных размеров, на каждом из них крутится рекламный ролик, среди которых есть и видео их фирмы: материнская плата компьютера плавно превращается в современный мегаполис, снятый с высоты летящего беспилотника.

В кабине лифта висят объявления: о предстоящем дне велосипедиста, о новом меню в ресторане, о презентации на тему искусственного интеллекта в сфере защиты окружающей среды. Двери открываются, и Андреас попадает большой квадратный холл, от которого в разные стороны расходятся широкие и светлые коридоры. Офисы отделены друг от друга прозрачным стеклом. Стоя у дверей лифта, можно увидеть все и всех насквозь: и бухгалтерию, и отдел человеческих ресурсов, и планово-финансовый отдел, и кабинет Торстена с полукруглым столом и зеленым деревом в кадке. Андреас и другие диспетчеры сидят справа от лифтов. Тор-

стена пока не видно, поэтому Андреас сразу проходит в свой угол.

Бруно уже на месте, на голове наушники, на столе рядом с клавиатурой термос. За ним на вешалке бессильно повис рюкзак из парусины. На полках стандартной офисной секции громоздятся скоросшиватели и разрозненные кипы бумаг. Андреас отодвигает кресло, садится, придвигается к столу, кладет рюкзак на пол и кивает Бруно. Тот кивает в ответ, не снимая наушников с головы — волосы у него на голове забраны в пушистый узел. Бруно работает со сдвигом по времени: у его клиентов другой часовой пояс. Он приезжает из Лозанны первым утренним, считай, ночным экспрессом, и уже в три часа дня исчезает из офиса. Бруно изъясняется на всех языках, включая некоторые виды диалекта. Но в офисе он делает вид, что не знает ни одного языка, кроме английского.

Андреас запускает компьютер. Операционная система отказывается работать и требует перезагрузки с целью актуализации. Потом она сообщает, что до конца осталось несколько секунд, и это значит, что завершения процесса можно ожидать сколь угодно долго. Остается набраться терпения и мысленно формулировать очередное письмо в отдел технической поддержки. Этим ребятам иногда все-таки нужно напоминать, что в своей области они, конечно, великолепные специалисты, но не он работает на них, а, наоборот, это они обязаны обеспечивать ему комфортные технические усло-

вия работы. Андреас отъезжает от стола и смотрит за окно.

Внизу по автобану неслышно пролетают машины – слева направо, потом справа налево. За трассой начинаются жилые кварталы. Массив темно-коричневых черепичных крыш начинается здесь, на окраине, и подступает к самому центру. Парламентские купола и острый шпиль Мюнстера кажутся отсюда с высоты игрушечными. Дополняют общую картину мягкие очертания горы Гуртен в левой части пейзажа. Иногда с правого верхнего угла окна по направлению к левому нижнему начинает скользить силуэт самолета, идущего на посадку в городском аэропорту. Зимой крыши теряют свой цвет под однообразным серым одеялом, к небу поднимаются прозрачные столбики дыма – люди топят камины. Но сейчас лето и стоит жара. А в офисе прохладно, даже слишком.

Компьютер готов. Андреас начинает работать. Порядок действий отлажен и выучен наизусть. Он может почти без запинки рассказать любому, что и как он делает сначала, что идет потом, чем процесс продолжается и чем завершается. К его рутинной и однообразной работе никто не проявляет никакого интереса. Поэтому Андреас чувствует себя прекрасно. Его руки привычно скользят по сухо стучащей клавиатуре. Иногда он начинает пользоваться мышью, всматривается в экран, прищулив глаза и потирая левый висок указательным пальцем левой руки. Андреас работает слаженно и четко. Сами по себе операции не сложны, просто их очень

много и нужно знать сотни разных тонкостей. Такое знание приходит только с практическим опытом, а инновационные семинары и мотивационные воркшопы – это все детская игра.

Здесь, на двенадцатом этаже, всегда очень тихо. Иногда можно услышать чей-то громкий смех, пару фраз на каком-нибудь понятном или непонятном языке. Смех быстро прекращается, словно кто-то внезапно опомнился и прикрыл рот обеими руками. Иногда начинает звонить телефон, оставленный в режиме громкой связи, или прорывается обрывок телевизионных новостей, но потом опять все стихает. Специальное покрытие на полу глушит шаги. На стендах развешаны пестрые диаграммы. Андреас работает сосредоточенно, иногда поднимая голову и прислушиваясь к происходящему вокруг. Бруно сидит в наушниках. Он предпочитает слушать «Металлику» и «Джудас Прист». Громкая музыка, как он сам однажды сказал, помогает ему сосредоточиться.

Андреас спокоен. Он знает, что все успеет, нигде не опоздает и завершит всю последовательность операций именно так, как это нужно для наиболее эффективного функционирования всей системы. В настоящий момент он курирует два похожих друг на друга проекта, хотя стоящие за ними фирмы не имеют между собой ничего общего. Но этого и не требуется. Любой вид производственной деятельности можно разложить на определенное количество рациональ-

ных процессов. В силу своей рациональности они легко поддаются количественному анализу. Стоит только написать соответствующее программное обеспечение с возможностью обратной связи, как у оператора появляется возможность наблюдения и управления отдельными процессами. Сведение этих процессов в общий производственный поток происходит уровнем выше. Этим занимается менеджмент. Андреас же просто добросовестно делает дело на своем уровне. Он оператор и этого ему вполне достаточно.

Теперь Андреас запускает аплоад апдейтов. Это очень важный шаг. Торстен рассказывал, что именно в результате этой операции система «учится», «умнеет», а искусственный интеллект забирается вверх на еще одну ступеньку. Андреас некоторое время следит за тем, как происходит загрузка обновлений, потом переключается на другое окно и проверяет социальные сети. От Анны-Мари ничего нового. Бруно, сидящий напротив, снимает с себя наушники, финально щелкает мышью и, отталкиваясь, отъезжает на метр от края стола, потом с наслаждением потягивается, скрестив руки на затылке. Майка задирается, становится виден его волосатый пивной живот. Бруно стает с кресла, говорит по-английски, что сейчас он намерен сделать паузу и теперь идет обедать.

Андреас коротко кивает и открывает верхний ящик рабочего стола. Там все равно почти ничего стоящего нет, но это повод отвести глаза и прервать разговор. В ящике находятся несколько конвертов с ярким логотипом компании, де-

сяток погнутых канцелярских скрепок, россыпь ручек и карандашей, пожелтевшие кассовые чеки, пяток помятых чужих визитных карточек, имена на которых давно не имеют никакого значения, газетная вырезка со статьей под названием «Должно ли национальное право иметь приоритет по сравнению с международным?». Андреас уже хочет закрыть ящик, но взгляд его падает на небольшую почтовую открытку. Некоторое время он старается припомнить, откуда она взялась, потом он принимается рассматривать ее, как следователь обычно рассматривает важное вещественное доказательство.

Открытка не похожа на привычную продукцию, какую можно встретить в каждом вокзальном киоске. Во-первых, ее формат не совпадает с действующим для почтовых отправок стандартом. Во-вторых, бумага, из которой сделана открытка, скорее напоминает картон: плотный, тяжело лежащий в ладони. В-третьих, открытка пожелтела, ее углы и края истрепались. На аверсе изображена горная деревня. Крыши домов покрыты толстыми плитами снега, солнце невнятным белым пятном пробивается сквозь морозную дымку, горы прячутся за облаками, выглядят размытыми и нерезкими. На реверсе надпись, сделанная стершимся карандашом, всего несколько строк. Прочитать эти строки не представляется возможным, но можно различить дату: двадцать шестое арабскими цифрами, двенадцать римскими, восемнадцать арабскими. После каждого числа стоит

точка.

Андреас сначала приближает лицо к открытке, прищури-
вая глаза, потом относит руку с открыткой в сторону, пыта-
ется рассмотреть ее на свету. Бесполезно. Первая фраза еще
читабельна: «Счастливо и безбедно воротилися мы восвоя-
си». Но затем наступает полный туман. «Восвояси» понят-
но, но «безбедно»? Наверное, это слово означает «без бед»,
благополучно, без каких-либо происшествий, но кто мог бы
поручиться за это? Андреас кладет открытку перед собой,
справа от клавиатуры. Откуда она все-таки появилась? При
всем желании он не может вспомнить ничего, что хоть как-то
вывело его на след. Или же я не просто не могу, но... не хочу?
Анна-Мари сказала однажды, что он обладает удивительной
способностью стирать из памяти все, что способно причи-
нить душевную боль. Но так ли это?

Андреас кладет правую руку на открытку, потом присту-
кивает по ней ладонью и складывает руки на груди. Он ни-
когда не пытался влезать к самому себе в душу. Какое поня-
тие постоянно употребляла Анна-Мари? Ах, да, механизмы
бессознательного! Андреас считает себя вполне сознатель-
но действующим человеком. Ему в высшей степени непри-
ятна мысль о том, что внутри него, словно на чердаке ста-
рого дома, может жить постороннее нечто, не подчиняю-
щееся законному владельцу данного объекта недвижимости.
И еще ему не нравилось, каким уверенным и безапелляци-
онным тоном Анна-Мари произносила слова насчет меха-

низмов. Андреас опять трет указательным пальцем левый висок. «Счастливо и безбедно воротились мы восвояси». Не прошло и полутора столетий, как язык, привычно употреблявшийся в ту эпоху, потерял резкость, приобретая характер пусть и не чужой, но какой-то странно-непривычный, даже комичный!

Компьютер издает короткий звуковой сигнал. Загрузка закончилась, начинается аналитическая фаза. Андреас кладет блокнот обратно в ящик стола, бросает сверху открытку, задвигает ящик и кладет руки на клавиатуру. Самое главное – ритм. Поймать его, ощутить, подключиться к невидимому источнику энергии! Задача, которую предстоит решить, ограничена простыми механическими действиями. И все равно Андреас ощущает за набором элементарных шагов нечто большее. Искусственный интеллект, который в сотни раз умнее, глубже, выносливее и прозорливее обычного человеческого сознания, представляется Андреасу бездной, полной звезд, числа которым нет, а дна у бездны нет тем более, по определению. Звезды переливаются и мерцают. Андреас понимает, что все это есть не более чем психологическая техника, которая позволяет настроиться на особый лад. И тем не менее он регистрирует Присутствие, необъяснимое и тем не менее неопровержимое.

Руки Андреаса летают по клавиатуре, иногда он снимает с нее правую руку для того, чтобы, используя мышь-манипулятор, довести до логического завершения начатый про-

цесс. Это и есть профессионализм. Андреас улыбается. Да, нужно вовремя и точно выполнить проект и получить одобрение клиента. Но Андреас предпочитает думать иначе. Это не просто точное выполнение в срок технического задания. Искусственный интеллект есть не что иное, как огромный калькулятор, который работает на основе двух символов: нуля и единицы. А он, Андреас, занимается не просто сложением этих цифр в разные комбинации. Он занимается творчеством, сквозь которое просвечивает что-то нечто волшебное, чудотворное.

* * *

На его плечо ложится чья-то рука. Андреас непроизвольно вздрагивает. Торстен указывает на свои наручные «Бланкпейн» из розового металла, с фазами луны и вечным календарем. Уже полдень, пора идти в ресторан. Андреас хочет довести все до конца, добиться теплого ощущения завершенной работы. Но Торстен тоже прав. Процессы запущены, что-то можно поставить на паузу, чему-то просто дать полную свободу. По большому счету его работа на сегодня сделана. В понедельник его проекты перебросят на других сотрудников, может быть, одним из них будет Бруно, а может быть, нет. Поэтому можно выйти из системы и позволить себе законный обеденный перерыв. Над горой Гуртен висит желтый воздушный шар с надписью «24 часа» больши-

ми буквами.

Торстен говорит, что на этой неделе можно сорвать особенно жирный джек-пот почти в 350 миллионов. Шансы, разумеется, близки к нулю, но все равно надежда умирает последней. А вдруг? В прошлом он уже выигрывал, пусть и по мелочи. Торстен может позволить себе эту слабость – рисковать. Он живет один в пяти минутах ходьбы от места работы. Его жена, ассистент хирурга-стоматолога, осталась в Германии. Она с сыном приезжает к нему на выходные на прямом поезде, который из Берлина через Франкфурт-на-Майне следует сразу до Интерлакена. Слава богу, пока без работы она не остается, хотя конкуренция со стороны дешевых стоматологических практик в Чехии и Венгрии становится все ощутимее.

Ресторан внизу недавно был перестроен в современном стиле, сочетавшем технологии устойчивого развития с самыми модными идеями в области экологического дизайна. Андреасу нравилось то, как парадоксально ярко сочеталось серое и оранжевое дерево с отражающей сталью прилавков и стеклом прозрачных витрин, на которых каждое утро ожидали своих покупателей расставленные в идеальном порядке и искусно подсвеченные скрытым светом мягкие аппетитные сэндвичи и мюсли со свежими ягодами. Его восхищали и этот идеально налаженный конвейер, заранее угадывавший, казалось, все самые потаенные желания, и кофейный автомат, напоминавший одушевленный компьютер в кабине

космического корабля.

Стоя в кассу с подносом, на котором уместились высокий стакан с водой пополам со льдом с ломтиком лайма и французский круассан с канадской семгой, Андреас внешне ощутил вибрацию в заднем кармане брюк: телефон сигнализировал о поступлении нового уведомления. Торстен стоял позади Андреаса. У него на подносе был безалкогольный мохито с мятой и лимоном, имбирный суп с трюфелем и салат из рукколы, политый тыквенным маслом. Пока они стояли в очереди, места в ресторане остались только в самом дальнем углу, напротив второй кофейной машины и батареи из микроволновок. Стена над микроволновками разрисована пестрыми линиями и пятнами, среди которых нашлось место для граффити в стиле Бэнкси: танк «Абрамс», наполовину пропущенный через машинку для уничтожения бумаги.

Поставив поднос на стол, Андреас торопливо, едва не уронив, вытащил смартфон: священник лишился сана из-за проблем с азартными играми. На свою слабость он тратил деньги церковного прихода, включая пожертвования верующих. Андреас отложил телефон в сторону. Бывают все-таки иногда в жизни вот такие никчемные рифмы и совпадения. Значение их темно и расшифровке не поддается. Торстен между тем, прихлебывая свой суп, увлеченно рассуждал о перспективах беспилотного автомобильного транспорта. Искусственный интеллект и «большие данные» открывают перед

транспортом будущего грандиозные возможности.

Это и супершанс, и проблема одновременно. Огромный набор вариантов приводит к возникновению необходимости выбрать единственно правильное направление развития. Даже не выбрать, а предугадать. Потому что никто не знает, где, в каком формате, в рамках каких экономических условий будут реализованы возможности беспилотной мобильности. На складе? Ну, наверное. Автопогрузчик, который сам лавирует между полками, сам снимает нужный ящик и отвозит его туда, куда необходимо? Выглядит логично. Но если я хочу проехать с подружкой, допустим, по дороге из Коппе в Вильнёв? Мне не хотелось бы, чтобы машина везла меня сама, потому что тем самым был бы разрушен классический образ, замечательная игра: «Он повелевает дорогой, чтобы понравиться ей, а она управляет миром»! Андреас начинает ощущать беспокойство. Ему нужно позвонить. Срочно! А Торстен продолжает рассказывать о поездках на автомобилях, теперь уже в немецкий город Лёррах.

Расположенный сразу за границей, недалеко от контрольно-пропускного пункта Вайль-ам-Райн, он добился скромного, но все-таки процветания за счет большого количества торговых центров, популярных у граждан Конфедерации и «поздних переселенцев» из стран Восточной Европы. Наверное, это не очень морально мотаться за дешевым шопингом через границу, но с другой стороны... Торстен пожимает плечами. Режим свободы перемещения еще никто

не отменял. В любом случае однажды мы с сыном поехали в Лёррах. Он меня регулярно навещает, отдохнуть от своего Кройцберга. Мы решили устроить аквариум, а здесь вся эта живность стоит дорого. И мы поехали в зоомагазин. Закупились рыбками, двинулись назад и тут только мой умный сын задает вопрос: а что на границе? Надо ли декларировать рыбок? Мы ведь пересекаем таможенную границу, на которой действуют особые условия фитосанитарного контроля. Можно ли ввозить в страну живые организмы, не сертифицированные в соответствии со стандартами, действующим в стране их нового пребывания?

Примерно за километр до пограничного перехода мы встаем в глухую пробку. Машины стоят бампер в бампер и продвигаются рывками! Жарко, как сегодня, крыша нагревается, в салоне работает кондиционер. Нам хорошо, а как-то рыбкам, которые находятся в багажнике? Рыбки находятся в специальном переносном аквариуме с запасом кислорода, но что касается предельных температур, допустимых для таких нежных существ, то об этом мы даже и не подумали. Сын постоянно оглядывался назад, словно он мог сквозь кресла салона заглянуть в багажник. Мачты с двумя бессильно повисшими флагами были уже совсем рядом, чуть впереди, правее от дороги. И вот, когда до границы остаются считанные десятки метров... Андреас не выдерживает и встает из-за стола.

Торстен замолкает. Взяв в руки поднос, Андреас изви-

няется и говорит, что ему нужно срочно позвонить. Он совсем забыл! Что-то по работе? Да, точнее, нет, это личное, и это очень важно, просто вылетело из головы. Конечно, говорит Торстен, нет проблем! До лифта всего несколько секунд, но все кабины заняты, находятся где-то на верхних этажах. Когда-то в старом журнале Андреас прочитал о том, почему программисты не умеют ездить на лифте: они набирают кнопками номер этажа и не могут найти клавишу ввода. Но в этом здании лифт сделан именно программистами: следует сначала набрать на кнопочной панели номер этажа, в данном случае «12», а затем нажать большую клавишу с решеткой. После этого лифт сам приедет, откроет двери, запустит тебя и выпустит на требуемом уровне.

Крайний правый лифт, наконец, мягко открывает створки дверей, из него выходят трое мужчин и двое женщин. Андреас входит в кабину лифта. В воздухе висит плотное облако перемешавшегося парфюма. В нормальной жизни такой резко бьющий по обонянию запах, если верить телеюмористам, встречается только у мафиози и на погребальных церемониях. Лифт приходит в движение, несколько секунд Андреас безучастно рассматривает развешанные по стенам объявления. Андреас садится за свой рабочий стол, Бруно уже на месте, он едва кивает ему головой. Бруно быстро стучит по клавишам, иногда берется за мышь, делает несколько кликов, потом опять возвращается к новенькой клавиатуре. Солнце за окном горит и отражается медными бликами, ти-

хо шипит система кондиционирования воздуха. Андреас берет смартфон и находит номер фотоагентства, потом еще раз выходит на его сайт со стационарного компьютера.

Рекламный ролик запускается автоматически и рассказывает о замечательных фотографах, которые ради редкого снимка совершают порой дальние путешествия от Патагонии до Гренландии и от Острова Пасхи до Шанхая и Гавайских островов. Все, что есть в мире интересного и необычного, все, о чем вы хотели узнать, но не знали, к кому обратиться, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать: Буэнос-Айрес и Скалистые горы, Тибет и пустыня Такла-Макан, водоплавающие свинки на Багамах и сафари в намибийской пустыне, Столовая гора и Остров Святой Елены с самой опасной в мире воздушной гаванью – весь мир у вас в руках, на сайте, в мобильном приложении и во всех возможных социальных сетях. Андреас нажимает кнопку вызова и прикладывает смартфон к правому уху.

Сначала три гудка, потом музыка, «Девушка с пляжа Ипанема», обязательная и неизбежная мелодия, которая, по счастью, прерывается на примерно пятой секунде. Энергичный женский голос желает хорошего дня и спрашивает на широком цюрихском диалекте, бьющем наотмашь по барабанным перепонкам, чем она может помочь. Андреасу хорошо знаком этот тип: немного более полная, чем надо, в плотно сидящих джинсах, с сиреневыми или розовыми канекалонами в волосах и с бритой бровью. За плечами у нее первый

год изучения основ экономики и маркетинга, на телефоне в офисе известного фотоагентства она подрабатывает на срок процентов, во все остальные дни таскается по клубам Цюриха или Винтертура. Андреас делает глубокий вдох, потом выдох. Нельзя быть таким подлым человеком. Я не знаю ее и, как видно, никогда не узнаю. Почему я срываю на ней свои нервы? Так нельзя. Да, вы могли бы мне помочь!

Я хочу знать, где сейчас находится Анна-Мари Флюкигер. А вы кто? На несколько секунд Андреас задумывается. В каких отношениях мы находимся сейчас? Анна-Мари решила пока «пожить» отдельно, потому что... Эта странная история с нелогичными, как это всегда и бывает в жизни, поворотами, не имеет для обыкновенной офис-менеджера никакого значения. Андреас еще раз делает вдох и выдох. Я ее партнер. Мы не можем сообщить вам никаких дополнительных сведений. Вас как зовут? Паулина. Понимаете ли, Паулина, Анна-Мари находилась в командировке от вашего агентства, и вот уже несколько дней я не получаю от нее никаких вестей, ее профили в социальных сетях давно не обновлялись. Мы не можем вам сообщить никаких дополнительных сведений по соображениям защиты персональных данных. С таким же успехом можно разговаривать с андроидом или компьютерной программой.

По мнению некоторых экспертов, андроиды, обладающие искусственным разумом, способные воспроизводить сами себя и снабженные практически жизнью вечной, они коло-

низируют ближний, а потом и дальний космос, и, может быть, даже доберутся до Великого Аттрактора в созвездии Наугольник, став в итоге вершиной эволюции. Спасибо вам, Паулина, за вашу помощь, хорошего вам дня. И вам спасибо, ваш звонок был очень важен для нас. Кто бы сомневался! Андреас нажимает на иконку с красной телефонной трубкой и прерывает связь. Очень важен для нас... Некоторое время он сидит, повернувшись к окну, смотрит на беззвучное автомобильное движение внизу на автобане. Бруно уже нет на месте. Его рабочий день завершен, наушники аккуратно положены рядом с клавиатурой, рабочая поверхность стола прибрана, кресло задвинуто под стол.

* * *

Андреас протирает ладонями глаза. Сегодня последний день, потом выходные и национальный праздник, который ему придется провести с матерью, а потом начнется отпуск, заранее запланированный, заказанный и оплаченный. Этот отпуск он проведет один. В дверях появляется Торстен, спрашивает, все ли в порядке? Андреас смотрит на него, подавляя внутреннее раздражение, потому что Торстен прервал его буквально за секунду до какого-то очень важного вывода. Но Торстен не виноват. Он просто хотел справиться о его настроении, потому что задача каждого начальника – следить за состоянием подчиненных. И это правильно.

Любой начальник должен видеть в сотруднике еще и живого человека. Торстен говорит дружеским тоном, что сегодня последний день и что Андреас может уже собираться и идти домой, а что касается финальной верификации, то ее он выполнит сам или попросит кого-то еще. В принципе, это очень даже неплохо.

Финальная верификация никогда не входила в перечень любимых операций Андреаса, скорее, наоборот. Все что угодно, но только не верификация. Она требует всегда особых внимания и тщательности. Малейшая погрешность – и можно испортить результат работы целого дня. В компании постоянно всплывает история о том, как один из операторов умудрился запороть объем данных за целый квартал. Было грандиозное разбирательство, и именно после этого инцидента в общую структуру был введен второй страховочный контур. Но может быть, все происходило и не так... или наполовину не так, сказать сложно, а собственно, никого это уже и не волнует. Тем более что Андреас принадлежал к числу тех, за кем еще не числится ни одного серьезного сбоя. Поэтому-то он и считается одним из лучших операторов компании.

И все равно верификация была и остается хождением по канату. Каждый раз перед ее началом он ощущает чувство смутной тревоги в области солнечного сплетения. Наверное, от него он уже не избавится никогда. Единственное, чего он сумел добиться за все эти годы, – поставить страх

под контроль, загнать за ограждение с надеждой, что страх никогда больше не вырвется на свободу. Андреас поблагодарил Торстена и сказал, что ровно в четыре часа совершит логат и официально передаст ему, Торстену, все контрольные функции. Тогда хорошего отпуска, отдыхай и получай удовольствие. Спасибо. Торстен махнул рукой и исчез в пересечении прозрачных плоскостей.

Так вот... Вывод! Какой я хотел сделать вывод? Опять завибрировал телефон. Нет, я помню дорогу. Я ее прекрасно помню. А если смотреть на проблему не фигурально выражаясь и не риторически, то сегодня вечером ко мне придут смотреть квартиру. Потому что одному мне такая большая квартира не нужна. Я всегда думаю, прежде чем принимать важные решения, а еще мне кажется, что порой я размышляю слишком долго, потому что иногда надо просто действовать. Не размышляя. Но у нас у всех такая привычка. И дело не в наших родственниках... Анна-Мари наверняка в полном порядке. Я только что разговаривал с ее агентством. Представь себе, сам догадался позвонить, хотя, опять же, я должен был бы сделать это гораздо раньше. В любом случае они мне ничего не сказали. Ничего подобного, я разговаривал очень настойчиво. Даже слишком. Никакой информации мне не дали. Почему? Защита персональных данных.

Это не отговорка. Это действительно защита персональных данных. Но я уверен, что с Анной-Мари все в порядке и что, наверное, она уже вернулась обратно, но я не знаю,

где она сейчас. Нет, ни адреса, ни телефона я не знаю, потому что так решил прокурор. Я же рассказывал. Со всеми подробностями. В этой ситуации... Послушай меня! В этой ситуации я могу только ждать, пока она, Анна-Мари, не посчитает необходимым сама позвонить мне. В крайнем случае я могу зайти к Оливье. Сегодня он должен быть в ресторане. Эту информацию можно прочесть на сайте. А к Эмили я зайду завтра. Точнее, вот что... Не зайду, а заеду. Потому что я хочу взять отцовский «Мерседес-СЛК». Приготовь мне ключи, я знаю, что у тебя есть комплект. Ну, потому что... Потому что давай поговорим обо всем завтра. Тогда пока все, я сегодня раньше с работы ухожу по случаю отпуска. Все, до завтра. Хорошего дня!

Солнце уже висело справа от горы Гуртен. Андреас еще раз зашел в систему и убедился, что процесс верификации был запущен ровно двадцать пять минут назад. Кто взял на себя функции диспетчера? А не все ли равно? Выйдя из системы и выключив компьютер, Андреас провел ладонью по гладкой поверхности стола. Каждый раз, уходя в отпуск, он следил за тем, чтобы рабочий стол в его отсутствие выглядел безукоризненно. Заперев ящики, Андреас положил ключ в один из внешних карманов рюкзака и, закрыв его, удостоверился, что замок-молния дошел до крайнего левого положения. Только теперь можно было быть уверенным, что ключ не выпадет случайно по дороге.

После офисной прохлады горячий воздух улицы показал-

ся приятным. Андреас встал в тень под навес. Следующий трамвай подойдет через пять минут. Количество пассажиров на остановке постепенно увеличивалось. Это были люди разного возраста, пола и цвета кожи, одетые очень легко: футболки, майки, шорты, летящие юбки, солнечные очки, шлепанцы, сандалии. У многих в руках смартфоны, и почти у всех лица покрыты мелким бисером пота. Наверху, на эстакаде национальной автотрассы, все также грохотало транзитное движение. С двенадцатого этажа дорога выглядела безупречным инженерным проектом, беззвучно изготовленным при помощи линейки и острого карандаша. Но здесь, по эту сторону герметичных окон, трасса представляла тем, чем она и была все это время, то есть источником беспокойного шума, пыли и парниковых газов.

Развернувшись в тени путепровода, причалил к остановке трамвай. Открылись двери, и из салона потянуло холодом: кондиционер работал на полную мощность. Смахнув с бархатного сиденья вечерний выпуск газеты «20 минут», Андреас сел у окна и еще раз проверил социальные сети. Ничего. Трамвай тронулся, за окнами поплыли дома и светофоры, где-то позади в салоне заплакал ребенок. Андреас поднял с пола упавшую газету и перелистал ее, ни во что особенно не вчитываясь. Погромы в Латинской Америке. Информация о ситуации в стране, практически прекратившей свое существование, занимала всю вторую и третью страницу. С Анной-Мари ничего не могло произойти. Не такой она

человек. На остановке у Часовой башни Андреас покинул прохладу трамвая, вернувшись в каменный жар города. У сувенирного киоска толпились туристы из азиатских стран, и, кажется, из Восточной Европы.

Туристы ждали полного часа, ведь тогда Башня начнет звонить, а хоровод из бронзовых фигурок, проснувшись к жизни, демонстрировать свою незатейливую программу. Андреас подумал, что сейчас самое время выпить бокал белого вина. Бар «Лоренцини» на этой стороне улицы и «Адрианос» на противоположной стороне, рядом с небольшим киоском, продающим табак и курительные трубки, забиты до отказа. Можно попробовать заглянуть в уютный ресторанчик «Фалькен», расположенный недалеко в переулке по соседству с университетской библиотекой. Но потом Андреас все-таки решил не тратить попусту время и сразу идти к Оливье. Сняв рубашку, Андреас остался в одной майке. Протерев рукавом солнечные очки, он спрятал рубашку в рюкзак и нырнул в тень аркад старого центра.

После великого пожара 1405 года его задумали переделать. Из-за нехватки жилой и прочей площади домовладельцы расширяли свои постройки, пристраивая к фасадам эркеры и балконы, а то и целые комнаты. Дома все ближе оказывались друг к другу, не оставляя горожанам возможности свободного перемещения. Оттого пожар и случился. В итоге было решено город упорядочить и пристройки делать только с первого этажа, оставляя наземный этаж свобод-

ным. Так возникли знаменитые бернские аркады, ведущие вдоль улиц, отчего ходить между лавками стало возможно, в буквальном смысле, не замочив ни ног, ни головы. Адвокат и легационный советник фон Гёте писал в октябре 1779 года своей любовнице Шарлотте Штайн: «В бюргерской своей равности город этот с его одинаковыми домами из сероватого мягкого песчаника, эгалитарность каковых и внутренняя чистота согревают душу, есть самое красивое из всего, что мы когда-либо видели, особенно если осознаешь, что это все не пустая декорация или внешняя сторона деспотизма, но строения, которые город Берн сам же и возводит большими и солидными, при том что ни следа роскошества в глаза не бросается, на какой из них не взглянуть».

Андреас помнит, как на лекции по истории в частном колледже им показали небольшой фильм, героями которого были две маленькие фигурки в плащах и старомодных шляпах, с посохами в руках. Герцог Карл Август и Иоганн Вольфганг фон Гёте, преодолев границу разумного, упрямо шагали, сопротивляясь бьющему в лицо снежному урагану и рискуя в любую секунду провалиться в расселину глетчера. Чего они искали в мире, законы которого кажутся для нормального рассудка невероятным гротеском? Стремились ли они доказать что-то самим себе? Удостовериться в реальности собственного существования? Андреас сидел, опустив голову, и вспоминал предыдущую лекцию о знаменитой иерархии потребностей Абрахама Маслоу. Эта лекция навсегда за-

стряла у него в памяти, потому что сидевшая впереди студентка вдруг обернулась и, поймав его взгляд своими живыми глазами, что-то коротко сказала ему. Ее звали Анна-Мари.

* * *

Весь центр города покрыт столиками и зонтами от солнца. Усталые официанты в униформе, в белых рубашках, промокших на спине, и в фартуках, повязанных поверх черных брюк, едва успевали выполнять заказы. На площади перед зданием Федерального дворца били из земли двадцать шесть водяных струй, между которыми с восторженными криками носились дети. Затыкая пятками металлические отверстия, они дожидались очередного водного взрыва. Вырвавшись из-под контроля, вода окатывала с ног до головы не только детей, но и ничего не ожидающих прохожих. Андреас некоторое время смотрел на то, как радуга играла между струями и как быстро высыхали на солнце серые каменные плиты. Затем он пересек трамвайные пути и свернул в один из боковых переулков.

Дома здесь стояли куда плотнее друг к другу, тень была гуще и воздух чуть прохладнее. Одно из зданий оказалось укутано строительной пленкой, по лесам передвигались рабочие. Иногда внутри что-то грохотало, потом начинала визжать «болгарка». Свернув в следующий переулок, Андреас

оказался там, куда, как правило, туристы редко попадали. Здесь тихо, вдоль тротуаров, плотно, бампер в бампер, стоят припаркованные машины. Шаги по брусчатке эхом отражаются от стен домов. Миновав книжный магазинчик, лавку оружейного антиквара и небольшой винный подвал, Андреас вышел на площадь неправильной формы. Удивительно, но сегодня он нашел ее с первого раза. В последний раз он был здесь поздней осенью. Шел вечерний дождь. Фонари отражались на мокрых камнях брусчатки размытыми желтыми пятнами. Андреас несколько раз сворачивал не туда, потом останавливался, шел обратно, потом опять поворачивал, но уже в другую сторону, но всякий раз он оказывался не там, где надо, или на том месте, где он уже был буквально несколько минут назад. Но на этот раз все сложилось удачно. Черный негатив воспоминаний превратился в позитив реальности. Старая липа, каменный лев, из пасти которого громко лилась плотная струя воды, кованая вывеска ресторана «Гугисберг» с золотыми буквами и символами (волк, кабан, французский мушкет, лавровый венок) – все было на месте. Последние триста лет тут ничего не менялось.

Первая таверна с набором самых простых блюд и напитков (сыр, хлеб, вино) появилась на этой площади в конце пятнадцатого века. Идея устроить здесь простую забегаловку принадлежала фермерам, угождая которых располагались в полусотне верст к югу и западу, не доезжая до католического Фрибура, у подножия одноименной вершины, название

которой означало всего лишь «гора, на которой можно сидеть высоко и смотреть далеко». Некоторые даже говорили, что в хорошую погоду с нее можно видеть Эвиан. С тех пор поговорка «увидеть Эвиан» применялась всякий раз, когда следовало выразить вполне обоснованное сомнение в степени подлинности того или иного высказывания: ага, так мы тебе и поверили, скажи еще, что тебе удалось с вершины Гугисберга Эвиан увидеть! Поговорка эта, правда, употребляется только там и нигде больше, а за пределами этого региона она превращается в непонятный набор слов.

Фермеры у подножия горы Гугисберг оказались и в самом деле дальновидными людьми. Они производили молоко, из него по секретному рецепту делали твердый сыр, который потом продавался во Франкфурт, Страсбург и даже Шербур. Многие просили поделиться таинственной рецептурой, на что из поколения в поколение им давался один и тот же ответ: «Рецепт нашего сыра был и останется тайной». Кто бы мог подумать, что столетия спустя сыроделы Аппенцелля сделают себе из этой поговорки коммерческий лозунг, защищенный авторским правом? И кто бы мог подумать, что спор о том, кто имеет право пользоваться этой поговоркой, дойдет аж до самого Высокого Суда в Лозанне и что суд решит оставить все, как есть, ссылаясь на Бернскую конвенцию, возникшую куда позже самой поговорки, а там уж кто не успел – тот опоздал? И вообще, кто бы мог подумать, что поговорки тоже стоит защищать специальным па-

тентом?

В любом случае фермеры из региона у подножия горы Гугисберг решили однажды отказаться от посредников, создав, как сейчас пишут во всех учебниках по теории и практике маркетинга, свою единую производственно-сбытовую цепочку. Настойчивость и способность видеть не просто целое, но и каждую деталь, не просто панораму, но и то, из каких отдельных черт и фрагментов эта панорама складывается, Анна-Мари наверняка унаследовала именно от своих предков из региона у подножия горы Гугисберг. И кто знает, может быть, Анна-Мари своему двоюродному деду Оливье и своей родной бабке, его сестре Эмили, доверяет в большей степени, чем ему, Андреасу? И, может быть, Оливье знает, что сейчас происходит с Анной-Мари и где она находится? В любом случае имеет смысл поговорить с ним. У Оливье, конечно, был мобильный телефон, кнопочная «Нокия» возрастом в три десятка лет. Но он принадлежал к иному поколению, с такими, как он, лучше разговаривать лично!

* * *

Столики, стоявшие перед рестораном справа и слева на тротуаре, пока пустовали, зонты от солнца сложены, напоминая крылья огромных насекомых, над входом висела гирлянда красных флажков с белыми крестами. Андреас потянул тяжелую дверь из массивного дерева бордового цвета

с витражами на растительные темы. Дверь заскрипела, колокольчик под потолком подал надтреснутый голос. Запахло холодным деревом и воском. Андреас закрыл и снова открыл глаза: им требовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к сумраку ресторана. Находясь на одном конце помещения, похожего на школьный пенал, можно было видеть прохожих, беззвучно двигавшихся за окном, выходящим на параллельную улицу. Деревянные балки и потемневшие от времени доски потолка находились на расстоянии вытянутой вверх руки. На стене слева был устроен гардероб с медными крючками и гнездами для тростей и зонтов. Три метра дальше начинались темные массивные столы, изрезанные за прошедшие десятилетия ножами бесчисленных посетителей.

Справа по центру находился бар, за ним – вход на кухню, откуда уже доносился равномерный звон ножей и гулкий грохот передвигаемых из стороны в сторону кастрюль. Стены ресторана плотно увешаны старыми фотографиями в рамках. С них на Андреаса смотрят люди с пожелтевшими лицами, старые дома, выцветшие горные вершины, почтовый автобус, прибывавший на перевал Гримзель. На потолке в кажущемся беспорядке укреплены светильники. Вместо свечей в них вкручены слабые электрические лампочки, давно уже запрещенные современными экологическими стандартами. В самом дальнем углу, под лестницей, которая вела на первый этаж, стояли большие напольные часы. Грузный маятник с отчетливым стуком прилежно отмерял секунды,

оставляя на поверхности тишины вмятины, похожие на следы ног невидимого гиганта.

Горячие блюда здесь можно заказать до часу дня и с пяти вечера. На двух или трех столах уже установлены массивные держатели из латуни в стиле «прекрасной эпохи»: обнаженная женская фигура поднимает вверх картонную карточку размером с визитку, на которой вычурными буквами выведено слово «Зарезервирован». С первого этажа слышались массивные шаги, потолок дрогнул, заскрипела лестница. Оливье спускался, держась левой рукой за перила. Правой рукой он прижимал к груди пачку газет. На последней ступеньке Оливье на несколько секунд остановился. Он был одет в белую рубашку, черные брюки и передник официанта. Слева на поясе укреплен кожаный кошелек для банкнот и монет. Немного придя в себя, он уверенным жестом пригласил Андреаса занять место за одним из свободных столов.

Потом, разложив газеты на стойке бара, он сказал что-то громким голосом в сторону кухни. Андреас заметил, что среди газет преобладали солидные толстые издания из Цюриха, Базеля, Санкт-Галена, Фрибура и даже Женевы – вдруг среди гостей окажутся представители города Кальвина? Не дождавшись ответа, Оливье еще раз что-то сказал, немного повысив голос, и на этот раз его призыв не остался без ответа. Из кухни выглянул небольшого роста повар с белом колпаке: черные глаза, подбородок покрыт трехдневной щетиной. Сказав пару слов, повар исчез на кухне, но тут же

снова появился с бутылкой белого вина в руках и двумя бокалами. Поставив бутылку и бокалы на стойку бара, повар нагнулся, извлек откуда-то снизу небольшой поднос, в ответ на что Оливье махнул рукой, мол, дальше я сам, потом, расставив бокалы и вино, он взял поднос двумя руками и медленно направился к столу, за которым сидел Андреас.

Оливье очень сильно сдал за последнее время. Раньше у него его отличало круглое лицо успешного владельца ресторана со столетней историей. А теперь щеки опали, волосы выглядели не слишком-то опрятно, старческие пятна на руках отчетливо проступали на фоне вздувшихся вен. Оливье ставит поднос на стол. Бокалы и бутылка с вином легко касаются друг друга с вибрирующим звуком, словно несколько колокольчиков сразу зазвонили в попытке воспроизвести забытую мелодию. Сев напротив Андреаса, спиной к входной двери, Оливье неожиданно быстрыми и точными движениями разлил вино по бокалам. «Фандан» долгое время считался низкосортным вином. Взяв вспотевший, со стекающими вниз каплями прозрачной влаги бокал, Андреас ощутил приятную прохладу. В последние годы качество этой марки выросло значительно.

Даже зарубежные поставщики обратили внимание на этот, как сейчас говорят, бренд. Но валезанцы, ты и сам прекрасно знаешь, такой народ, себе на уме, производят вина ровно столько, сколько надо только им! На экспорт они практически ничего не делают. Но у меня хорошие постав-

щики! Как у тебя вообще дела? Оливье смотрит на Андреаса не очень уверенно, так, будто он не знает, что произойдет в следующие секунды, словно он боится сделать что-то не так. Как дела? Возраст. И люди меняются. Раньше по вечерам собирались гости, перекидывались старыми добрыми «французскими картами» в «ясс» и дискутировали о мире и боге. Теперь все ушли вот... в телефоны. Не разговаривают, а переписываются. Шлют друг другу кривые рожи! Оливье делает еще глоток. Андреас следует его примеру, ощущая цветочную, пощипывающую язык прохладу. Это хороший год. Оливье показывает рукой на бутылку, потом берет ее и несколько секунд внимательно, словно впервые, изучает этикетку. И подвал этот тоже хороший. Его владелец – мой знакомый. У него есть несколько плантаций. Он очень обижается, когда его вино называют на французский манер – «шассла». Никаких, говорит, компромиссов не потерплю, только «фандан»!

Он ничего не знает! Андреас осознает это неожиданно ясно. Он предпочитает не вмешиваться и не усложнять ситуацию без особой необходимости. А это значит, что почти наверняка Анна-Мари и ему тоже не звонила. Как дела у Эмили? Сейчас жарко и она, наверное, сидит у себя в саду? Ты бы заглянул к ней. Она всегда относилась к тебе с симпатией. Намекает ли тем самым Оливье, что Эмили может что-то знать о судьбе Анны-Мари? Но он не такой человек. Он вежлив, прямолинеен и простодушен, иногда даже слиш-

ком, и годы за плечами ничего в его характере кардинальным образом не изменили. Андреаса впервые посещает подозрение, что мудрость, приходящая якобы в старости, является ничем иным, как иллюзией.

Где ты будешь Первого августа? Андреас пожимает плечами. С утра, как обычно, поедет на Блюмлиальп. Говорят, что это не обычное место в горах, не просто луг или фермерское угодье, а таинственное «место силы». Недаром туда постоянно бьют молнии, а вода, которая ручьями стекает в долину, считается целебной. В середине XIX века эту местность открыли для себя англичане, а после визита Королевы Виктории на гору Риги, что над Люцерном, окрестности вплоть до нашего Блюмлиальпа стали как магнитом притягивать туристов со всей Европы от Португалии до Китая. Кто будет речь держать? Курт, кто же еще! Оливье прижал на мгновение ладони к лицу, словно глаза у него были уже не в состоянии выносить даже минимальный сумрачный свет.

Курт старый. Он еще даже старше, чем я! Правление общины он возглавил... Когда? Уже даже не упомнишь, но кажется, это было еще даже до скандала с карточками. Да, скорее всего еще до него. Был и остается убежденным сторонником Партии бюргеров, ремесленников и крестьян, той еще, не нынешней! Теперь такие сохранились только в горах высоко, от нас далеко! Оливье горько усмехнулся, разлил остатки. Что будет с общиной, когда он совсем уже отойдет от дел? Никто ведь его место занять не хочет! И то понятно, рабо-

тать надо много за бесплатно. И что тогда? Останется только одно, выходить на кантон с ходатайством о слиянии с соседней общиной.

Но только все последние опросы показывали, что народ и слияния тоже не хочет, мол, пусть они и находятся по соседству, но все равно, люди тут и там живут разные, говорят по-разному, делами занимаются разными: у нас коров разводят и сыр делают, у них испокон веков в армии служат, да на фабрику ходят работать, да еще говорят «отрежьте мне колясочку колбасы». Вот что это за язык? И как из таких разных людей сделать одну с нами общину? Колокольчик в прихожей подал голос, ноги затопали по полу, вздрогнувшему, словно от небольшого землетрясения. Маятник отмерял час шестой, гости стояли на пороге. Зайди обязательно в гости к Эмили. Разговора про Анну-Мари так и не получилось, и может быть, это и к лучшему. В восемь вечера Андреас договорился показывать квартиру.

* * *

Солнце зашло за крыши. Площадь с липой и мерно плещущим фонтаном погрузилась в тень. Тяжелый воздух, нагретый брусчаткой и каменными стенами, был плотным, словно вата. Дорога к вокзалу заняла немного времени. Путь обратно почему-то всегда кажется короче. У эскалатора, ведущего вниз, к поездам, человек в радужной вязаной ша-

почке, сбитой на затылок, играл на ханге. Прямоугольный коврик с пестрыми птичьими узорами он расстелил прямо на асфальте, перед собой поставил раскрытый футляр от инструмента, на синем бархатном дне которого тускло блестели несколько монет разного диаметра. Вокруг толпились прохожие. Кто-то стоял неподвижно, кто-то покачивался в такт прихотливой мелодии, кто-то снимал музыканта на камеру мобильного телефона.

Вечером в пятницу вокзал был как всегда полон: школьники в наушниках, военнослужащие, едущие на выходные с вещевыми мешками в руках и со штурмовыми винтовками, закинутыми за плечи, чиновники с портфелями и, несмотря на жару, в черных костюмах, туристы в тяжелых горных ботинках и с рюкзаками у ног в ожидании своих поездов, очереди к кассам в неизбежных супермаркетах «Мигро» и «Кооп», медленно двигались еще разморенные теплом и влагой прибывшие с моря отпускники (их можно было узнать по регистрационным биркам авиакомпаний, болтающимся на ручках чемоданов), звучали объявления по громкой связи о прибытии и отбытии поездов! Иногда все-таки бывает очень полезно поменять стерильный аквариум офиса на реальную жизнь!

Задержавшись у центрального информационного табло (межрегиональный экспресс должен был отправиться вовремя, без задержек), Андреас зашел в кафетерий и купил себе двойной эспresso. Голова кружилась, наверное, не сто-

ило в такую жару пить много вина. Отойдя вглубь кафетерия и заняв стоячее место у самого дальнего столика, Андреас отхлебнул нестерпимо горячий кофе. Затем он несколько минут просто, ни о чем не думая, наблюдал за баристой и за его помощником, который вел расчеты у кассы. Покупатели подходили к стойке, перекидывались, вытянув шею и даже иногда приподнимаясь на цыпочки, несколькими словами с продавцами, потом оплачивали желаемое, как правило, при помощи кредитной карты, и, получив заказ, снова исчезали в толпе. Среди людей он заметил много женщин и девушек, красивых и не очень, одетых по-летнему, очень привлекательно, хотя, конечно, не обходилось и без редких представительниц иных культур, плотно закутанных в черные длинные одеяния.

Продавцов за прилавком это особенного не интересовало. У одного была пастушья серьга в ухе, второй, на майке которого был виден профиль Боба Марли, был с гладко выбритым загорелым черепом. Их основная задача состояла в том, чтобы не ошибиться при расчетах. Андреас еще раз отпил уже немного остывший горький эспрессо и спросил себя, когда у него с Анной-Мари в последний раз был секс. Такие вопросы обычно задает врач во время медицинского осмотра. Или следователь. Почти в любом детективном романе автор так намекает читателю, что, на самом-то деле ничего обыкновенного в данной ситуации нет и что простые вопросы очень скоро превратятся в сложные, а потом и во-

все в такие, ответить на которые будет невозможно. Андреас вздохнул, допил остаток кофе, взглянул на часы. Лавируя в толпе, он шел дорогой, которой ходил уже миллион раз. Так когда у них был секс последний раз? А в первый? Андреас дошел до пути номер семь и начал подниматься по пологому пандусу на платформу.

Это произошло у нее на квартире. Из всех учащих колледжа только Анна-Мари уже имела свою собственную квартиру и то только потому, что родители у нее, как она тогда заявила с видимой гордостью, работали архитекторами, а дом, в котором она живет, был спроектирован и построен лично ими. И вообще, она могла бы жить в замке, если бы захотела. Андреас улыбнулся. Принцесса Рапунцель! Почему-то этот разговор исчез у него из памяти и возник опять только сейчас! Она могла бы жить в замке! Сегодня ничего такого она бы уже не сказала, и если он, Андреас, напомнил бы ей о ее собственных словах, то она, скорее всего, обиделась. Подошел поезд, массивная квадратная дверь отъехала в сторону, внизу, под ноги пассажирам, выдвинулась яркая оранжевая подножка. Приехавшие начали выходить из вагона, из которого тянуло приятной прохладой, ждущие очереди на посадку выстроились в две колонны, образовав живой коридор.

В любом случае это произошло у нее в квартире в сумерках. Андреас на мгновение прикрыл лицо ладонью левой руки, потом прижался разгоряченным лбом к холодному стек-

ду вагонного окна. За окном пролетали корпуса промышленных компаний, жилые поселки, ровные нитки дорог, мосты, окрашенные зеленым цветом поля. Перед ним в кресле напротив спала, уронив голову набок и прижав к груди рюкзак с корейским флагом, сломленная джетлагом туристка. Что потом? Потом они зажгли свет. Поезд нырнул в туннель, туристка вздрогнула и раскрыла на несколько секунд глаза. Потом... Андреас выпрямился, бархат сиденья под ним неприятно нагрелся.

Поезд был полон, некоторые пассажиры стояли в проходе и даже сидели на ступеньках лестницы, ведущей на нижний ярус вагона. Почему-то в памяти у него остались только разрозненные пятна, похожие на отсветы автомобильных фар: машина проезжает, на стене появляется световое пятно, которое передвигается с пола на потолок по совершенно непредсказуемой траектории, и потом исчезает, оставляя на сетчатке глаза неприятную россыпь искр. И еще он помнит, что в то лето тоже было жарко, и что после захода солнца из леса с той стороны автобана тянуло прохладой, и что Анна-Мари встала с постели, которая тоже была неприятно горячей и липкой от пота, и что она стояла голой в проеме двери, ведущей на балкон, и что с улицы доносился шум автомобильного потока, и желтые световые пятна ложились ей на плечи, соскальзывали по спине и ногам, делая ее тело на несколько секунд отчетливым и ясным. Поезд вылетел из тоннеля, вагон снова погрузился в резкий солнечный свет,

от которого не спасала даже опущенная шторка.

* * *

Выйдя из вагона, Андреас специально на несколько секунд остановился. Дождавшись, пока основная масса пассажиров схлынет в подземный переход, по которому можно пройти на соседние пути или же выйти в город к автобусному вокзалу, он сел на станционную скамейку, сплетенную из металлических нитей, поставил рюкзак себе под ноги. Скамейка была горячей. Андреас протер ладонями глаза, сердце стучало слишком быстро, наверное, из-за кофе. Что-то пошло не так! Катастрофически не так и не туда, не в нужном направлении, а куда-то... Мысли путались, складных умозаключений не выходило. Перед его глазами с грохотом пронесся грузовой состав: несколько открытых платформ с рулонами холодного проката.

Почему грузовые поезда носятся с таким шумом, а пассажирские экспрессы двигаются мягко, почти неслышно? Андреас решил не идти пешком и сесть на автобус. До его отбытия, как было указано на электронном табло, оставалось три минуты, еще семь минут автобус находится в пути до нужной остановки, плюс на последние три сотни метров до подъезда потребуются еще минут пять. Итого у него в резерве остаются десять минут. И это хорошо. Андреасу не хотелось бы заставлять гостей ждать под запертой дверью. Автобусом ока-

зался длинный «Вольво», состоящий из двух соединенных «гармошкой» секций. На его бортах красовалась реклама музыкального радио («Больше музыки, больше разнообразия»), по салону была развешена реклама нового внедорожника от «Мерседес»: Роджер Федерер на фоне гор и сияющего солнца выгружает из салона лыжи, рекламный лозунг гласит: «Мы превратим ваш маршрут в рутину».

Андреас говорит себе, что искусство писать художественные тексты всегда было ему недоступным. Оно ведь сродни поэзии, а поэзия, будь то реализованная на письме или, вот как у Анны-Мари, при помощи фотографии, не возникает, к сожалению, по итогам сложения определенного количества слов в некий объем текста с соблюдением формальных правил грамматики, синтаксиса и стилистики. Анна-Мари говорила всегда, что у настоящего художника творческое высказывание рождается сразу, как в том фильме о прибытии инопланетян, из-за которого главная героиня получает себе в подарок сразу всю свою жизнь от начала до конца. Андреас ответил тогда, что такой подарок есть рабство и жестокость, а Анна-Мари утверждала, что речь идет в данном случае о ценности жизни как таковой, потому что, даже будучи заключенной в своей судьбе как доисторическая муха в янтаре, героиня осознает ценность каждого момента, происходящего здесь и сейчас, в ответ на что Андреас ответил, что в качестве художественного высказывания это очень удачно найденная метафора, но в реальности жизнь есть не картина,

фильм или текст, а каждодневная работа, как на строительстве пирамид.

Анна-Мари заявила, что Андреас тем самым демонстрирует типичное сознание человека периода позднего капитализма, в ответ на что Андреас сказал, что он просто человек, живущий не в эпохе или еще где-то, а именно что здесь и сейчас! На остановке Андреас вышел один. Автобус вздохнул, закрыл двери и тронулся дальше. На его заднем стекле был нанесен еще один девиз: «Природный газ на пользу природе». В этих словах, по крайней мере, не содержалось ни рифм, ни двойного смысла. Солнце зашло за дальнюю горную гряду, поля, раскаленные за день, подсвечивали синеву наступающего вечера тихим внутренним светом. На парковке для гостей перед домом чужих машин не оказалось, а это значит, что времени еще достаточно. На лестничной клетке царила прохлада, но в квартире за весь прошедший день воздух нагрелся и превратился в тяжелую, вязкую субстанцию.

Андреас открыл сначала дверь на балкон, потом все окна в спальне, раздвинул шторы. Анна-Мари очень любила и эти сосны, которые росли под окнами кухни вокруг старинного особнячка, и липы, высаженные вдоль дома со стороны спальни. На липах жили птицы и белки, сосны шумели под ветром, скрипели и оставались зелеными круглый год. Андреас решил пока не включать свет. До прихода гостей он должен еще непременно что-то сделать, что-то очень важ-

ное, но что? Он прошел из кухни в гостиную, оттуда в спальню, и в это время через открытое окно до него долетел шум работающего автомобильного двигателя.

* * *

На гостевой парковке неуклюже разворачивался зеленый «Фольксваген-Гольф» четвертой модели. Задний бампер поцарапан, колпаков на колесах нет, только фары были явно новыми, в сгущающихся желто-фиолетовых сумерках они светили как-то уж очень ярко. Приткнувшись кое-как на свободном слоте, машина заглушила двигатель, фары погасли. Андреас отошел от окна, на улице громко хлопнула дверь, через несколько секунд противно заверещал звонок. Анна-Мари говорила, что нужно непременно сменить его, этот звук раздражал ее, но в итоге все осталось так, как есть. Андреас нажал клавишу с ключом, внизу щелкнул замок двери, острый металлический звук отразился от стен лестничной клетки. Послышались шаги, уверенные и целенаправленные. Андреас распахнул дверь в квартиру и вышел на площадку – на половичке у двери в квартиру напротив стояла пара пляжных шлепанцев. Андреас вспомнил: ему скоро на море!

Гостем оказалась особа неопределенного возраста с очень ярким макияжем на лице. Крупную грудь обтягивала майка с изображением Мэрилин Монро в стиле Энди Уорхола, поверху болтались сразу несколько серебряных и золо-

тых цепочек, в руках она держала дамскую сумочку. Плотные сидящие джинсы с искусственными потертостями украшены стразами. При каждом движении крупных бедер стразы начинали блестеть и переливаться. От нее пахло вечерним парфюмом, короткая стрижка в живописном беспорядке, на носу – оранжевые солнечные очки. Шнурки на стоптанных кроссовках развязаны. Совершенно непонятно, как она умудрилась не споткнуться и не упасть. Гостья говорила на литературном немецком языке с густым французским акцентом. На плечах у нее было накинуто короткое меховое пальто с ворсом средней длины. На подкладочной стороне левой полы Андреас заметил пестрый логотип.

Гостья уверенно пожала руку Андреасу, сказала, что ее зовут Фабиен, затем двумя пинками сбросила кроссовки, непринужденно положила свою сумочку из желтой кожи на пол в прихожей и, повернувшись к Андреасу спиной, элегантным движением плеч уронила пальто ему в руки. Сделала она это совершенно естественно и спонтанно, даже не сомневаясь, что Андреас прореагирует своевременно и адекватно. Майка на спине гостьи была мокрой, запах пота волнительно мешался с парфюмом. Андреас предложил провести гостью по квартире. Как уже можно заметить, в доме даже после жаркого дня стоит приятная прохлада, и это одно из его преимуществ: зимой здесь всегда тепло, летом, наоборот, прохладно. Пол в прихожей отапливается, сразу налево кухня. Фабиен провела пальцами правой ноги, на которой,

кстати, равно как и на левой, носков не было, по полу при-
хожей и кивнула головой.

Плита на кухне стеклокерамическая, двухлетнего возраста, посудомойка работает исправно. Софа в гостиной из искусственной кожи, но ее можно раскладывать и превращать в двуспальную кровать, что идеально, если приходится принимать неожиданных гостей с ночевкой. С удовольствием свалившись на диван перед телевизором, Фабиен провела ладонями по его поверхности, сказала, что искусственная поверхность тоже бывает довольно приятной, после чего потребовала воды. Наполнив под краном стакан холодной водой, Андреас протянул его гостье, сел на другой конец софы. Фабиен сделала несколько глотков, поставила стакан на круглый журнальный столик, после чего оттянула декольте майки и непосредственным образом подула несколько раз себе на грудь, которая, как вынужден был отметить Андреас, обходилась без бюстгалтера. Может быть, стоило предложить ей вина, где-то там в холодильнике еще стояла почти не начатая бутылка «Примитиво».

Квартира эта велика для одного, значит, где-то должен быть второй... Как это сейчас называется? Партнер? Собственно, поэтому я и написал в управляющую компанию, чтобы она выставила этот объект на сайте в списке освобождающихся. Что-то произошло? Фабиен сделала еще один глоток из стакана и вытерла рукой тут же проступивший на лбу пот. Вы простите, что я вмешиваюсь в личную жизнь!

Никаких проблем, просто «раздельное проживание»! Ах вот оно что! В современном мире отношения рушатся довольно быстро, хотя... Что значит рушатся! Мы живем вместе, мы спим вместе и даже в перерывах между сном и приемами пищи занимаемся сексом и умудряемся рождать детей, и все равно мы говорим: нет, мы просто друзья, мы просто живем под одной крышей, не говоря уже о том, что конкубинат с налоговой точки зрения более выгоден по сравнению с нормальным браком.

Да, Андреас кивает. Об этом я читал недавно где-то в социальных сетях. Парламент начал обсуждение «брачного наказания». Парламент! Фабиен презрительно хмыкает! Парламент эту тему обсуждает уже целую геологическую эпоху! Я же хочу просто сказать, что сегодня у каждого есть столько возможностей, что попытка избрать какое-то одно направление в жизни или же одного человека превращается в бессмысленную трату ресурсов или заводит в бесконечный экзистенциальный тупик. Фабиен задумывается на мгновение, потом встает с дивана, следом встает Андреас. Что очень хорошо в этой квартире – два санузла и большая, четвертая по счету, комната, в которой есть только одно, относительно небольшое, окно. Его можно плотно закрыть железной шторой и сделать из комнаты лабораторию, хотя с наступлением эпохи цифровой фотографии затемнения для производства фотоснимков уже не требуется. Андреас аккуратно открыл дверь в бывшую комнату Анны-Мари и посторонился, про-

пуская Фабиен.

Когда он заходил сюда в последний раз? Штора была опущена, но не до конца: через параллельные щели на пол падал порезанный на полосы бледный свет. Воздух был насыщен запахом разогретой пыли. Компьютер на столе выключен, рядом с клавиатурой лежали листки бумаги, несколько карандашей раскатились в разные стороны, на календаре украшенные венками цветов коровы шли куда-то тесной толпой под управлением пастуха, одетого в типичный пиджак-кюэрумтц, расшитый цветами белого эдельвейса, и в черные штаны. Из этой комнаты можно сделать... Андреас запнулся... Шкаф для одежды. Фабиен подошла к столу и спросила: а это что? Что именно? Фабиен обернулась к Андреасу, в руках у нее блеснул острыми гранями небольшой пирит. Это откуда? Вот, со стола, говорит Фабиен и показывает левой рукой на стол. Впервые вижу, говорит Андреас. Открой окно, говорит Фабиен! Андреас отодвигает тюлевую занавеску и видит давно засохший бонсай. Вообще-то он обещал себе, что будет поливать это несчастное деревце, но на такой жаре стоит только пропустить пару дней – и все, растение обречено. О фикусе он помнил, а бонсай? Он нем он забыл случайно, или нарочно, в качестве мести?

Нащупав рукоятку шторы, Андреас приводит ее во вращение, штора начинает медленно, рывками и с металлическим грохотом, ползти вверх. Бледные полосы света на паркете расширяются, потом начинают сливаться в одно боль-

шое пятно. Подняв штору, Андреас открывает створку окна, впустив в комнату уже не такой горячий воздух. Фабиен с интересом покрутила камень в руках. Может быть, вам его подарили на свадьбу? Пирит блестел и разбрасывал вокруг себя гаснущие блики. Может быть, с ним связано что-то особенное? Андреас смотрит на засохший бонсай. Это была помолвка. Все очень скромно. Небольшая гостиница и зал приемов. Современная архитектура: стекло, сталь, натуральный камень и деревянные балки, поддерживающие крышу. С площадки обозрения можно было видеть горы, и холмы ближе к нам, и дорогу внизу, у наших ног, она вилась серпантинном, поднимаясь все выше и выше. Солнце заходило за дальнюю гряду, воздух становился сначала оранжевым, а затем фиолетовым, издалека доносился колокольный перезвон. Но камень... Андреас протянул руку и положил его на ладонь. Может быть, Анна-Мари хранила его в качестве талисмана... Я не знаю... Нечто похожее я видела в Узбекистане, сказала Фабиен. Вы знаете, где находится Узбекистан? Андреас пожал плечами. Я всегда думал, что эта выдуманная страна из того фильма, помните?

Нет, в том фильме речь шла о Казахстане, но обе страны совершенно реальны. Я однажды читала там лекцию о федерализме. В Казахстане? В Узбекистане! Для студентов, изучающих французский язык. Фабиен берет камень с ладони Андреаса и кладет его обратно на стол. Родители хотели, чтобы я пошла в гимназию, но я предпочла стать ученицей ап-

текаря. Это было очень интересно, потому что наша аптека находилась на главной улице и в ней всегда толпились люди. После этого я закончила бухгалтерские курсы, два года провела в Румынии, осуществляя надзор за реализацией инфраструктурных проектов по линии «Фонда Сплочения» Европейского союза, потом закончила массажные курсы и пошла работать в книжный магазин в Поррентрюи. Там у меня оказалось достаточно времени для самообразования. И когда наш МИД стал искать людей «с опытом работы за рубежом», то я сразу же послала им мое резюме. И уже через три месяца я читала узбекским студентам курс лекций по швейцарскому федерализму.

Зачем узбекским студентам швейцарский федерализм на французском языке? Фабиен пожимает плечами. Мне, собственно говоря, все равно. Если им интересно, и если наша дипломатия посчитала необходимым ознакомить с нашим федерализмом молодежь этой быстро развивающейся перспективной азиатской страны... Помню, какое потрясение я пережила на площади Регистан в Самарканде. Вы ведь не были в Самарканде? Андреас медленно покачал головой, нет, не был! Это потрясающий архитектурный ансамбль и этот камень... Фабиен показала него правой рукой. Этот камень с его блестящими гранями напомнил мне величественные стены на этой площади, которые по ночам светились изнутри огнем, заимствованным, казалось, с самих небес! Фабиен помолчала немного. Сейчас, по прошествии

времени, звучит пошло. Может быть, так оно и есть! Но знаете, что я поняла там, на этой площади?

Все на свете имеет свое объяснение. Ничто не происходит просто так. У всего есть своя причина. Своя логика. Может быть, мы ее просто не понимаем и не видим, как не видны нам корни деревьев. Поэтому-то какие-то явления или события и кажутся нам странными и даже безумными. Мы начинаем сердиться. На себя! На других! Как правило на других. А теперь я бы хотела посмотреть подвал. Андреас и Фабиен выходят в прихожую. Андреас берет ключи и открывает дверь на лестничную клетку. На улице продолжает темнеть, поэтому Андреасу пришлось включить свет: кнопку освещения найти нетрудно, она подмигивает желтым светлячком, дрожащим в сумерках. Лампы зажигаются, производя характерный звон, словно кто-то, один за другим, отламывает прозрачные ледяные сталактиты.

Андреас пропускает Фабиен вперед и говорит, что нужно идти по лестнице вниз, до самого конца. Она проходит мимо и обдаёт его жаром влажной кожи. Звуки шагов эхом отлетают от белых стен. На площадке этажом ниже устроен высокий стеллаж с обувью. На нем рядами выставлены городские туфли, горные ботинки, кроссовки и даже птичье гнездо. Откуда оно взялось? Чем ниже по лестнице, тем прохладнее становится. Фабиен поводит плечами, Андреас говорит, что теперь нужно повернуть налево, в коридор. Они минуют железную дверь, выкрашенную салатовой краской. Дверь

находится в постоянно открытом состоянии. Если по ней постучать, то послышится глухой металлический звук. Литой металл толщиной в три четверти метра способен противостоять любому внешнему воздействию.

Раньше здесь был бункер гражданской обороны, говорит Андреас, поворачивая пластмассовый выключатель, покрытый легкими седыми нитями паутины. А теперь его разделили на сектора стенками из штакетника, и жильцы хранят здесь старые телевизоры, ящики с вином и сломанные кровати. Хлам, от которого давно следовало бы избавиться, вывезя на один из городских пунктов приема вторичного сырья. Но вы сами знаете... Руки не доходят. Мой отсек вон там, справа, у дальней стены. Ничего особенного, коробка из-под микроволновки, пара сумок с пустыми консервными банками. Фабиен говорит, что сюда она могла бы поставить старый мольберт и еще несколько деревянных рам. Несколько мгновений они молчат. Стоит тишина, плотная, непроницаемая, как на дне бесконечно глубокого колодца, иногда нарушаемая шорохом воды в пластиковых трубах. Андреас даже на расстоянии ощущает жар тела Фабиен. Внизу под мной живет семья: отец – швейцарец, мать родом из Вьетнама, у них двое детей. Мать разговаривает с ними по-вьетнамски, отец на диалекте, между собой мать и отец разговаривают по-английски, дети между собой и со сверстниками на непонятной смеси всего, что только можно смешать. Если мы встречаемся в магазине, то со мной они говорят на фран-

цузском. Я выгляжу французом?

Фабиен наклоняет голову к правому плечу. Нет! Один из сыновей, старший, играет на пианино. В распорядке сказано, что в доме нельзя выбивать ковры по воскресеньям, но что здесь позволено держать домашних животных, а еще музицировать, один час до обеда и один час после. У вас есть животные? Нет, отвечает Фабиен. Квартира у вас в хорошем состоянии, хотя немного в беспорядке. Когда женщина уходит от мужчины, то первым начинает страдать жилище. Ведь когда рушится мир, уборка становится смешной. Андреас не знает, что сказать, а потому предпочитает промолчать. В прихожей Фабиен берет свои меховое пальто и сумочку.

Из открытых окон дует ветер, в квартире темно, только свет с лестницы рисует на полу желтый прямоугольник. Спасибо за ваше время, особенно в пятницу. У вас наверняка были другие планы? Андреас пожимает плечами, нет, сегодня я ничего не планировал, но вот с понедельника я официально в отпуске. А где вы намерены провести День Первого августа? У меня есть домик под Куртелари. Но я пока ничего не решила. Вам в любом случае еще раз спасибо и наслаждайтесь отпуском. Это лучшее время в году. Фабиен протягивает на прощание руку Андреасу, он пожимает ее влажную горячую ладонь, слышит, как хлопает входная дверь. Начинает работать двигатель, свет фар ярким сполохом осветил потолок и пропал.

Не зажигая света Андреас идет на кухню, открывает хо-

лодильник, достает остатки «Эпикуро Прimitиво ди Мандуриа» и выливает в бокал. Нужно быть очень осторожным, чтобы не расплескать вино. Холодильник пуст, в нем нет ничего, кроме яркого света, кубиков льда и веточек увядшей петрушки, разбросанных по дну лотка для овощей и фруктов. Андрес кладет пустую винную бутылку в емкость для стекла. По сравнению с душной комнатой на балконе было почти прохладно. Остывшее в холодильнике вино приятно остужает язык. Окна в доме напротив то загорались, то гасли, жильцы ставили чайник, садились за компьютеры, включали телевизоры. Почти каждый балкон уже увешан гирляндами из флажков, еще холодными лампочками, бумажными лампочками с белыми крестами на красных боках.

С одного из балконов донеслись громкие голоса, потом смех, нестройный хор голосов затянул песню: «Номер ноль семь девять у нее, номер ноль семь девять»! Андреас еще раз отпил из бокала и вдруг понял, почему Фабиен была в пальто. Если старую малолитражку снабдить новым, более мощным аккумулятором, то вся система электроснабжения начнет работать с перегрузкой. Потому и фары у машины горели неестественно ярко. Поэтому и кондиционер, даже на минимальной мощности, работал так, что в салоне ей пришлось сидеть в пальто. Иначе можно элементарно простудиться. Андреас улыбнулся в темноту. Завтра будет еще один жаркий день. Все имеет свою логику, и у всего есть свои причины. Видишь эти причины? Нет! А они все равно есть!

* * *

Тридцать первое июля, суббота

* * *

Утро, кухня, окно, кофеварка. Ночью прошел дождь. Он бил по крыше и крупными пригоршнями бросал капли в стекло, словно прорвалась какая-то сеть и все, что в ней было круглого, высыпалось и запрыгало в разные стороны. Из леска за окном доносится оглушительный запах мокрой листвы. Поют птицы. Андреас сидит за кухонным столом, перед ним чашка кофе. Чуть дальше, на столе – камень. Андреас берет его в руки, поворачивает так, чтобы грани его и поверхности начали блестеть, потом кладет обратно и делает глоток. Сегодня последний день июля. Можно уже вести себя совершенно свободно и никуда не торопиться. По телевизору показывают горы. Они только что вытащили свои головы из ватного тумана и выглядят растрепанными и хмурыми, как и всякое явление или живое существо в такую несусветную рань. Кадры меняются, везде видны зеленые склоны и застывшие тросы подъемников. Граница снегопада ушла за отметку пять тысяч метров.

Андреас мог бы сидеть здесь целый день, глядеть на камень и пытаться вспомнить, откуда он все-таки взялся. Но в этом нет ровным счетом никакого смысла. Вместо этого

Андреас решает выйти на дистанцию и пробежать положенные километры. Он идет в ванную и тщательно чистит зубы. Вода с шумом течет в раковину. Это неэкономно, но привычка лить воду, находясь в ванной, осталась с ним с детства. Его всегда ругали за это, говорили, что Андреас не желает прислушиваться к доводам разума, и что Максимилиан, его родной брат-близнец, конечно же, не стал бы делать ничего подобного. Позже он прочитал о том, что воду в кране не просто можно, а даже нужно лить как можно в больших объемах, потому что в противном случае трубы канализации пересохнут и разрушатся.

Соседи из второго подъезда уже вытащили раскладные столы и стулья на улицу. Завтра вечером они будут есть жареные сосиски, пить белое вино и смотреть на салют. Но сейчас Андреас чистит зубы. Потому что во время пробежки он любит ощущать во рту и носоглотке полную свободу дыхания и свежесть. Свобода дыхания для него даже находится на первом месте. Она важнее всего. Отец знал, что говорил. В юности он занимался борьбой. А еще он любил ходить в горы, сейчас это называют модным словом «хайкинг» и даже есть магазины, которые продают все, что нужно для него. А тогда он просто брал рюкзак, желтый, немецкий рюкзак времен Второй мировой войны из грубой мешковины с темно-коричневыми ремешками и сияющими, но быстро ржавеющими металлическими пряжками, и шел в горы.

Мы шли в горы! Это было до боли свое. Боль очень схожа

с чувством, которое ощущаешь, глядя на улетающий в небо воздушный шарик. Чем дальше, тем сложнее различить его на фоне режущей глаза синевы, но все равно более надежно-го способа вспомнить о глубоком прошлом еще не придумано. Отец всегда говорил, что дыхание при беге должно идти через нос на четыре такта: два шага – вдох, два – выдох. Это правило он запомнил навсегда, а еще указание никогда не пить воду до финала соревнований. Андреас выплевывает в раковину белую пену, выключает воду, надевает майку и спортивные трусы.

* * *

Для бега он приспособил старые удобные горные кроссовки «Эверест». Они уже порядком стоптаны, сквозь подошву можно ощутить крупный камень на дороге так, будто бежишь босиком, но все равно бегать в них лучше всего. Потом он надевает часы, берет в руки ключи, поправляет на носу солнечные очки, выходит на лестницу, закрывает и запирает за собой дверь. На улице, сразу у стоянки для велосипедов, цветут какие-то развесистые кусты. На листьях и на траве лежит еще влажный сумрак. Андреас идет сначала пешком по улице, мимо одноэтажных домов. Нужно пройти до конца улицы под деревьями, с которых изредка срываются пригоршни капель, и повернуть направо.

Там начнется его дистанция: обсаженная по обочинам

мощными липами дорога плавной дугой уходит все время левее, затем берет курс на соседний поселок, который находится, если верить Гугл-картам, ровно в пяти километрах. Андреас включает секундомер и переходит с шага на бег. Дыхание через нос, два шага – вдох, два шага – выдох. Дома с одной стороны, с другой – опять большое поле, за которым видна железная дорога, а дальше – поросшие лесом холмы, на одном из которых стоит ретрансляционная вышка. В темноте она пульсирует красными огнями, а сейчас просто теряется в молочно-белом рваном облаке тумана. Получив письмо от окружного прокурора, он ощутил внутри лед.

Андреас не боялся писем от властей, потому что он не имел оснований бояться таких писем. Просто это письмо неожиданно – а такие вещи всегда случаются неожиданно, сколько к ним ни готовься, – стало границей, переступив которую обратно уже не вернуться. Он мог бы даже и не вскрывать письма, заранее зная его содержание. Он знал, что завершать отношения нужно личным разговором, что присылать вместо себя официальное постановление не только неэтично, а просто трусливо. Андреас ускоряет бег, деревья через равномерные промежутки появляются в поле его зрения и так же плавно исчезают – одно дерево справа, одно слева, потом все повторяется. Дома кончились, потянулись поля, слева на пригорке показались постройки сельскохозяйственной фермы, где можно купить свежее молоко.

Он мог бы сделать из этого письма самую настоящую проблему. Он вспоминает, что их последний разговор был таким же, как и всегда. А ведь в тот момент она точно знала, что письмо уже в пути и что надежная швейцарская почта донесет это послание до адресата точно и в срок. Свои аккаунты в соцсетях она оставила без изменений, графа «Семья и отношения» не изменилась. Он мог видеть все, что делала Анна-Мари, если, конечно, приравнять учетную запись в социальной сети к реальной жизни. И потом эта командировка за океан, после которой она исчезла и теперь не подает признаков жизни. Интуиция подсказывает Андреасу, что она уже вернулась, просто по каким-то причинам молчит и скрывается. Но он не будет больше беспокоиться и каждые полчаса проверять телефон. Если Анна-Мари захочет, то она проявится сама. Дорога делает дугу влево и пересекает по мосту небольшую, но бурную речку.

Пот заливает глаза, Андреас отирает лоб рукой, опирается на металлические перила. Эта речка впадет через несколько километров в Ару, а она, в свою очередь, впадет в Рейн, а Рейн в Северное море, а потом... Потом начинаются масштабы, перед которыми сознание пасует, покорно поднимая руки. Однажды он уже видел такую речку. Тогда еще они жили недалеко от Лёйкербада. Он был простой горной деревней, только-только открывшей для себя выгоды международного туризма. Кажется, они с отцом ездили тогда в Сьон, зачем, сказать уже сложно, почти невозможно. Это случилось

незадолго до того, как стало ясно, что Максимилиану потребуется особый уход и еще до того, как семья приняла решение о переезде в другой кантон. Для отца, видимо, этот переезд стал такой же границей, после которой все стало иначе. Жизнь стала другой.

Андреас помнит, как они зашли в строительный супермаркет. Отец говорил, что после смерти алюминиевого комбината этот магазин стал спасением для региона. В юности он грузил бочки с вином на железнодорожной станции, а потом прилежно относил заработанные монетки в банк. Потому что достоинство человека – это дела рук его, «ибо трудящийся достоин пропитания». Вот потому-то он так бережно прикасался тогда к мешкам с цементом и образцам кафельной плитки, к аккуратному штакетнику и плитам из ДСП, к электродрелям «Хилти», к рулонам с обоями, к оконным рамам, чугунным печкам, садовым скамейкам и металлическим чемоданам с наборами инструментов, от отверток и напильников до молотков и небольших портативных паяльников.

Пройдя весь строительный магазин насквозь можно было оказаться с другой его стороны, где начинался райский сад. Вокруг стояли стеллажи, на них располагались горшки и прочие приспособления для выращивания растений. Цветущая герань красовалась ровными рядами, так что покупатель мог выбрать себе куст попышнее. А еще Андреасу нравились мелкие цветы, сиреневые и фиолетовые, от них

исходил резкий запах. За цветами стояли пальмы в кадках, потом небольшие пирамидальные деревца, магазин предлагал даже березовые саженцы! Затем покупатель оказывался на демонстрационной площадке, выложенной серым тесаным камнем. У родителей во дворе между камнями пробивается трава, а сама брусчатка – с трещинами и сколами, почти потерявшая форму. А здесь царила чистая геометрия, созданная для того, чтобы ложиться под ноги оптимальным образом.

Образцы брусчатки, запаянные в прозрачный пластик, были аккуратно сложены горками разных размеров. Андреас спросил себя, кому придет в голову купить один-единственный камень. Но потом он подумал, что, наверное, это даже очень неплохо – получить возможность разобрать окружающий мир на ровные единицы, а потом опять сложить их, но уже в совсем другом, только одному тебе ведомом порядке. От этой площадки дорожка, усыпанная серым мелким гравием, вела к образцу дома с треугольной крышей. По ступеням из идеально выструганного дерева они поднялись на широкую террасу, уставленную садовой мебелью, там стояли самые настоящие голливудские качели, словно из фильма, но только реальные, с ярким ценником. На нулевом этаже покупателей встречали кухня и гостиная комната с панорамным окном, выходившим на горный пейзаж, – горы, нанесенные на холст, натянутый на специальную раму. Кухонная техника демонстрировала готовность к работе,

лестница, которая вела на первый этаж, скрипела под ногами как настоящая. Ванная и туалет, детская комната, спальня родителей, рабочий кабинет и библиотека, забитая одинаковыми книгами на странном языке (как позже выяснилось, шведском), – все это разрешалось рассмотреть, взять в руки, изучить ценник-спецификацию с длинным перечнем уточняющих критериев.

Почти в каждой стене или перегородке находились выдвижные витрины, которые давали возможность изучить внутреннее строение несущих стен, состоящих из множества слоев, следующих один за другим. Скрывающиеся за стенами трубы, провода, разноцветные соединения и сочленения, скрытые механизмы, работающие непонятно как – все это выглядело ужасно интересным. Демонстрационный дом, пропитанный запахом свежей резины, дерева, красок, железа и полотна, демонстрировал готовность обнажиться и показать себя всего вплоть до последнего гвоздя, шурупа, дюбеля, провода, половицы, лампочки, дверной ручки, оконной рамы, кованой решетки, горшка с цветком, картины с горой Маттерхорн и большого цветного телевизора самой последней модели. Это был наглядно показанный идеальный мир, говорящий на понятном языке. Отец потрепал его тогда по плечу, сказал, что каждый мужчина должен выстроить в своей жизни дом. Не будет дома, о котором британцы, придумавшие туризм и тобогган, справедливо говорят как о крепости, не будет и страны. Потому что дом – это опора

для всего того, что нас окружает.

* * *

На поезд они опоздали, а это значит, что они опоздали и на почтовый автобус, на котором следовало добираться до Лёйкербада, туда, где снег местами лежал еще даже в июне. Вокзал пустовал, за окошком туристического офиса скучал продавец. Он небрежно листал пестрый журнал, обложку которого украшало большое желтое слово «Покушение». Отец посмотрел на часы, потом на электрическое табло с отправлениями и прибытиями, и сказал, что мы можем полтора часа ждать следующего поезда, но можно пойти пешком, расстояние тут всего ничего, не больше десяти километров. Да, можно просидеть это время здесь со стаканом «Овомальтина», тем более что в рюкзаке у отца лежал роман про рыцаря печального образа, в котором, правда, он, Андреас, иногда терялся из-за странной манеры автора отвлекаться на посторонние истории, например историю о том, как Лусинда была похищена доном Фернандо.

А можно было самому попробовать пережить настоящее приключение, тем более что раньше отец никаких приключений никогда не предлагал. Андреас и сейчас убежден в том, что нет на свете более разумного и рассудительного человека, нежели его отец-железнодорожник, по воле которого огромные поезда вовремя отправлялись по точно рас-

черченным маршрутам и прибывали туда, куда полагалось, не раньше и не позже. Отец сказал, что сейчас наступило «техническое окно», они могут спокойно пойти вдоль дороги, а потом и по самим рельсам.

Сначала они вышли на привокзальную площадь, прошли мимо старого автобуса «Заурер» с желтыми бортами. При каждом шаге рюкзак отца гремел покупками, сам Андреас нес на плече, сначала правом, потом левом, потом опять на правом, пестрый свернутый отрезок садового шланга. Солнце отражалось холодными осколками в стеклах домов, казавшихся мертвыми, хотя как раз это они-то и являлись домами живыми, не магазинными. Потом они миновали автозаправочную станцию «Мигроль» и вышли за пределы города. Железная дорога тянулась параллельно слева от них. Справа приглушенно шумел поток, упрятанный в ровные берега. Потом дорога описала плавную дугу и вплотную приблизилась к насыпи. Андреасу шланг уже изрядно надоел, но отцовский рюкзак был куда тяжелее. По спине у отца расползалось темное пятно резко и знакомо пахнущего пота.

Потом они остановились у пригорка, на котором паслись овцы, лениво переходя с места на места. Отец поправил рюкзак, приладив его удобнее. Скоро дорога исчезла, вошла в серое недавно перепаханное поле. Отец сказал, что теперь им придется пойти по рельсам. Сейчас, разумеется, это немыслимо, так как строго запрещено. Но тогда жизнь была намного проще. Они взобрались вверх по насыпи, но-

ги съезжали по камням, взбивая облачка пыли. Отец остановился и посмотрел сначала назад, потом вперед, словно сам был не очень уверен в том, что делает. Они ушли уже довольно далеко, справа и слева возвышались горные хребты, по острию которых словно кто-то мазнул белой краской. Шпалы, черные, пропитанные резким нефтяным запахом, были положены очень неудобно. Если наступать на каждую из них, то нормальный прогулочный шаг немедленно превращался в мелкую рысь. Если же идти как обычно, то тогда правая или левая ступня регулярно проваливалась между шпалами, так что из ходьбы опять-таки ничего путного не получалось. Скорее всего, так сделано специально, чтобы люди не ходили по железной дороге и не подвергали свою жизнь опасности. Андреас опять переложил шланг с правого плеча на левое, разницы между которыми уже не было никакой, болели они одинаково.

Болели уже и ноги, правая пятка, кажется, была стерта до крови. Но Андреас знал, что раз он находится рядом с отцом, то с ним ничего плохого не произойдет. Просто технические стандарты иногда не совпадают с человеческими привычками, а вроде бы ровный и гладкий путь может быть источником проблем и мучений. Отец сказал, что нужно пройти еще три километра и пропустил Андреаса вперед. Теперь прокладывать дорогу будешь ты. Андреас спросил, как можно прокладывать дорогу по уже положенным рельсам? Но отец сказал, что даже двигаясь по рельсам, всегда нуж-

но знать, куда ты хочешь попасть, и не пропустить своей остановки. В этот момент они дошли до моста, под которым бурлила речка. Ее поверхность остро блестела на солнце, но все равно, при желании можно было увидеть гладко отесанные потоком камни на дне. Рельсы стали четверкой отполированных восклицательных знаков, уверенно упиравшихся в бесконечно убегающий горизонт. Река же, пусть и втиснутая в ровные, тщательно спланированные берега, была совершенно свободна в своем течении.

* * *

Первая половина пробежки завершилась у дома престарелых – нескольких корпусов, смонтированных из стандартизированных, но элегантных блоков. Окна кое-где закрыты белыми гардинами, над каждым из них, в ожидании жаркого дня, уже опущены полотняные навесы. Корпуса расставлены полукругом, тут же устроен декоративный пруд. Над ним выгибался вибрирующий под ногами мостик со стальными тросами вместо перил. Декоративный тростник выглядел сухим и желтым, вода зацвела от жары, небольшой фонтанчик безвольно расплескивал слабые струйки, неподвижные карпы в воде слабо шевелили хвостами. Андреас остановился на несколько минут, успокоил дыхание, потом побежал обратно, но уже через центр деревни, более коротким маршрутом.

Обычно Андреас им не пользовался, потому что бежать в этом случае приходилось вдоль кантональной дороги наперегонки с легковыми автомобилями, грузовыми фургонами и пассажирскими автобусами. Но сейчас утро, деревня спала – в предпраздничную субботу можно позволить себе поваляться в постели немного дольше обычного. Работали только автозаправка, пекарь и молочник. На главной площади, между мэрией и торговым центром, уже была в первом приближении смонтирована сцена. Длинные столы и скамейки расставлены рядами. Протянутые крест-накрест над площадью гирлянды с красными флажками слабо раскачивались на утреннем ветру.

Андреас бежал не торопясь, центр деревни остался позади, справа и слева потянулись одинаковые двух- и трехэтажные дома на две-три семьи с палисадниками, поленницами, фруктовыми деревьями и временными разборными бассейнами, вокруг которых в беспорядке валялись пластмассовые игрушки. Офисных зданий, магазинов или мастерских здесь уже не наблюдалось, кроме, может быть, одной неприятной парикмахерской. Андреас остановился, протер стекла очков. Майка, мгновенно остыв, неприятно прилипла к спине. Небольшой магазинчик «Магические камни, кристаллы, талисманы» еще закрыт, но, подойдя ближе к витрине, можно увидеть набор разложенных в каком-то не сразу понятном порядке камней, обработанных и естественных.

Странно, что раньше Андреас не обращал на них никако-

го внимания. Некоторые камни были особыми, с цветными вкраплениями, мерцавшими, словно звезды, всеми цветами радуги, в зависимости от того, под каким углом на них падал дневной свет. Не исключено, что камень у него дома появился именно отсюда. Это была убедительная гипотеза. Правда, Андреас не смог бы сейчас сказать, когда Анна-Мари, если это была она, купила этот камень. Никаких соответствующих кассовых чеков он не видел, а ведь обычно, купив что-то, чеки, длинные бумажные ленты с рядами цифр, букв и с логотипами супермаркетов КООП или МИГРО, она не выбрасывала. Они складывали чеки в специальную коробку, а потом в конце месяца подбивали семейный бюджет.

* * *

Блеск камня напомнил ему их поездку в Санкт-Галлен. Анна-Мари выполняла редакционное задание, связанное со знаменитой библиотекой! Когда они вышли из поезда и остановились под вокзальными часами, показывавшими время в формате двоичного кода, Андреас ощутил, что здесь гораздо холоднее, чем в Берне, даже несмотря на солнце, которое иногда проглядывало сквозь сизый туман. Библиотека оказалась миниатюрной и скромной. Старинный фигурный паркет оглушительно скрипел. Безразмерные войлочные тапочки, предназначенные для посетителей, норовили слететь с ноги, на одной из полок за тонкой стальной решеткой чер-

ного цвета Андреас усмотрел синий двухтомник с Дон Кихотом, а в сувенирном киоске на видном месте лежал роман Томаса Хюрлимана «Фройляйн Штарк».

Фотосъемка завершилась, они вышли из библиотеки. Черная ель, установленная рядом с собором, была увешана бумажными фигурками и символами. Ярко светились витрины закрытых магазинов. На их пути им основном встречались аптеки и часовые бутики с четырех- и пятизначными ценниками. Издалека доносился раскатистый смех. Вспыхнули и рассыпались лучистыми пригоршнями звездные огни – включилась праздничная иллюминация. Анна-Мари вытащила камеру, но потом оказалось, что ничего путного она не сняла. Воспоминания сохранились куда более яркими и настоящими, чем смазанные черные кадры с какими-то желтыми пятнами. Иллюминация скоро кончилась, еехватило на несколько центральных улиц. Анна-Мари сказала, что ей холодно.

Они нашли работающий ресторан, который назывался именем редкой специи. У входа на черном раскладном штендере мелом и с грамматическими ошибками было написано, что любое блюдо можно попросить сделать навынос. Внутри оказалось сумрачно, но тепло, на стойке бара судорожно переливалась огнями миниатюрная рождественская елка. Хозяин был крупным швейцарцем, его жена маленькой тайландкой. Отсюда, из тепла, улица уже не казалось такой мрачной. Кроме них в ресторане сидели еще несколько при-

поздавших посетителей, но никто из них даже и не думал смотреть в их сторону, не говоря уже о том, чтобы рассказывать им, первым встречным, свои истории. Хозяин-швейцарец говорил на тяжелом аппенцельском диалекте, с маленькой тайландкой он говорил на французском.

Андреас сказал, что в наше время все жилые пригороды выглядят одинаково, особенно в темноте. Улицы похожи одна на другую. Люди и обстановка везде одинаковы. Теоретически даже можно представить ситуацию, когда человек по ошибке попадает в другой город и принимает его за свой. Он оказывается на чужой улице и не может отличить ее от своей. Входит в чужой дом и думает, что это его дом, в котором почему-то оказался чужой человек. Анна-Мари поставила со звоном чашку на блюдце и на пару секунд задумалась. Потом решительно покачала головой: нет, это совершенно невероятная ситуация. Ну, хорошо, ты пошел в клуб, закинулся там таблетками или употребил пару дорожек кокаса. В любом случае можно замутить себе сознание так, что ты будешь не в состоянии воспринимать окружающий мир.

Предположим, кто-то дотащил тебя до вокзала и посадил не в тот поезд. Но ведь потом обязательно придет проводник, растолкает тебя, даже в новогоднюю ночь, и потребует предъявить билет. И если он увидит, что ты едешь не туда, он обязательно предупредит тебя, предложит сойти на ближайшей станции и проинформирует о стыковочных рейсах в нужном направлении! Не говоря уже о том, что по-

кинув поезд и услышав «бонжур» вместо «привет», ты сразу же поймешь, что явно попал куда-то не туда. Но допустим! Анна-Мари отодвинула в сторону пустую чашку из-под кофе. Допустим, что проводника не было. Бывает и такое. И ты оказался не в том городе, в котором ты обычно живешь. И допустим, что твоя улица называется банально, например, Полевая улица или улица Анри Гизана.

Предположим, что ты заполз в такси, назвал адрес и шофер довез тебя до дома. И вот ты выходишь из машины, и что? Во-первых, твой ключ не подойдет к двери в подъезде. У нас не выпускают одинаковых замков и ключей. Каждый набор ключей от каждой квартиры зарегистрирован в банке данных. Если ключ утерян и необходимо сделать копию, то следует самому отправиться в мастерскую, где факт изготовления копии будет зарегистрирован. Но предположим, что именно в этот момент кто-то выходил гулять с собакой. И ты смог войти в подъезд. Так обычно бывает в идиотских фильмах, созданных ленивыми сценаристами. И тот, кто выходил на улицу, не обратил на тебя никакого внимания и не поинтересовался, а почему это совершенно невменяемый человек, которого здесь никто и никогда раньше не видел, хочет войти в мой дом. Предположим! И предположим также, что дверь в «твою» квартиру была не заперта. Самое позднее в этот момент ты точно поймешь, что оказался в чужом доме, и знаешь почему? Анна-Мари торжествующе посмотрела на Андреаса.

Потому что, конечно же, современный капитализм делает из человека универсального потребителя. Но вся штука заключается в том, что у каждого такого потребителя должен быть свой собственный эстетический профиль. Человек должен быть универсальным, но при этом единичным, уникальным. Потому что капитализм нуждается в расширении палитры предлагаемых товаров. А в разных товарах нуждаются только люди с разными эстетическими воззрениями и предпочтениями. И вуаля! Мы имеем устойчивую систему, единообразную в основе своей и бесконечно инвариантную в своих потребительско-поведенческих клише. Магазины полны одинаковых, но разных покупателей, касса звенит, валовый продукт растет, Организация экономического сотрудничества и развития вне себя от восторга. Поэтому-то ни одно правление ни одного муниципалитета не будет никогда строить одинаковые дома или похожие друг на друга жилые блоки. Кроме того, можно выключить себе мозги лошадиной дозой алкоголя, но запах своего дома, ощущение родины, интуитивное осознание родного... У каждого из нас эти реакции записаны на генетическом уровне. Это нельзя перепутать! Нельзя!

* * *

Андреас вытер лоб, оторвался от витрины магазинчика с волшебными кристаллами и побежал дальше! Не исклю-

чено, что именно в тот момент все и пошло у них не так, пошло не тем путем. Но если бы знать заранее! Какую границу они пересекли тогда, в Санкт-Галлене, в этом жалком ресторане с отвратительной, на самом деле, едой? Издалека донеслись звуки колокола, ровно девять ударов. Навстречу проехал велосипедист, сзади его обогнал трактор, волокущий огромный прицеп, забитый аккуратными, упакованными в пластик, рулонами сена. На последнем перед поворотом домой пригорке Андреас оглянулся назад. Отсюда обычно можно видеть горы, три белые вершины, которые при хорошей видимости всегда отчетливо рисовались на почти уже дугообразном горизонте. Но сейчас они скрыты синей, непроницаемой для глаз дымкой. День будет очень жарким.

После душа Андреас ощутил не только приятную усталость, но и голод. Но дома его наверняка накормят, вне зависимости от того, желает он того или нет. В какой-то момент Андреас испытал приступ тоски по маленькой машинке, в которой они вместе с Анной-Мари ездили по окрестностям в поисках подходящей квартиры. Потом в сознании у него будто начали падать костяшки домино, расставленные в хитром порядке, и он подумал, что стоило бы все-таки посмотреть, нет ли обновлений в ее сетевых профилях. Но Андреас тут же одернул себя и сказал, что обещания нужно выполнять, и прежде всего это касается обещаний, данных самому себе! А еще он вспомнил об отцовском «Мерседесе-СЛК», стоящем в гараже дома, и настроение у него резко

улучшилось. Из квартиры этажом ниже донеслась неуверенная, но упорная игра на пианино: утреннее занятие началось. И пусть играет!

Представитель управляющей компании спрашивал у них перед подписанием договора аренды, не мешают ли им звуки музыки, но Анна-Мари сказала, что музыка мешать не может! Главное, чтобы ниже не обитали заядлые курильщики. Андреас согласился, а представитель только развел руками, мол, с куревом ничего поделать нельзя, серая зона закона! Курить во своих четырех стенах в Швейцарии не воспрещается при условии, как указано в Обязательственном праве, соблюдения интересов соседей. А где проходит эта граница соблюдения? Никто толком сказать не может. Так что пусть уж лучше музыка. Допив кофе, что еще сильнее раздражило его аппетит, Андреас прихватил свой рюкзак и вышел из квартиры. Заперев дверь, он спустился по лестнице и на мгновение притормозил у двери квартиры ниже: звуки пианино были слышны здесь куда отчетливее.

Автобус, красный гигант на водородном двигателе, притормозил, подобрал еще двух пассажиров и отправился к вокзалу. Его сосредоточенная тишина изредка прерывалась голосом диктора по громкой связи и приглушенным шумом пролетающих поездов. Никаких проблем, сегодня тут все идет строго по расписанию! Под сводами ажурных перекрытий на художественных стропилах литого чугуна прохаживались голуби. Иногда они взлетали и, хлопая крыльями,

ми, меняли свое местоположение. В здании вокзала во все том же заведении продолжалась акция в пользу крестьян Южной Америки, но народу было уже куда меньше, а свободных мест больше. Андреас купил субботний выпуск цюрихской газеты, сэндвич с пармской ветчиной и бутылку зеленой «Ривеллы».

Он вспомнил, что где-то тут неподалеку жил писатель Педро Ленц и еще несколько писателей. И что Анна-Мари как-то даже рассказывала ему о целой творческой школе, которая как-то так сама собой зародилась здесь между вокзалом, промзонами и жилыми кварталами. Она показывала ему его фотографии, но Андреас уже не мог точно сказать, кто делал эти снимки и кто был автором небольшого видеоролика, на котором Педро Ленц читал текст в небольшом подвальчике, головой упираясь в потолок и постоянно отбрасывая прядь волос, дерзко падавшую ему на глаза. Текст, который очень, кстати, хорошо продавался, он читал на распеваемом языке, это был вымышленный текст о красивой женщине, о том, как, нарушив покой художника, она превратила его и всех вокруг в героев античной трагедии, рассказанной на новый лад, а недалекий город Цофинген, откуда ее и занесло в этот текст, казался городом у горизонта событий совершенно невероятных для того, чтобы быть правдой, но достоверных в достаточной степени для того, чтобы превратиться в пронзительное для сердца и души повествование.

Пришел проводник. Отложив газету на соседнее кресло, Андреас показал ему свой годовой единый проездной – красную карточку с неестественной фотографией. Проводник был молодым человеком с черными глазами и с кожаной сумкой на ремне. Справа на жилете у него был виден приколотый праздничный значок: очертания государственной границы, проведенные изящным пунктиром границы языковых регионов, и словосочетание «Первое августа» на пяти языках. Накануне праздника такие значки продавались буквально везде: на почте, на автозаправочных станциях и на кассах в супермаркете. Они всегда находились в нарядной упаковке, каждый год дизайн упаковок и значков менялся. Значки стоили довольно-таки дорого. Но ведь это был не простой товар.

Теория и практика потребительского капитализма могли говорить что угодно, но в данном случае речь шла о Родине и о символическом вкладе в ее героическое прошлое, прекрасное настоящее и блестящее будущее! Коробки со значками должны были пустеть на глазах – так выглядел негласный общественный договор. В противном случае могло возникнуть впечатление, что люди перестали интересоваться принадлежащим им же самим государством! Проводник отсканировал огромным смартфоном проездной, попросил назвать свой почтовый индекс, станцию назначения и отправ-

ления, потом вернул пластиковую карточку Андреасу и пожелал хорошего дня. Он говорил на смутно знакомом диалекте, звучание которого, если закрыть глаза и прислушаться, возвращало Андреаса в детство. Проводник был определенно родом из Лёйкербада. Андреас оглянулся ему вослед, но тот был уже на другом конце вагона. Андреас посмотрел в телефон, до прибытия в Берн оставалось еще около двадцати минут.

Всю свою сознательную жизнь он перемещался по одним и тем же маршрутам. А если взять машину, сесть наугад в любой поезд и отправиться туда, куда, по большому счету, ехать совершенно незачем? Далекую Женеву последний раз он посещал лет семнадцать назад. С другой стороны, а что там делать? Иной язык и толчея. Хотя в близком Гштааде он вообще еще не был ни разу. С другой стороны, там тоже слишком много туристов с лыжами, автобусов с иностранными номерами и лавок с хронометрами. Если уж на то пошло, то городок Поскьяво по ту сторону перевала Бернина нравится ему куда больше. Там хорошее вино, есть улица с красивыми особняками, а местные жители не раздуются от собственной значимости, легко переходя с языка на язык.

Пришлось бы ему выбирать между Цюрихом, и, скажем, Женевой, то компромиссным решением вполне мог бы стать Монтрё. Но только весной! Поезд влетел в туннель! Лозанна, с ее хаотическим нагромождением зданий, для него со-

вершенно чужой город, в отличие от морского курорта в Испании, где он, а перед этим его отец, уже который год снимали недорогой пансион. Там он у себя дома, и городок этот он исходил вдоль и поперек, от прибрежных улиц с киосками, в которых продают надувные матрасы, пляжные полотенца и зонты от солнца, до утопающего в платанах современного центра с отелями и магазинами знаменитых брендов. Анна-Мари выдержала там только две недели на каникулах после окончания колледжа.

* * *

У церкви Духа Святого стояли сборщики подписей и предлагали поставить автограф под какой-нибудь, любой, на выбор, народной законодательной инициативой. Под стеклянным балдахином, размашисто переброшенным через привокзальную площадь, было еще относительно прохладно, красные трамваи резко трезвонили всякий раз, когда кто-то торопливо пересекал в опасной от них близости рельсы, словно лезвием вырезанные из массы серой брусчатки. Автобус останавливается рядом с бывшим кинотеатром. Сейчас здесь страховая компания и еще целая колония учреждений, их названия отчетливыми буквами вытравлены на отполированных до блеска латунных табличках. Да? Это я! Где? Уже у автобуса. Прижимая телефон плечом к уху, Андреас медленно идет к остановке. Ничего нового! Я про-

верял, уверен, что с ней все в порядке. Почему?

Интуиция! Может, купить что-нибудь по дороге? Корм коту? Нет? Хорошо. Рёшти, конечно только рёшти. Голос у нее почти не изменился, разве что после того, как отец уехал в Берлин, он стал каким-то... С внутренним упреком. Да, примерно так. С ожесточенным внутренним упреком, обращенным к каждому собеседнику. И к нему тоже. Будто и он несет свою часть ответственности за принятое отцом решение. Можно подумать, что все дело не в Максимилиане. Андреас всегда с пониманием относился к матери, но потом он научился держать дистанцию и не погружаться в волны ее переживаний. Врачи только пожимают плечами. У него синдром «мертвой воды», говорят они. Это когда все органы на месте, когда все органы здоровы, когда они работают так, как надо, кроме одного: сумма органов не дает Человека, не рождает Личность. Так бывает. Редко, но бывает. И никто не знает почему.

На знакомом повороте у приходской церкви Святого Петра автобус немного притормозил. Под навесом напротив посольства Исламской Республики Иран, как всегда, дежурил военнослужащий. На этот раз это была невысокая блондинка в синей военной униформе и берете, из-под которого непослушно выбивались волосы. Ее бедра опоясывал широкий тяжелый ремень со всевозможными, большими и малыми приспособлениями, включая кобуру с пистолетом. Штурмовую винтовку она повесила себе, словно рюкзак, за спину,

при каждом шаге приклад бил ей по плотным ягодицам. Андреас закрыл, потом открыл глаза, вздохнул и провел рукой по волосам. Пора уже идти в парикмахерскую. Задумавшись, он чуть не пропустил свою остановку.

Вокруг все выглядело своим и знакомым, пространство улицы и расходящихся в разные стороны переулков задавало знакомый ритм, известную тему, забытый, но мгновенно вернувшийся порядок действий: ему снова на тридцать лет меньше! Андреас глубоко вдохнул и выдохнул. Воздух был плотным, пропитанным, как в греческом мифе, запахами земли, воды, ветра, элементарных стихий, к которым следовало бы прибавить еще огня, и готов был бы набор Демиурга в первый день накануне акта творения. Эту метафору, разумеется, придумал не он сам, однажды он прочитал ее в типографии на одной из страниц, лежавшей на пропитанном маслом наборном столе. Откуда эта страница, кто автор текста? Ответ на этот вопрос он, наверное, не получит уже никогда. Андреас еще раз поправил рюкзак и, пропустив велосипедиста, перешел через дорогу.

Деревья с тех пор, как он был здесь последний раз, стали выше. Теперь они заглядывали в окна самого последнего этажа дома, который располагался немного в глубине, отодвинувшись от дороги. Дом был серым и бетонным, но легким и изящным, балконы, похожие на каменные ладони, были украшены яркими цветами. Знакомый поворот был затруднен – тротуар отгорожен яркими досками с названием стро-

ительной компании: «Кюнце+Мизере». Этих двоих он помнил с детства, их имена, написанные черными буквами, находились на строительных ограждениях, рекламных баннерах, даже высоко в небе на стреле подъемного крана, он был убежден, что это два клоуна из цирка. А вот уже можно увидеть знакомый палисадник и бамбуковую рощу у гаража. Бамбук посадил отец, он говорил, что такое растение быстро вытягивается, выглядит прилично, но при этом оригинально. Мать была сначала против, потому что бамбук постоянно приходилось подрезать. Именно тут, в этом гараже, и находится отцовский «Мерседес-СЛК».

Прежде, чем толкнуть калитку, Андреас остановился и посмотрел на другую сторону улицы. Очень давно там находился деревянный сарай: серое каменное основание и деревянная надстройка. На тротуаре перед ним постоянно валялись дрова, связки хвороста, ржавые грабли и дырявые ведра. Что находилось там внутри? Этого никто не знал! Не знали и родители. Они говорили, что бегать к сараю через дорогу опасно, потому что можно попасть под машину, и что заходить внутрь сарая нельзя ни в коем случае, так как это чужая собственность, и потом там на голову в любой момент может упасть что-нибудь тяжелое. Или же можно напороться ногой на ржавый гвоздь, получить заражение крови и умереть. Иногда из-за его покосившихся дверей доносились звуки. Мать говорила, что это барсуки! Деревянный сарай всегда был источником необъяснимо притягательной силы. А по-

том он загорелся.

Андреас помнит этот пожар. Ему было семь или восемь лет. Из окон чердачной комнаты, находившейся под самой крышей, валили косые клубы дыма. Улицу перекрыли с двух сторон, приехала полиция и объявила, что всем следует оставаться дома. Потом появились пожарные, стемнело и дым прекратился. По телевизору сказали, что кто-то бросил окурок в сложенные перед сараем дрова, и произошло возгорание. На собрании общины ходили слухи, что владелец сарая, деловой человек из Невшателя, просто хотел избавиться от актива, совсем уже пришедшего в негодность, и даже получить страховку. Но Андреас этому не поверил. Сарая давно уже нет. Теперь на его месте находится современное стеклянное здание с квартирами и зубоврачебной практикой.

* * *

Открыв калитку, Андрес увидел кота Брюса. Тот сидел возле свернутого в несколько колец оранжевого садового шланга. Оглянувшись, Брюс встал на четыре лапы, повернулся вполоборота и беззвучно открыл рот. Кот постарел и выглядел местами как побитый молью меховой воротник. Андреас наклонился и потрепал кота по загривку. Тот выгнул спину, протерся правым боком по ногам Андреаса и заскочил через приоткрытую дверь в прихожую. Андреас выпрямился, обошел террасу, заглянул в сад – там все так же,

как и раньше: постриженный газон, ящики для рассады, которую мать, скорее, высаживала просто для того, чтобы занять руки и время, обеденный стол и плетеные садовые стулья. Зонт от солнца уже раскрыт, на столе разложены салфетки и столовые приборы. Мам? Андреас осторожно отодвинул тяжелую красного дерева дверь.

Кот уже сидел двумя метрами дальше и вылизывал вытянутую вперед левую заднюю ногу. В прихожей прохладно и сумрачно. Андреас закрыл глаза и глубоко вдохнул. Конечно, никто и никогда не перепутает свой дом с чужим. Никогда. И ни один режиссер не сможет снять фильм на основе такого невероятного сюжета. Тут все как и прежде: олифа, старое дерево и запах текстиля, скрипящие в знакомой последовательности половицы, винтовая лестница, уводящая на два верхних этажа, фотографии на стенах: виды гор и лица забытых предков. И еще фотография парохода на фоне смутно различимой Статуи Свободы. В детстве Андреас часто разглядывал эту выцветшую уже от старости фотокарточку. Ты же обещал раньше? Я? Конечно! Кот подскочил и опять раскрыл беззвучно рот. Теперь у него в распоряжении две пары ног, и о них теперь можно тереться сколько душе угодно.

Она как была маленького роста, так и осталась, разве что после того, как отец уехал в Берлин, руки у нее стали жестче. Она ерошит Андреасу волосы: пора бы в парикмахерскую? Между прочим животные воспринимают долго отсут-

ствовавших и потом вернувшихся членов семьи воскресшими из мертвых. Поэтому-то они так радуются всегда. Кот опять садится рядом и начинает вылизывать себе седой живот. Пришлось недавно возить к ветеринару: что-то с сердцем. У котов в этом возрасте сердечно-сосудистая система уже сдает. Хотя люди в этом отношении ничем не отличаются от животных. У них все всегда на грани срыва! Ну, мам, если ты не будешь придавать слишком большого значения мелочам... Сказал мудрец, который не сумел сохранить свою собственную семью. Ну, это была не семья еще... Не нужно мне вот этих современных штук. Когда мужчина и женщина живут вместе, они образуют семью. Короче говоря, иди, мой руки, потом достань из подвала две бутылки белого «Шардоне», и, кстати, хорошо, если бы кто-то подравнял живую изгородь со стороны улицы. Ты, надеюсь, останешься ночевать? Разумеется! Твой рюкзак я занесу в вашу с Максимилианом комнату.

Ноги разделились. Одна пара отправилась обратно на кухню, где пахло едой. Вторая пара остановилась в прихожей около лестницы, ведущей вниз. Андреас знал, что ступенек ровно двадцать три. Это число он выучил еще в детстве. Ступеньки были единственной возможностью одновременно двигаться вдоль воображаемой оси натуральных чисел и менять свое положение в реальном физическом пространстве, разучивая при этом наизусть числительные – сначала на диалекте, потом на письменном языке. Пойдешь? Андреас сно-

ва потрепал кота по загривку, но тот не проявил ровным счетом никакой заинтересованности к путешествию в подвал. Сев рядом с первой ступенькой, он снова принялся приводить в порядок свой изрядно потрепанный временем мех. Ну и ладно! Андреас повернул выключатель, лампочка загорелась со знакомым звуком отломавшейся сосульки.

Здесь на стенах тоже развешаны старые картинки и фотографии. Наверное, среди них находились родственники и отдаленные предки. Некоторые живут до сих пор там, откуда их род ведет свое происхождение, из региона вокруг Лёйкербада. Другие переселились в Америку, а один из них прославился тем, что первым начал строить в нью-йоркских домах винтовые лестницы. До него никто не даже не представлял себе, как можно реализовать такой технический проект. Рынок предстояло еще убедить, что винтовые лестницы – это модно и удобно и что древние валезанские технологии строительства мостов и тоннелей могут здесь помочь лучше любых других. И если знаменитые лестницы, которые вели к подъездам и без которых был бы невозможен весь Вуди Аллен, возникли от страха голландцев перед наводнением, то винтовые лестницы внутри домов стали подарком его безымянного предка городу, который когда-то назывался Новый Амстердам. Фильмы Вуди Аллена нравились Андреасу, хотя спроси его, почему, он вряд ли бы ответил.

Сойдя вниз, в подвал, Андреас остановился. Слабая желтая лампочка с трудом добивала сюда сверху, хорошо, что

немного света попадало дополнительно в подвал через два небольших оконца. У лестницы гудел морозильник. Аппарат был новый, но марка все та же: «Сибирь». Бетонный потолок был кое-где увешан лохмотьями паутины, местами по белой известке расплывались темные пятна. Вдоль стен расположены железные стеллажи. Их покупал отец. Это было давно, но Андреас помнит, что он тоже помогал ему собирать эти полки. А еще он сам замешивал бетон, которым пришлось заделывать несколько дыр, обнаруженных в фундаменте. Отец сказал, что дом не может иметь поврежденный фундамент. Собственно говоря, добавил отец, касается это не только домов.

У противоположной стены находился отопительный котел. От одной стены к другой протянуты пластиковые шнуры для сушки белья. Дальше стиральная машина. Проверенное качество, надежная отечественная техника. Отец всегда знал, что хорошо для дома и для людей, которые в этом доме живут. Стеллажи уставлены старыми ящиками из крафт-картона, некоторые уже разваливались, обнажая свое содержимое, которое всегда совпадало с надписями на их боках: «Счета», «Чеки», «Переписка с налоговой». Странно пахнущая желтая бумага. Тут же старые книги, в основном старые романы про горы и пастухов.

Еще дальше – знакомая металлическая дверь толщиной в полметра. Пятьдесят сантиметров лучшей стали. Она ни разу не закрывалась, никто даже не пытался сдвинуть

ее с места. За ней полки с консервными банками, бутылками, пакетами с рисом и овсяными хлопьями. Андреас пытается нащупать выключатель, он точно знает, что он где-то здесь, совсем близко. Но с первого раза, как всегда, у него ничего не получается, а тратить время на упорные поиски того, без чего в целом можно и обойтись, Андреас не хочет. Тем более что коробку с вином он находит сразу и без дополнительного освещения. Коробку явно кто-то вскрывал второпях, картон с логотипом магазина «Деннер» надорван небрежно, из двадцати четырех бутылок австралийского «Соверен Крик» остался едва ли десяток. Андреас берет две бутылки с металлическими крышками – это очень практично, не нужно будет мучиться со штопором – и возвращается вверх, в прихожую, погасив свет. Пятая и двенадцатая ступеньки лестницы все также предательски скрипят злыми голосами.

* * *

Я достал вино, куда его? Возьми лед и неси на стол в сад. У нее прическа. С каких это пор? Аккуратные брюки и блузка, простая, но не дешевая. Даже запах тот же самый, его невозможно спутать ни с каким другим. Но что-то изменилось. Черты лица заострились. Руки стали жесткими, это он уже ощутил. Андреас не хочет, чтобы эти руки прикасались к нему еще раз. Но это не все, тут что-то есть еще! Но что? Походка какая-то иная? Или ему показалось? Андреас бе-

рет из холодильника лед, кот, задрав хвост, озабоченной рысью следует за ним. Пахнет едой, люди будут есть, они будут в саду, они будут в саду есть еду! Андреас ставит бутылки на стол. Под зонтом не так жарко, от проходящей в двух метрах живой изгороди пахнет разогретой смолой и сухими листьями. На столе хлеб, салат из руколы, граубюнденский хамон, курчавой стружкой нарезанный сыр «Грюйер», две бутылки воды «Эвиан» без газа. Кот сидит в тени живой изгороди и делает вид, что его ничего не интересует. А хамон на столе его не интересует вообще и ни при каких обстоятельствах!

Андреас разливает вино. Лед покрывается пузырьками, плавает на поверхности. Австралийцы делают неплохое вино. Коту ничего не давать, пусть даже он будет падать в голодные обмороки. Как вообще дела? Да, я мог бы заходить чаще. Мне не надо чаще! Когда ты был последний раз у Максимилиана? Андреас делает большой глоток, лед приятно прикасается к языку. Наверное, на прошлую Троицу. Но если бы там что-то изменилось, они, конечно же, дали бы знать! Не так ли? Речь ведь не об этом, а о простом человеческом внимании. Андреас пропускает эту ремарку мимо ушей. И потом, коли ты уж здесь, надо, наконец, что-то сделать со всеми этими банками в «комнате для хобби»! Ах да, банки! «Комнатой для хобби» называлось пространство на втором этаже. Если вытянуть руки, то можно достать до переплетения балок, поддерживающих кровлю. В детстве

Андреасу они казались мостами над пропастью. Пестрые банки из-под пива, колы и других напитков, расставленные рядами по балкам, выглядели путешественниками, переходящими на пути к поставленной цели смертельную бездну.

А сейчас? Сейчас это просто банки. Ты можешь забрать их с собой или утилизировать. Зачем? Они мешают? Андреас вытирает пот со лба. Иногда возникает впечатление, что мы говорим на разных языках. Нет? Лучше расскажи, какие планы на завтра? Бранч как всегда будет наверху! На хуторе? Да. Речь будет говорить Курт? Кто же еще? Он уже очень старый, и непонятно совершенно, что будет... потом! В смысле? Кто сможет возглавить правление общины. Молодежь теперь уезжает в город и стучит в климатизированных офисах по клавишам, делая неизвестно что и получая за это баснословные деньги! Ну, не такие уж и баснословные. Ты прекрасно понимаешь, о чем речь! В самом деле, как будто на разных языках говорим. До сих пор не ясно, кто мог бы возглавить правление. Потому что после клавиатуры хочется есть, не так ли? А еду нельзя распечатать на принтере! Уже можно! Ты издеваешься? Нет, ни в коем случае. Уже есть опытные образцы так называемых трехмерных принтеров, устройств, создающих объемные объекты, в том числе и, например, образцы белковой массы, эквивалентной мясу.

Лично я не желаю есть «эквивалентную белковую массу», мне хочется нормальной еды, которая растет не в офисе. А на горных лугах, в полях и вообще там, где грязно и нет

всех этих... как они называются? Коворкингов? Вот-вот! Так или иначе, общину должен кто-то возглавить. А Курту уже знаешь сколько лет? Короче говоря, в восемь утра нужно будет уже быть там, наверху, сама церемония начинается в девять. Вечером мы поедем смотреть фейерверк. Андреас мысленно закатывает глаза. Блюмлиальп и салют на Первое августа! Как оригинально! Но внешне он не подает и вида. Кот, свернувшись седой комок, спит в траве у живой изгороди. Сельчане все еще сидят, как и полтора столетия назад: справа либералы, слева демохристиане? Ты, конечно, можешь издеваться! Мать бросает на стол полотенце, встает с места, отодвинув стул, кот испуганно подскакивает, щурясь спросонья. Сейчас принесу рёшти.

* * *

Община Блюмлиальп принадлежала к числу провинциальных, но все равно и здесь, как и везде в стране полтора столетия назад, «прогрессивные» радикал-либералы и «консервативные» католики-демократы находились в ситуации неустойчивого конфликтного противостояния. Нищета, этот великий уравнитель, была еще и непреклонным миротворцем. Выживать приходилось всем: и тем, кто хотел решительного обновления общества на основе антицерковных, либеральных идей, в центре которых находились неотчуждаемые права человека и гражданина, и тем, кто видел

в либеральном радикализме угрозу устоям привычного для них мира, среди которых, то есть устоев, церковь играла центральную роль. Поиск возможности мирно сосуществовать, не уничтожив друг друга, был когда-то главной темой и здесь.

Указывая на «темноту» людей, на их необразованность и клерикализм, либералы стремились проводить прогрессивные реформы, если надо, даже наперекор народу, без учета его духовного настроения, в центре которого находились идеалы политического католицизма. Найти способ, который позволял установить в обществе хотя бы минимальную степень взаимного доверия, долгое время не получалось. Слух о том, что где-то в Санкт-Галлене народ вышел на площадь под стены парламента и тихо ждал решения депутатов, вооружившись дубинами, граблями и вилами, добрался до высокогорного Блюмлиальп с заметным опозданием, но тем решительнее народ выступил в пользу простого и эффективно-го метода: пускай правление решает, а мы будем молча ждать итогов.

Все вместе мы и будем главной оппозицией, потому как народ всегда должен оппонировать власти. И если нам не понравится ее решение, то тогда... власти узнают об этом без промедления! Но сидеть на собраниях мы будем раздельно: протестанты-либералы с одной стороны, католики-демократы с другой. На всякий случай, чтобы не забывать истоков! Так продолжалось годы, так продолжалось десятилетия! Так

было и тогда, когда семья Хоффманн переехала сюда из-под Лёйкербада, потому что именно в этом регионе были лучшие клиники и потому что Курт дал им тут право первородства, и потому что тогда была еще у них надежда на то, что отец сможет найти себе новое место на железной дороге, и что мать, переучившись на физиотерапевта, поможет Максимилиану своей любовью, и что врачи смогут, применив все свои знания, вытащить его из клетки, в которой тот оказался! Они прошли весь этот путь, от надежды к осознанию невозможности волшебства, путь, в конце которого отец, бросив свой дом, уехал в Берлин, чтобы открыть там магазин напитков как алкогольных, так и безалкогольных, путь, в конце которого руки матери стали жесткими, как камень!

* * *

Рёшти можно посыпать сыром. А смеяться над этими людьми нельзя, хотя бы потому, что они дали нам возможность тогда, после переезда, ты не помнишь всего, ты был маленький, встать здесь на ноги, осмотреться, а первый год община даже не взимала с нас платы за тот дом, в котором зимой так страшно выл ветер, но это был наш дом, в котором мы жили, пока не переехали сюда, вложив вот в эти полы и стены все, что только у нас было. А сколько еще надо вкладывать? Скоро вон подойдет срок очередного технического осмотра нагревательного котла. Знаешь, сколько это стоит?

А новый сертификат кантонального надзора? Я выслал денег на печку, мы уже обсуждали этот вопрос. Мать машет рукой, вытирает передником глаза. А ты даже не заходишь ладно домой, но к Эмили! Почему ты не заходишь к Эмили?

Андреас делает глоток. Кажется, он выпил слишком много этого упоительно холодного шардоне из бутылки с кенгуру на этикетке. Эмили превратилась у матери в навязчивую идею. Что вообще происходит? Андреас вспоминает Анну-Мари. Он прекрасно помнит, что, получив письмо с прокурорским решением по «вашему делу» (оказывается у меня вдруг появилось «мое дело»!), он испытал нечто вроде яркой вспышки, словно молния на мгновение ослепила глаза и заставила мысленно прикрыть их обеими руками. Молния так же быстро исчезла, как и появилась, и Андреас не успел разобраться в ее природе, в том, откуда она вообще взялась. Но сейчас это уже не молния, теперь это ровно гудящее острие огня, способного испепелить все вокруг.

Почему я не захожу к Эмили? Потому что я постепенно стал просто ненавидеть эту присущую им всем манеру набычившись смотреть в пол, бубнить себе что-то под нос, прятать глаза и увиливать от обсуждения самого главного. Это вообще типично для всех этих фрибургских провинциалов, молящихся на свой дурацкий Молезон так, словно это не кусок скальной породы, а священная гора Фудзи. Это оскорбительно! Да наплевать мне, понимаешь? Огонь усиливает гудение и приобретает фиолетовый оттенок, кот спокойно

спит, свернувшись калачиком, словно ничего такого вокруг не происходит. Наплевать! Оскорбительно получить письмо от прокурора. Оскорбительно узнать, что с тобой даже не посчитали нужным поговорить, а сразу отправились к правоохранительным органам. По совершенно непонятной причине! Без повода! Ты куда-то совсем не туда заехал! Очень даже туда. В те самые края, где предано все то, что делает нас людьми, то, что делает отношения между людьми – человеческими! Вот и все!

И знаешь что? Это уже начинает надоедать! Девушки в наше время стали сильными и самостоятельными, даже в сериалах их ставят в центр, делают главными героями. Но потом им там, как и полагается главным героям, порой очень достается, им даже, о боже мой, теперь можно подойти и просто дать по шее! А что? Равноправие – так уж во всем! Поэтому когда Анна-Мари соизволит вновь объявиться, она должна будет мне как минимум один откровенный разговор. Что с ней произошло? Что я сделал не так! Я не знаю, какой в этом толк и будет ли от такого разговора хоть какая-то польза, но одно я знаю точно – за ней должок! Острый огонь сорвался и погас. Мать еще раз вытирает передником глаза. Ее атака отбита, рёшти съедено. Несмотря на жару, картошка с яичницей в традиционной сковородочке с длинной ручкой на деревянной подставке оказалась куда как хороша. Спасибо!

Андреас вытирает рот салфеткой и кладет, сложив

ее вчетверо, на стол рядом с пустой бутылкой вина. Сейчас все равно самая жара, а чуть позже я возьму отцовский СЛК и съезжу, так и быть, в гости к этой самой Эмили. Ключи в комод в прихожей, средний ящик, пойдешь отдохни пока к вам в комнату, я уберусь и закину посуду в машинку. К нам в комнату! Она до сих пор говорит «к нам», хотя Максимилиана давно тут нет! Она до сих пор не может смириться. Спасибо! Андреас еще раз произносит слова благодарности и встает из-за стола. Он знает, о каком комод идет речь. Неожиданно он вспомнил прошлое лето, которое выдалось не таким жарким, как в этом году. Их пригласили на какую-то не то вечеринку, не то вернисаж в башню «Прайм Тауэр», где должны были выступать или Майк Мюллер, или дуэт Урсус и Надежкин. Да не все ли равно, в конце-то концов! Клоуны они и есть клоуны! Но Анна-Мари сказала, что она непременно хочет увидеть башню изнутри.

Прием проходил в огромном, на весь этаж, помещении. Вокруг по замысловатым траекториям перемещались разные люди, мужчины и женщины, молодые и старые, был даже председатель партии «Зеленых либералов», но сегодня, спустя год с лишним, Андреас уже в этом не уверен. Разумеется, никаких знаменитостей там не оказалось. Лофт ослеплял сталью и стеклом, деревянные полки теплого цвета по левой дальней стене образовывали природный контрапункт к общему техностилу, кульминацией же и основным центром притяжения был комод в стиле бернского барокко. Дати-

ровался этот объект примерно концом восемнадцатого века: массивное ореховое дерево желто-бежевого тона с медными накладками, изображающими растительный орнамент и со вставками из сливового дерева.

Ни Андреас, ни Анна-Мари не могли знать ничего подобного, задачу рассказать им об этом взял на себя молодой человек в рваных джинсах, с густой бородой и выбритыми висками. Говорил он на базельском диалекте, который почти не отличался от письменного языка, но потом он перешел на французский. Андреас впервые столкнулся с французским, когда ему было примерно четырнадцать. Мысли путались! От вина, наверное! Отец сказал, что болтаться три летних месяца без школы, дела и домашних заданий есть занятие недостойное настоящего человека, и отправил Андреаса под Мартини убирать абрикосы. Вставать приходилось в пять утра, есть на завтрак рёшти со свиным салом, а потом убирать абрикосы, а еще косить траву, колоть дрова и работать в лесу на уборке валежника. Жена хозяина была родом из Женевы. Однажды она предложила ему и еще паре школьников учить по вечерам французский язык.

За несколько недель Андреас научился отвечать на элементарные вопросы. Но потом опять началась школа, все то, что он сумел усвоить с грехом пополам, немедленно улетучилось, в памяти же осталась одна лишь невеста откуда взявшаяся фраза «же не манж па сис жур». Молодой человек меж тем взял Анну-Мари под руку. Андреас не ревновал, потому

что хозяин вечеринки был голубым до мозга костей и корней волос. Анна-Мари нацелила на стоящий в центре комод свою камеру и сделала несколько снимков. Молодой человек выхватил с проплывавшего мимо подноса два бокала с рубиново просвечивающим на солнце вином и повел ее смотреть выставку, которая состояла из цветных фотографий африканцев с ничего не говорящими глазами и лицами.

Добыв себе бокал вина, Андреас подошел к огромному панорамному окну и несколько минут, не отрываясь, смотрел на переплетение стальных путей, на красно-белые поезда, исчезающие под крышей вокзала и на бетонную дугу виадука «Лётциграбен». С высоты все вместе это напоминало игрушечную модель от «Мерклин». Когда-то Андреас мечтал, как он будет клеить маленькие пластиковые домики и переключать игрушечные стрелки! Но потом отец сказал, что такими моделями нужно заниматься не жалея сил и времени. Андреас засомневался и больше об игрушечной железной дороге не вспоминал. Затем кто-то начал стучать железом по стеклу. Гудение разговоров затихло, молодой человек с пучком волос произнес речь на французском языке, указывая бокалом на фотографии африканцев. Андреас ничего не понял, разобрал лишь два слова: «стыд» и «потребление». Речь закончилась, все похлопали, Анна-Мари вынырнула из-за спин, поставила пустой бокал на поднос, который опять как нельзя кстати проплывал мимо, и сказала, что делать здесь больше нечего. День завершился в баре ресторана

«Обсерватория Урания». Вид на город оттуда был куда более романтичным. Затем они поехали домой.

* * *

Андреас осторожно выдвинул один ящик комода, потом второй. Кот сидел у ног, сначала он вылизывал себе хвост и бока, затем беззвучно смотрел внутрь себя, наклонив голову. Ящики и сейчас полны выцветшими бумажками, кассовыми чеками, цифры на которых уже почти не читались, и газетными вырезками с едва различимыми буквами, а еще высохшими шариковыми ручками, глянцевыми флаерами с рекламой суши и пиццы, вековой давности акцизными наклейками для мусорных мешков, пальчиковыми батарейками, просроченными дебетовыми карточками, шнурами от мобильных телефонов и официальными письмами на серых бланках с гербом кантона. В первом ящике ключей от СЛК не было, они оказались во втором. Ключи были завернуты в помутневший полиэтилен вместе с допуском и техпаспортом. Андреас вытащил пакет, развернул его наполовину, посмотрел на просвет, кот вскочил на ноги и вопросительно дернул хвостом. Это тебе не экспонат и не перформанс. Спутать ни с чем невозможно. В подвал кот спускаться не хотел, а запрыгивать на ступеньки не хватало сил. Андреас подхватил его одной рукой и шагнул вверх, с ключами от машины в другой руке, но сначала не в «их» комнату, а еще выше,

в «зал для хобби» под крышей. Дверь была закрыта, но не заперта.

Андреас поставил кота с его вспотевшим животом на пол и толкнул дверь, глубоко вдохнул и выдохнул воздух, горячий, застоявшийся. Ставни закрыты, сквозь щели на желтый пол падал красноватый свет. Здесь все как и было раньше, но как-то немного сдвинуто в пространстве: стол для настольного тенниса собран, поставлен на ребро к дальней стене, ковер свернут в трубу, еще всякая рухлядь стоит. Раньше ее не было. А вот это что? Андреас раскрывает потрепанные створки картонного ящика и видит пачки старых журналов. Да, это они, точнее – она, Вероника Феррес, объект его мечтаний. Кажется, это был фильм «Россини, или Убийственный вопрос, кто с кем переспал». Там она играет Белоснежку. Андреас бросил пестрый журнал обратно в коробку. Пачка сухой бумаги с треском хлопнулась вниз, подняв облачко пыли.

Анна-Мари совершенно не похожа на Веронику Феррес. Почему так в итоге получилось? Никто не знает. Актриса из глянцевого журнала в гламурном платье, потом похожие на нее модели совсем без платьев – какое все это имеет отношение к тому, что происходило потом? Андреас сел на пол, скрестив ноги, полиэтиленовый пакет с ключами положил рядом на горячие шершавые доски. Потом откинулся назад и вытянулся на горячем и пыльном полу, положив руки под голову. Кот тут же свернулся клубком рядом и задремал.

Отец всегда говорил, что фундамент – это самое главное для любого дома. Но и крыша, наверное, тоже имеет какое-то значение. Андреас смотрел на переплетение балок, по которым, как по знаменитым валезанским горным мостам, пестрыми рядами выстроились пестрые банки и бутылки из-под пива.

Наверное, это очень приятно – возвращаться под крышу родного дома. Кто это сказал? Наверное, какой-нибудь писатель. По субботам родители уезжали в супермаркет, тогда еще СЛК не было, у них был старый «Вольво», похожий на ящик с колесами. Кроме всего прочего они всегда привозили напитки, самые разные, минеральную воду, сок и пиво. Обычно он покупал самые привычные и банальные марки, «Телль» или «Хуторок в степи». Но иногда случались маркетинговые акции, магазин пытался предложить потребителям что-то совершенно новое и необычное, и однажды отец купил упаковку из шести банок, на боках которых был изображен зеленый крокодильчик в коричневом шлеме. Андреасу очень понравился забавный крокодильчик, он даже придумал ему имя – Саймон.

Отец сказал, что вот, видишь, как интересно получается, пиво делают даже в таких далеких краях, в которых нам, по всей видимости, никогда не удастся побывать. Но там тоже варят пиво, значит, не так уж мы все и отличаемся друг от друга. Отец часто приходил пожелать ему и Максимилиану спокойной ночи, он целовал сначала брата, потом его,

Андреас ощущал его сильный, терпкий запах, и его всего просто простреливало краткой молнией чувство мучительной любви, тогда он не мог понять, почему любовь оставляет после себя такую щемящую ноту, а потом они все вместе выдумывали крокодилчику Саймону разные истории. Например, про то, как он однажды поплыл вниз по большой и мутной реке, чтобы узнать, что же находится там, где эта река кончается, потому что абсолютно логично было предположить, что все то, у чего есть начало, имеет и конец, финал, завершение.

И вот он плыл, и дальше? А по берегам, наверное, жили племена. Они охотились! И варили пиво? Что-то они варили наверняка. А еще? А еще берега этой реки сначала были заросшими бурной тропической растительностью, вниз до самой воды свисали лианы и ветки, на которых росли огромные листья, а потом берега раздвинулись, ушли почти за горизонт, река стала огромной, и крокодилчик испугался и решил повернуть назад, решив, что он уже добрался до самого конца, но в тот самый момент... Где-то по пластиковым трубам с грохотом понеслась вода. Андреас открыл глаза и резко сел, кот в ужасе подскочил, вытаращив спросонья глаза, но потом расслабился и снова развалился на полу, вытянув лапы в разные стороны. Отправить крокодилчика в путешествие оказалось очень легко, а вот вернуть его обратно, или хотя бы придумать ему подходящий финал? Это всегда гораздо сложнее.

Пошли уже, старый лентяй! Андреас подхватывает кота и кладет его себе на правое плечо. Тот не возражает, он узнал его и принял, ушами и хвостом не дергает. Только открыл беззвучно рот – на усах седина! Я ушел, умер для него, а теперь воскрес, и он знает, кто я такой. На лестнице было прохладнее, из кухни доносился звон посуды, потом заработала посудомоечная машина – ступени скрипели как обычно, а машина была новая, и работала она с новым звуком, тише, решительнее. Кот у тебя? У меня! Он тут недавно исчез, я думала все, умирать пошел, старый ведь, а потом вернулся. Я вам в комнату положила свежее белье, застели кровать сам! Хорошо! Наверное, я никогда не привыкну к тому, что в ее глазах до сих пор это «наша комната»! Кот заворочался, вывернулся из рук, соскочил на пол, тут же сел.

Дверь в комнату была открыта. Когда он был тут последний раз? С виду почти ничего не изменилось. В сумрачном свете закрытых жалюзи он увидел знакомые стены. За этот дом им пришлось продать свою долю виноградника и винный погреб недалеко от Аминоны. Это решение далось им тяжело. По нынешним меркам их продали почти задаром. Отец рассчитывал в своей жизни совсем на другое, на нечто прочное, долговременное. В момент, когда из клиники он привез жену и сразу двоих младенцев вместо одного, ему

еще казалось, что жизнь теперь пойдет именно так, как он представлял себе в самых дерзких мечтах. Однако то, что они хотели построить себе на новом месте, обернулось беспочвенной фантазией.

Но больше всего его тогда в новом доме удивила ванная. Она сияла, из крана текла горячая вода. Первые месяцы отец всегда был рядом, он стоял и смотрел на него. Теперь-то понятно, отец просто боялся, что его ребенок может утонуть, и когда вода начинала стекать, закручиваясь в водоворот около никелевого слива, то вместе с ней исчезали коричневые хлопья грязи. Андреас и отец пришли тогда к выводу, что это «страхи», что они были, а теперь их нет, и Андреас вздыхал с облегчением, потому что новая ванная и в самом деле внушала ему страх, а отец был рядом, он был сильный и всезнающий, хотя на самом-то деле именно он имел все основания испытывать не просто страх, а неподдельный ужас. А потом приезжала патронажная служба и мыла Максимилиана, и страхи опять возвращались!

Сев за письменный стол и положив на него ключи от машины, Андреас несколько секунд сидел с закрытыми глазами. Воспоминания путались. Превращаясь в прозрачные предметы, они то опережали время, то отставали от него. Двухъярусная кровать все также стоит на своем месте. Везде ощущалась уверенная рука матери, сгруппировавшая предметы, даже журналы с фотографиями Вероники Феррес и даже, казалось, само окружающее пространство так, чтобы все

выглядело «как положено». Два его любимых плаката висели на своих местах: Сильвестр Сталлоне в фильме «Кобра» и Тиль Швайгер в фильме «Манта Манта». Первый фильм (разболтанная кассета формата VHS с затертой бумажной обложкой) остался в памяти не боевыми сценами (такие сцены должны в нем быть, потому что на обложке молодой Сталлоне был изображен с автоматом), а эпизодом возвращения главного героя домой. У каждого героя должен быть свой дом, место, где у него есть холодильник, диван, большие окна и полная уверенность, что в этих четырех стенах ему уже ничего не угрожает.

Во втором фильме (кассета из зеленого пластика и с самодельной бумажной обложкой) в центре находился даже не сюжет, а культовый автомобиль «Опель Манта Б» с квадратными фарами, дерзкими обводами и движком в сто пять лошадей. Этот автомобиль, собственно, и заставил Андреаса пойти в ту жуткую автошколу, в которой ему достался инструктор из бывших военнослужащих Бундесвера, водитель танка. Дом, нечто фундаментальное и статичное, машина, нечто подвижное и мобильное: два совершенно разных по внутренней своей сути явления, дополняющие друг друга непостижимо-магическим способом. А еще Слай и Тиль, оба молодые, с глазами, наглыми и решительными от быющей через край энергии. Кажется, это было именно здесь, сразу после того, как они переехали. Дом был еще не обжит и не ухожен, его фундамент непрочен, запахи в комнатах и на лест-

нице — чужими и холодными.

Однажды Андреас проснулся глубокой ночью, выглянул из комнаты. Огни не горели, царила тишина, родители исчезли. В тот момент он понял, что сюда больше никто не вернется и что он останется один с братом-близнецом, который выглядел точно так же, как и он сам, но толку от которого не было ровным счетом никакого. Наверное, в его жизни это была самая страшная ночь. Он плакал, и так, наверное, плачут только на похоронах, но тогда Андреас этого не знал. Свалившееся на него одиночество походило на могильную плиту, слезы сами начинали течь у него из глаз, а грудная клетка взрывалась изнутри. Временами слезы прекращались, осипшие голосовые связки получали минутную передышку, и тогда он начинал листать первую попавшуюся книгу. Пробегая глазами несколько строк, он изумлялся, насколько и сам процесс чтения, и содержание текста казались чужими и странными, не имевшими никакого отношения к простому и очевидному в своей жестокой однозначности выводу, а именно: все вокруг умерли, и теперь он навечно будет заперт в этой комнате со своим братом, который был способен только дышать, и никому на свете даже в голову не придет вспомнить о нем.

Позже он понял, что, умирая, люди не обязательно исчезают. Чаще всего они просто находятся за пределами поля зрения. Как в кино: то, что находится за кадром, не оказывает на главного героя никакого влияния. А еще он понял, что

куда страшнее проснуться ночью одному от какого-то удара или хлопка, свесить ноги с постели, включить лампу, посмотреть в знакомые лица Слая и Тиля и понять, что голоса родителей звучат на повышенных тонах, перебивая друг друга, потом что-то падает и разбивается, а деревянный дом вибрирует своими перекрытиями, а потом опять что-то падает, и кто-то начинает идти по лестнице в его сторону. И вот это-то уже становится настоящим ужасом, от которого замирает сердце и руки холодеют, но шаги минуют его, и сердце снова оживает и начинает колотиться, как бешеное.

На нижней кровати и в самом деле лежали свежие простыни и наволочки. Верхний ярус был всегда заправлен чистым бельем. Пододеяльник пах приятной свежестью, знакомое одеяло с верблюдами, оранжевое, из жесткой шерсти, лежало рядом, аккуратно сложенное вчетверо. Рядом с письменным столом, как и прежде, на специальной тумбе, располагался проигрыватель виниловых пластинок, старый добрый «Дуал» с колонками «Синус». С правой колонки отлетел логотип, пластмассовый черный квадратик, а на левой он остался на месте. Встав из-за стола, Андреас сел на пол перед тумбой, скрестил ноги и потянул дверцы на себя. Петли закрипели, кот, лежащий на полу, открыл один глаз, зевнул, потянулся, растопылив ноги в разные стороны, потом свернулся и снова уснул.

Андреас снова вспомнил Анну-Мари. Оказывается, когда ей невыносимо молчание, она говорит, говорит, говорит не умолкая ровным, почти автоматическим бесцветным голосом. Почему Станислав Лем ненавидел экранизацию романа «Солярис», сделанную Андреем Тарковским? Все начинается с небольшого рассказа. Я уже не помню подробностей. Может быть, речь шла по последствиях страшной болезни или же не менее ужасной катастрофы. В любом случае герою рассказа начали постепенно ампутировать его руки и ноги, заменяя протезами. Все органы потом постепенно заменили на искусственно выращенные дубликаты, и в итоге возник законный вопрос – кто вы, мистер Джонс? Еще человек или уже сумма технологий?

В какой-то степени этот вопрос является производной от средневекового парадокса о горе зерна. Если курица начнет клевать по зернышку, то с какого момента гора перестанет быть горой? Сегодня этот парадокс решается практикой прикладного масштабирования. Однозначно проведенная граница не обязательно способна сказать нам что-то новое об окружающем мире. Познание индивидуально. Оно происходит в формах социально детерминированной культуры, а потому функционирует дискретно, рывками, осциллируя между пространствами, где происходит концентрация смыслов. Примерно как с государственными границами: пейзаж по ту сторону все тот же, называется он уже совер-

шенно иначе, но какую роль играет при этом собственно линия рубежа, прямая и разомкнутая?

В фильме Тарковского есть ключевая сцена в библиотеке, проиллюстрированная картиной Питера Брейгеля «Охотники на снегу». Камера, скользящая по неподвижной поверхности полотна, предлагает зрителю самому ответить на вопрос о том, как соотносятся мир зрителя, реальность кино и вселенная картины. Но когда проблема пространства уступает место проблеме Человека, возникает куда более сложная ситуация. Мнимая проблема границы снимается и уступает место поиску экзистенциального оправдания сущего. Что-то вроде ленты Мёбиуса: две плоских поверхности превращаются в одну. Сцена в библиотеке предвосхищает проблематику сериала «Западный мир». Имплантированные в механическую память андроидов ошибки, необходимые для процесса гуманизации, манифестированы в формате воспоминаний о том, что никогда не происходило. У Андрея Тарковского – это костер на снегу, у Джонатана Нолана – сны Мейв Милли о дочери.

Память приводит к самопознанию, к гуманизации антропного механизма. Любовь становится безусловным мотивом, выходящим за рамки машинной логики. Падение Криса на колени перед Хари, механическим повторением, андроидом, копией, это и есть тот путь, который предписывает Тарковский каждому, кто хочет покинуть дурную бесконечность сансары, механический мир одних и тех же постоянно повто-

ряющихся утилитарных задач, и обрести спасение. Умопо-стигаемые нарративные образы, заимствованные из религиозной мифологии, становятся для Тарковского формой описания процесса подбора ключей к дверям, ведущим к разгадке таинства человеческого Бытия. «Встаньте, немедленно встаньте. Дорогой вы мой, ведь это же легче всего»! Вопль Сарториуса стал отражением реакции самого Станислава Лема, для которого решение Тарковского расположить источник «очеловечевания» андроидов в религиозной догматике, а не в гуманистических, рациональных традициях европейских Просвещения и Прогресса, выглядело опасным заблуждением.

Поразительное внешнее сходство Эван Рейчел Вуд в образе андроида Долорес Абернати с Натальей Бондарчук в роли Хари не может быть случайностью. Столь же неслучайны их очевидные различия. Если первая – это воительница с харизмой героини оперы Вагнера и жесткими глазами социального инженера, то вторая есть мистический фантом, икона, воплощенная религиозная жертва с обреченным взглядом. Наследуя Станиславу Лему, Джонатан Нолан оппонирует Андрею Тарковскому. Линия Мейв Милли и ее гуманистическая мотивация не должны заслонять от нас главного: библейские ассоциации в «Западном мире» суть не призывы к растворению деятельной личности в религиозном символизме, но формат рационального целеполагания, в силовом поле которого сходятся импульсы, идущие в равной степени

от истории, общества, культуры и личности.

Благодарный мертвец

Вот они, его старые пластинки и видеокассеты. Андреас провел пальцами правой руки по растрепанным и потертым корешкам, вытащил одну пластинку наугад. Это была группа «Стесненные обстоятельства» и сборник ее лучших вещей «Даровые деньги», голландское издание от лейбла «Вертиго». На черном фоне обложки ярко-ядовитыми химическими разводами набросаны контуры слегка откинувшегося назад человека с характерной повязкой на лбу и размашисто взятой в руки гитарой. Справа сверху, сразу под названием группы и альбома, розовый стикер с надписью: «Включены „Короли Свинга“, „Ромео и Джульетта“, „Жизнь она такая“, „Частные расследования“, „Даровые деньги“, а также ранее никогда не публиковавшаяся „живая“ версия „Портовой красоты“».

Андреас держит несколько секунд пластинку в руках, потом выдвигает край внутреннего конверта: пестрые обложки предыдущих альбомов, тексты песен, белые буквы на черном фоне. Лучшая вещь группы, «Братья по оружию», находится на этом сборнике самой последней. Андреас задвинул конверт в обложку и поставил пластинку на место. Если уж искать абсолютный шедевр, то нет и не было еще в истории гитарного рока лучшей композиции, чем «Частные расследования».

Андреас улыбнулся, на душе стало легче. Следующим был альбом Стинга «...Ни в чем не похожи на солнце», немецкое издание от «Эй-энд-Эм рекордз», серая круглая наклейка с указанием «Спродюсировано Нейлом Дорфсманом и Стингом». На аверсе обложки Стинг, задумчиво подперев рукой правую щеку, смотрит прямо в объектив, на реверсе он же изображен в полный рост в плаще, с падающими на лоб и по бокам прямыми волосами. Он стоит рядом со статуэткой Мадонны и смотрит искоса куда-то влево. Вокруг него, без разбивки на строфы, напечатаны тексты песен.

* * *

«...Ни в чем на солнце не похожи». Эта строфа без начала стала первой загадкой, разгадать которую, впрочем, оказалось не так-то и сложно. Выяснилось, что это зачин сто тридцатого сонета Уильяма Шекспира: «Возлюбленной моей глаза ни в чем на солнце не похожи». Гордон Мэтью Саммер, он же Стинг, рассказывал когда-то, что однажды к нему на улице пристал забулдыга и принялся спрашивать, как выглядит Луна, на что Стинг, по первой профессии учитель литературы, сказал, что Луна ни на что не похожа, как ни на что не похожи обычно глаза любимого человека, процитировав первую строфу из этого самого сонета. Второй ее половиной он и назвал потом пластинку, которая в 1988 году стала лучшим британским рок-альбомом.

Перевод сонета в маленькой желтой книжечке издательства «Реклам» давал общее представление о его содержании, но Андреас хотел читать стихи самостоятельно, без необходимости полагаться на некоего Ханно Хельблинга, пусть тот даже и родился, как подсказывала энциклопедия Брокгауза, по соседству в Энгадине. Преодолеть это препятствие он решил при помощи последовательности и упорства. Для начала Андреас купил большой английский словарь. Вот он, стоит тут же, на полке среди других детских и юношеских книг и учебников, синий том с пожелтевшими страницами, с оторванным и снова аккуратно приклеенным корешком – работа в типографии привила Андреасу уважение к книгам! Пусть с французским языком у него ничего не вышло, но с английским должно получиться. Потом он нарисовал таблицу из двух колонок: в левую выписал в столбик каждое слово оригинального сонета, в правую начал заносить найденные в словаре переводы. Он мечтал, что однажды сможет преодолеть этот барьер и чужая речь станет его собственной.

На расшифровку слов и постижение самых приблизительных основ грамматики ушло несколько месяцев. Правая сторона таблицы постепенно заполнялась, пока, наконец, Андреас не уяснил себе в общем и целом, о чем идет речь в сонете. В английском есть много чего, но главного, падежей, этих чудо-подпорок, в нем нет. Вроде бы это упрощает чтение и понимание, но за мнимой простотой скрывается тончайший в своих нюансах и оттенках язык, овладеть которым

по-настоящему очень сложно. Потом он решил сделать свой собственный перевод, но уже первая строфа, та самая, оказалась неприступной крепостью! Ее смысл был ясен, но найти для смысла идеальную форму никак не удавалось: «Не солнца свет – сиянье милых глаз»? «Ее глаза на звезды не похожи»? «Ее глаза не схожи с солнцем, нет!», «В ее глазах нет солнца – ну и что же?»

Помучившись несколько дней, Андреас бросил это бессмысленное занятие. Итак, некто просто размышляет о том, сколь же затертыми и тусклыми стали привычные сравнения. Вот, например, дама моего сердца! У нее есть глаза. Но ничего такого солнечного в них нет. Дальше – губы. У нее если они и бывают красными, то, скорее, во время болезни, в природе же есть куда более яркие существа и явления, например кораллы. Потом грудь. Тогдашний идеал предполагал снежную белизну, но и тут реальный человек по всем статьям проигрывал идеалу. Волосы, перепутанные, жесткие от воды с высоким содержанием извести, – ничего красивого и возвышенного. Бархатные розы, белые и красные, для описания ее щек не годятся.

Что же касается ее дыхания, то оно наверняка могло повергнуть в шок любого, уж не знаю, чем они во времена Шекспира чистили зубы... и чистили ли вообще? Еще голос. Слышать и слушать его я люблю, но сравнивать с музыкой? Нет уж, увольте! Завершается сонет дерзким сопоставлением с божествами и прочими ангелами: они-то летают, земли

не касаясь, зато моя любимая топает вперед своими тяжело-
весными шагами как слон в посудной лавке. Вывод? Красота
в глазах любящего, а все эти сравнения могут катиться куда
подальше, потому что, когда ты смотришь на то, как она сто-
ит в дверном проеме, повернувшись к тебе невероятной воз-
буждающей спиной, то и в самом деле, кому нужны пустые
и глупые клише, над которыми Бард, собственно, и смеется,
не так ли?

* * *

Андреас гладит кота по пушистой спине. Тот просыпа-
ется, садится и начинает о чем-то размышлять, подрагивая
хвостом. Поставив пластинку на место Андреас встает, бе-
рет ключи и документы от машины. Ну что, пошли? Кот от-
зывается с готовностью, бежит впереди, но останавливается
перед ступенями лестницы, ведущей вниз. Андреас подхва-
тывает увесистое животное поперек горячего живота. Кот
недоволен, но терпит, потому что человек, который, умер,
но воскрес и вернулся, заслуживает снисхождения. На лест-
нице душно, в доме тихо. Шум воды и звон посуды на кухне
прекратились. Мам? Ты у себя? Андреас ловит себя на мыс-
ли, что называть эту комнату «спальной» он так и не на-
учился. Он с детства знал, что это «мамина комната», и ни-
чья больше. Андреас спускается в прихожую и ставит кота
на пол. Кот смотрит Андреасу в глаза, понимая, что ниче-

го такого стоящего сейчас ему не перепадет, придется ждать до вечера.

Андреас стоит некоторое время в непонятном ожидании, кот сидит у входной двери. Андреас хорошо помнит эти скрипящие особенным образом половицы у двери, ведущей на задний двор к гаражу. Скрипучие полы, стучащие двери и люстры, раскачивающиеся непонятно по какой причине, падающие со столов вазы и хлопающие рамы – все эти большие и маленькие особенности являются, наверное, неизбежными чертами характера, своего рода индивидуальными отметинами любого дома, в котором долго живут люди. Напоминающая образующиеся со временем морщины на лице, с годами они не меняются, но становятся более отчетливыми! Стараясь ступать как можно более осторожно, Андреас сделал несколько шагов, половица скрипнула, Андреас взялся за ручку двери... Будешь в гараже, открой все, там, наверное, пекло самое настоящее... Да, конечно! Андреас вздыхает, уже не таясь выходит во двор, кот выскальзывает у него между ног, делает несколько сумасшедших прыжков, потом останавливается в раздумье. К гаражу ведет дорожка, выложенная плитам, между которыми пробивается трава. Газон тоже уже пора бы постричь.

Андреас смотрит на связку ключей: на кольцо из нержавеющей стали находится ключ от машины, он отличается от всех остальных! Но другие ключи, а их всего пять, похожи друг на друга, потому и нельзя так сразу сказать, ка-

кой из них от двери в гараж, какой от гаражных ворот, а какой от входа в дом. Нужный ключ, разумеется, нашелся самым последним. Дверь, открываясь, заскрипела, в лицо ударил застоявшийся горячий воздух. В нем смешались запахи бензина, цемента, горячего железа, кожи и резины. Андреас глубоко вдохнул и выдохнул, рука сама нашла выключатель, лампа зажглась с негромким хлопком. В гараже давно уже никто не бывал. Прутья решеток на двух окошках под потолком облеплены густыми комками застарелой паутины. В дальнем углу права лежал, накрытый пленкой, комплект зимних шин. Вдоль стены слева располагались аккуратные верстак и стеллаж со слесарным инструментом.

Инструментами пользовался отец. И это наверняка он навел в гараже порядок, накрыл шины пленкой и укутал машину специальным тентом. Андреас провел рукой по его шершавой поверхности. Пройдя через гараж к основным воротам, он еще несколько секунд потратил на то, чтобы выяснить, какой именно ключ к ним подходит. Наконец, с легким щелчком, замок открылся, и Андреас толкнул деревянные створки. Они поддались, но с трудом. Андреасу понадобилось приложить определенное усилие для того, чтобы распахнуть их полностью.

Площадка перед гаражом со стороны улицы была усыпана желтой вялой листвой. Детский баскетбольный щит дано никто не красил. Откуда он взялся, этот щит? Андреас вышел из-под спасительной тени, прикрыв рукой глаза. Дорога

пуста, дома на противоположной стороне дремлют, прикрыв окна ставнями, припаркованные вдоль бордюра машины отсвечивают на солнце своими стеклами. Откуда-то издалека слабые порывы ветра уже приносят запах дыма: кто-то, самый нетерпеливый, разжигает субботний предпраздничный гриль. Вернувшись в гараж, Андреас сложил ключи и документы на верстак и потянул тент с машины. Вначале обнажились удивленные круглые фары и характерная решетка радиатора. Отец укрыл машину, хотя в этом не было необходимости, ведь стоять ей все равно пришлось под островерхой крышей в добротном гараже из оштукатуренного камня. Еще несколько рывков – и тент упал на чисто выметенный бетонный пол.

Андреас отступил на шаг назад – о да! Это она! Ему не нравились круглые фары, но в остальном это настоящая классика! Андреас провел рукой по крыше. Машина тщательно вымыта, тусклая лампа бликами отражается на поверхности благородного лака кофейно-бежевого оттенка. Взяв с верстака ключи, он осторожно потянул дверь водителя, но она оказалась не запертой и плавно распахнулась с приятным гулким хлопком. В салоне оказалось темно и душно. Андреас осторожно сел за руль, оторвав от бетонного пола ноги и удобно расположив их впереди, – места вполне хватало, салон просторен, коврики под ногами у водителя и пассажира тщательно вычищены, и Андреас отметил, что его пыльные подошвы сразу же оставили на них

несколько призрачных следов мучного цвета.

Потянувшись вправо, он открыл бардачок, в котором лежали только несколько компакт-дисков и толстая кожаная папка с техпаспортом и свидетельством о регистрации. Для них в папке предусмотрены даже отдельные кармашки. Там же он обнаружил отпечатанное на тяжелой глянцевой бумаге руководство по эксплуатации автотранспортного средства типа «Мерседес СЛК 320 компрессор», несколько экземпляров «Извещения о совершении ДТП» в формате Европейского протокола и упакованный в плотный пластик желтый дорожный жилет, который, это видно сразу, еще никто и никогда не распечатывал. Компакт-диски, напротив, часто использовались, их пластиковые коробки потертые и покрыты царапинами.

Захлопнув крышку бардачка, Андреас распрямился и неторопливо ввел ключ в замок зажигания. Он вошел туго, уверенно и с легким щелчком заняв полагавшееся ему место. Убедившись, что рукоятка автоматической коробки передач стоит напротив буквы П и что машина находится на ручном тормозе, Андреас, вдохнув, задержал дыхание и повернул ключ в замке на одну позицию вправо. Воспрянув ото сна включилась электрика, засветилась приборная доска, стрелки на приборах метнулись в крайние позиции и возвратились обратно, вздрогнули, но тут же послушно замерли стеклоочистители, под капотом зашумело, из вентиляционных клапанов подуло теплым воздухом.

Андреас положил руки на колесо рулевого управления. Классика! На момент ее приобретения это была машина в продвинутой комплектации с электронной системой стабилизации и новой шестиступенчатой автоматической коробкой передач, не говоря уже о стабилизаторе поперечной устойчивости, который был усилен в передней оси и добавлен на заднюю. Мать, конечно, была недовольна, потому что это была машина для развлечений, а не для хозяйственных нужд. Но что-то было в отце такое, что заставило тогда мать отступить и не спорить с ним! Машина до сих пор записана на отца. Пару секунд Андреас размышлял о том, сможет ли это обстоятельство стать проблемой. Не придя, однако, ни к какому выводу, он решил, что займется этим вопросом позже.

Бензина в баке оказалось гораздо больше половины. Отец наверняка напоследок залил полный бак, но, как известно, бензин имеет обыкновение испаряться, даже из относительно герметично закрытых емкостей, особенно в такую жару. Топлива должно хватить на неделю. Андреас вернул ключ в исходное положение, приборная доска погасла. Выйдя из машины, он аккуратно прикрыл дверь – в замкнутом пространстве гаража гулкий хлопок прозвучал особенно резко. Подняв с пола тент, Андреас старательно свернул его и пристроил на зимних шинах, затем вышел обратно во внутренний двор. Бамбук разросся, иные стебли стали толщиной в три пальца. Андреас ощутил желание навести везде поряд-

док: проредить бамбук, постричь живую изгородь, освежить баскетбольный щит, подмести листья... Но он одернул себя так, как когда-то мать одергивала его в детстве!

Андреас огляделся: кот, этот балбес, был только что тут, и теперь он опять куда-то пропал! Этот угол сада был огорожен живой изгородью. За последние годы кусты разрослись, стали густыми и колючими, пролезть сквозь них человек точно бы не смог, а вот небольшое животное средних размеров вполне. Деревья, крепкие сосны и липы, за прошедшие годы вытянулись и раздались в стороны. Каждую весну сюда приезжает городская фирма и аккуратно подрезает ветки! Рабочие выглядят словно альпинисты или солдаты особой части специального назначения: шлемы, темные очки, ботинки на толстой подошве и невиданного покроя комбинезоны. Они обвешаны мотками веревок и звенящими на каждом шагу гроздьями железных карабинов, в кузове их грузовичка «Ниссан» лежат грозные устройства, напоминающие снаряжение «Охотников за привидениями». Кошак-дуралей! Вернется, может быть, сам! Андреас обошел дом. Поднявшись по ступенькам входной лестницы, он просунул голову в прихожую. Мам, котеище опять смылся куда-то, я оставляю дверь приоткрытой, вдруг он появится, а сам пока съезжу к Эмили!

В спальне слышались шаги, потом знакомо хлопнула дверь, на том конце прихожей появилась мать! Прямо сейчас? А к Максимилиану? К нему завтра. А сейчас к Эмили? И о чем ты будешь с ней говорить? На лице у матери вдруг отразилась глубокая тревога, но Андреас не ощутил ничего, кроме тупо ноющего раздражения. Не знаю! И знать не хочу, добавил он про себя! Но ты ночуешь здесь, а постелила вам наверху... Вам, наверху! Опять все с начала! Я поехал, беру отцовский СЛК, дверь оставляю открытой, вдруг кот вернется. Выйдя из калитки, Андреас завернул налево за угол и подошел к гаражу со стороны улицы. Зеленые ворота распахнуты настежь, легкий ветер уже занес на тщательно выметенный бетонный пол несколько пожухлых листьев. Опустившись на колени, Андреас заглянул под машину, вдруг бестолковый кот примостился там и заснул, потом проверил расположение зеркал (правое внешнее, левое внешнее и зеркало заднего вида) и тщательно, как его учил в автошколе бывший водитель танка, отрегулировал углы их наклона. Выставил кондиционер на приятные 23 градуса, перевел рычаг переключения скоростей в позицию «Драйв», отпустил тормоз, машина аккуратно выкатилась из гаража. Поставив машину у обочины на «аварийку», Андреас закрыл ворота, потом вернулся за руль, пристегнулся и еще раз проверил зеркала: правое, левое, зеркало заднего обзора.

Если отец и научил его чему-то, так это добросовестного выполнять правила, которые, будь то правила вождения или

обращения с оружием, всегда «пишутся кровью». Человек с умной головой учится на опыте других людей. Жаль, что никто еще не написал инструкции, которая помогла бы идеально выстроить человеческие отношения. Навигатора в машине не было, но впереди, над решетками кондиционера, мудро предусмотрено крепление для телефона, которое, кажется, вполне подходит к его модели. Телефон можно через прикуриватель подключить к сети и потом спокойно пользоваться навигационной программой. Сейчас в этом нет нужды, Андреас прекрасно знал, куда ему нужно ехать, но на будущее пригодится. Начались вечерние новости, приемник ловил какое-то частное музыкальное радио, дикторы говорили на диалекте.

Машина шла ровно, двигателя в салоне почти не слышно, но тем громче вопили дикторы и Андреас приглушил их звучание. Руль легко и упруго реагировал на малейшие движения рук, поворотник переключался с приятным натяжением и элегантным щелчком. Андреас прочитал где-то, что все крупные автомобильные компании нанимают отдельных специалистов, которые разрабатывают гамму звучания двигателей, придумывают звук захлопывающихся дверей и работающих стеклоочистителей. Ничто не должно быть отдано на волю случая, и в этом Андреас был с ними совершенно согласен: в любом деле все должно быть сделано качественно и красиво. Улицы за окном медленно поворачивались к нему то солнечной, то теневой стороной, разметка

блестела на солнце. Почти везде в жилых кварталах установлено ограничение скорости, и только на главной улице он смог немного разогнаться.

Андреас припарковался у типичного двухэтажного особняка с колоннами, остроконечной крышей и узорными коваными решетками на окнах по моде конца позапрошлого века. В центре каждой решетки помещалась элегантная стальная роза. На лугу рядом с соседним домом, за специальной оградой, рылись в пожухлой траве уставшие от жары куры. Это место для дома выбрали не случайно: сразу домом и садом начинался склон, который превращался в поле. За полем проходила автотрасса, а за ней можно уже разглядеть череду белых горных вершин. Особняки на этой улице и сооружались как раз с тем расчетом, чтобы их владельцы могли наслаждаться видами на Альпы. Затем часть полей перевели под застройку, и в рекордные сроки, почти полностью заслонив горы, на этих землях возник жилой комплекс, состоящий из дюжины высоток разной этажности. Понаблюдав немного за курами, Андреас стряхнул со лба пот и направился к дому под номером двенадцать.

У входа в особняк плавится на солнце маленький «Пежо». На его бортах нанесена надпись: «Патронажная служба для всех везде и всегда». Багажник открыт, дверь водителя тоже. Крупная женщина в белом медицинском кителе и в синих форменных брюках загружает в машину баллоны с кислородом. У женщины сильные руки и широкое простоватое лицо.

Здравствуйте, сказал Андреас. В ответ женщина сказала, что Эмили находится в саду и что сейчас ее лучше не беспокоить. И как у нее самочувствие? Так что ж вы с под меня хотите в ее-то возрасте! Женщина говорила с сильным акцентом, кажется, восточноевропейским. С наступающим, сказал Андреас. Но женщина, скорее всего, не поняла его. Ответив что-то невнятное, она села в машину! Заработал двигатель, машина развернулась в три приема и уехала, оставив облачко сизого дыма.

* * *

Чугунные ворота оказались не заперты, справа и слева от дорожки, ведущей к особняку, глухо щелкали автоматические поливальные устройства. Розовые и жасминовые кусты распространяли сильный запах. Если Эмили, как сказала патронажная сестра, находится в саду, значит он должен будет войти в дом, завернуть налево в гостинный зал, а из него уже выйти в сад. Андреас миновал ворота, поднялся по ступенькам к тяжелой двери из красного дерева. Дверь была открыта и Андреас осторожно толкнул ее, сразу ощутив застоявшийся запах дома, в котором живут очень старые люди. В прихожей царил полумрак. На первый этаж вела просторная лестница, ступени которой были обиты темно-красным ковровым покрытием.

На стене перед лестницей Андреас сразу наткнулся на ту

самую гравюру, которая когда-то так поразила его воображение. Картина называется «Поцелуй смерти». Ее создатель, Никлаус Мануэль по прозвищу Дойч, родился предположительно в конце пятнадцатого века. Живописец, поэт, памфлетист, чиновник, пламенный сторонник Реформации, выборный член Городского совета, солдат, раненый при осаде Новары. Никогда раньше не видел Андреас такую Смерть, настырную и безнравственно-похотливую. Обычно смерть хватает свою жертву за горло, но в данном случае, облачившись в форму ландскнехта и обхватив пышногрудую деву, смерть нагло лезла ей левой рукой между ног.

Когда он впервые увидел картину, Эмили еще ходила, даже не опираясь на палочку, и уж тем более не требовался ей кислород. Но и тогда, и позже она имела обыкновение совершенно неожиданно начинать равномерный монолог, больше похожий на статью из энциклопедии или выступление на ученом симпозиуме. Сначала Андреасу было просто смешно, но потом он решил, что человек, который живет в особняке, забитом по самую крышу антиквариатом, по-другому говорить и не может. Андреас заходит в гостиную. Здесь пустынно, окна и стеклянная дверь в сад открыты, легкие белые шторы надуваются, как паруса, и тут же опадают. На стенах, среди других картин, как и прежде, висят сделанный неизвестно кем в стиле Дюрера офорт с видом на Женевское озеро со стороны городка Террите и портрет шпионки французского короля Катарины Перрег-фон Ваттенвиль

кисти Теодора Дитриха Рооса.

В свое время Андреас пытался выяснить, как жизнь и судьба Эмили связана с городом Террите, но из этого ничего не вышло. Ее мышление работало на основе какой-то совершенно непонятной логики. Андреасу казалось, что свою жизнь Эмили проводит в каких-то глубинах, изредка лишь всплывая на поверхность с тем или иным сокровищем в руках, раковиной, каменным останком доисторического существа, странной фразой, или, что еще хуже, вопросом. Для нее все это являло собой логичное продолжение давно начатого разговора, собеседник же сталкивался с вырванной страницей из непонятно какой книги. Гравюра с видом на Женевское озеро и портрет Катарины Перрего-фон Ваттенвиль как раз и играли роль таких страниц.

Такие разрозненные листы с только что напечатанными текстами часто валялись на полу типографии, иногда даже со следами от обуви. Изобранный ребус из обрывков смыслов, как правило, заводил Андреаса в тупик, и горькое осознание своего умственного бессилия компенсировалось лишь надеждой на то, что где-то уж точно должна быть книга, где не хватает именно этой страницы, и что если эту книгу прочесть, то все встанет на свои места, а странные слова и предложения, значение которых темно и непостижимо, окажутся простыми и прозрачными и засияют всеми своими гранями. Но такие надежды все равно всегда завершались ничем.

Андреас пробовал задавать Эмили наводящие вопросы. Например, что она вместе со своим ныне уже умершим мужем делала во время Карибского кризиса в Соединенных Штатах? В ответ он слышал рассуждения о том, что новые переводы Достоевского лишены душевного тепла. Потом Андреас бросил это дело. Он сам разузнал, что в конце семнадцатого века Террите был деревушкой из пяти домов, относящейся к приходскому округу Монтрё, что в середине девятнадцатого века в деревне начался туристический бум, что здесь часто бывала Герцогиня Амалия Евгения Елизавета Баварская, она же императрица Сисси. Ее убили в Женеве, но памятник в ее честь был установлен почему-то именно тут. А еще тут, кажется, застрелили советского шпиона. Все эти факты отказывались соединяться в складный рассказ. А вот в сознании Эмили они наверняка стояли каждый на своем месте, будучи логичными элементами какой-то очень интересной истории. Однако заглянуть на страницы этого романа не было дано никому. Куда более охотно Эмили рассказывала, каждый раз как будто бы заново, историю Катарины Перрего-фон Ваттенвиль.

Эта женщина носилась на лошадях, в двадцатилетнем возрасте она вызвала на дуэль иноземную фрейлину, позже тайно информировала французского посла, расположившегося в своей резиденции в Золотурне, на предмет возможного сговора Берна с англичанами. Потом ее гонца с секретными документами схватили. Катарина оказалась разоблачена

и подвергнута пыткам в Казематной башне. Она выдержала все и не произнесла ни слова. Ее приговорили к смерти, и лишь вмешательство некоторых влиятельных лиц заменило топор на вечное изгнание. Эмили утверждала, что именно у нее на стене в гостиной находится подлинник кисти Теодора Дитриха Рооса и что в замке «Егерсторф» осталась всего лишь хорошо сделанная копия.

* * *

В дальнему левом углу гостиной стояло кресло, в котором Эмили обычно сидела весь день. Рядом с креслом стоял небольшой столик на вычурных ножках. На нем громоздились книги с золотыми буквами на корешках. На самом верху стопки книг лежало немецкое издание «Крейцеровой сонаты», выпущенное в Берлине в самом конце девятнадцатого столетия. У стены слева стояла обитая полосатым шелком софа в бернском стиле. На полу лежал пестрый ковер, на котором, если Андреас не ошибался, еще можно разобрать фрагменты битвы при Грандсоне. Тыльной стороной ладони Андреас отвел от лица занавеску, вышел из прохлады гостиной в густой воздух сада.

Эмили сидела спиной к дому в тени высокой сосны. Под деревом был аккуратно расставлен садовый мебельный гарнитур: два удобных дивана и столик. Эмили не видела Андреаса, и тот подумал, что не хватало только испугать ее

до смерти. Андреас видел ее короткие, легкие, как пух, волосы, выкрашенные в неуловимый белый оттенок с воздушным синим налетом и уложенные в аккуратную прическу. За мгновение до того, как Андреас решился все-таки сделать шаг в ее сторону, тонкая сухая рука поднялась и сделала легкий приглашающий жест. Андреас сел напротив Эмили. На столике между ними находилась очередная стопка книг. Сверху, словно укрыв их распростертыми крыльями, лежал альбом с цветными репродукциями.

На самом краю столика, на последнем не занятом книгами уголке, примостился серебряный поднос с графином и тремя стаканчиками. В графине колыхалась мутная светлая жидкость. Я ждала твоего прихода, сказала Эмили по-английски отчетливым голосом. Солнце уже скрылось за деревьями и теперь только жарким охряным светом окрашивало стены и крышу особняка. Андреас знал, что игра света и тени продлится недолго, еще несколько минут, солнце переместится еще ближе к горизонту, и свечение угаснет, оставив после себя запах горячей хвои и засыхающих на корню рододендронов. Я ждала твоего прихода, еще раз сказала Эмили, на этот раз уже на литературном языке.

Обычно она использовала свой горловой диалект с разбросанными тут и там, словно осколки стекла, галлицизмами, но сейчас что-то заставило ее перейти на ганноверский говор. С момента их последнего разговора прошло сколько времени? Андреас не мог сказать точно, но с тех пор

черты лица Эмили стали еще более хрупкими, она вся сжалась, словно возраст забрал у нее почти всю ее человеческую плоть. Андреас видел фотографии Эмили в юности, на фоне обрывистых скал и серых вершин, поверх которых кто-то вывел на фотобумаге жестким почерком «Доломиты». У нее круглое лицо, веселые ямочки на щеках и кудрявые волосы цвета спелой соломы. В молодости Эмили выглядела очень привлекательно.

Затем в памяти у Андреаса всплыла еще одна фотография: приземистый дом с плоской крышей в Пасадене, листья венницы у въезда на участок, выложенные белым булыжником контуры грядки перед окнами, часть аккуратного газона пожелтела от жары. Какой же автомобиль стоял у ворот в гараж? Кажется, это был «Плимут», очень старый и неуклюжий. Эти фотографии Эмили аккуратно вклеила в альбом с бархатной обложкой, каждая страница альбома скрывалась под хрустящей папиросной бумагой. Зачем она показывала ему эти фотографии? Скорее всего, эта была демонстрация патрицианского презрения к человеку «не того круга», наглым образом затащившего в постель ее внуку.

В графине налит бузинный сироп напрямую от производителя, фермерского хозяйства под Санкт-Галленом. Сахара и лимонной кислоты в нем меньше, чем обычно, поэтому и вкус у него куда более отчетливый, круглый. Сироп при желании можно разбавить минеральной водой. Эмили медленно протягивает Андреасу большой лист текстурной бумаги

с рисунком коровы, выполненным цветными карандашами! Рога коровы украшены венком из неизвестных цветов, но, скорее всего, Эмили сама придумала эти цветы, так же, как она сама придумала и эту корову с боками, украшенными пестрыми пятнами, с невероятными синими глазами и с тяжелым розовым выменем. Сегодня ночью она мне приснилась, и, чтобы не забыть ее, а особенно глаза, я начала рисовать. Так и есть, придумала!

Эта корова, конечно же, не похожа на тех, что пасутся тут, совсем рядом, но мне показалось, что дело совершенно не в этом. Эмили замолкает, снова погрузившись в себя. По самым последним данным, уточненным в результате открытия новых архивных данных, Советский Союз потерял во Второй мировой войне шесть миллионов своих граждан, говорит Эмили. Андреас не знает, что ей ответить. Он держит в руках рисунок коровы. Чтобы потянуть время, он кладет его поверх разбросанных по садовому столу книг, наливает себе бузинного сиропа, выпивает приторную жидкость и ставит стаканчик обратно на серебряный поднос. Шесть миллионов – это вся Швейцария, даже больше.

Нужно читать Льва Толстого, говорит она, тогда нам откроется вся жертвенная глубина загадочной славянской души. Андреас украдкой смотрит на часы. Эмили берет лежащий перед ней альбом с иллюстрациями и протягивает его Андреасу. Ее руки, когда-то полные и сильные, теперь едва ли не просвечивают насквозь. Это каталог работ Ганса

Якоба Оэри, говорит Эмили, и в ее голосе звучит гордость удачливого коллекционера. Родился в городе Кибург, кантон Цюрих, в знатной семье. Закончив трехлетнее образование в городе Винтертур у Йохана Каспара Кустера, художника по обоям, он отправился в Париж, где поступил в знаменитую «Эколе де Бью-Ар». Французские слова Эмили всегда произносит с удовольствием, изящно артикулируя, она уверена, что говорит по-французски даже лучше самих французов. В Париже Ганс Оэри живет в нужде, поэтому он решает отправиться в Москву.

Всего в России он пробыл без малого восемь лет в качестве портретиста и учителя рисования. Голос Эмили звучит ровно, создается впечатление, что она не говорит, а считывает заранее написанный текст. Когда войска Наполеона вошли в Москву, швейцарский художник стал свидетелем исторического пожара. В огне погибли более десяти тысяч раненых и больных русских солдат, оставленных в городе. Эмили смотрит на Андреаса, словно преподаватель, принимающий экзамен. Многие обвиняли московского градоначальника Фёдора Ростопчина, который, к тому же, выпустил из тюрем сотни преступников, тут же занявшихся грабежами, но на самом деле основная тяжесть вины лежит на самом Наполеоне. Он первым напал, потому русские и сожгли свой город.

Эмили забирает у Андреаса альбом, перелистывает несколько страниц и, ткнув пальцем в большую, на разворот,

репродукцию, возвращает обратно. Вот! Картина выполнена в красных, розовых и серых тонах, гуашь на бумаге. На переднем плане мельтешит пестрая толпа, в самой гуще которой можно различить всадников и даже одну лошадь, запряженную телегой. В перспективе, как следовало из подробной аннотации, размещенной под репродукцией, возвышалась «Башня Христа Спасителя», а перспектива к ней, образованная двумя рядами горящих особняков светло-розового оттенка, называлась, как это опять же следовало из аннотации, улицей Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских. Особняки, в основном двух- и трехэтажные, были уже в полуразрушенном состоянии, окна зияли черными провалами, и из каждого из них закручивался серой спиралью дым.

Церковь на левом краю картины, наверное, тоже горела, потому что из ее фасадных ворот валил дым, только не спирально закрученный, а образующий растрепанные космы. Люди на ней уже успели привыкнуть к катастрофе, происходящей вокруг, даже не предполагая, что еще немного, и стены окружающих домов рухнут им прямо на головы. Похожее чувство Андреас испытал недавно от просмотра в интернете видеороликов, запечатлевших цунами в Японии: там почти до самого конца никто не верил в смертельную опасность, настолько слабыми и неубедительными казались первые признаки наступавшего Апокалипсиса.

Уехать из Москвы Оэри вынудил любовный скандал, точ-

нее, мезальянс, связь между людьми, по роду своему и положению не предназначенными друг для друга. Эмили замолкает, и Андреас опять осознает, что она просто искренне презирает его. Затем Ганс Оэри переезжает в Казань, где живет пять лет, пользуясь покровительством Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, военного и общественного деятеля. В тысяча восемьсот семнадцатом году Ганс Оэри возвращается в Цюрих, становится активным членом местного «Общества Художников», создает серию рисунков, на которых запечатлевает аутентичные исторические костюмы и одежды разных эпох, создав «Энциклопедию костюма». Эмили забирает у Андреаса альбом. Картины Оэри кажутся Андреасу куда более реалистичнее фотоснимков, которые делает Анна-Мари. И кошмарнее! Он еще раз украдкой смотрит на часы – время тянется бесконечно, ему больше нечего здесь делать, но встать просто так и уйти он не может.

* * *

Выпитый бузинный сироп оставил во рту неприятное послевкусие. Андреас с удовольствием выпил бы простой пахнущей снегом воды из-под крана. И главное теперь ничем не выдать своего разочарования. Как об этом пел Стинг? Джентльмен никогда не будет носиться, сломя голову, он всегда предпочитает спокойный и уверенный шаг. И не забыть трость, верную опору. Нужно сохранять спо-

койствие и ни на что не реагировать. Все это время нужно просто списать как потерянное совершенно бездарным образом. Пойдем, я хочу кое-что показать тебе, сказала Эмили, неожиданно легко, без видимых усилий поднявшись с удобного садового дивана. Став почти прозрачной, она все еще обладала необычно сильной энергетикой.

Через гостиную они опять вышли к красной смерти на стене, после чего Эмили начала подниматься на первый этаж. Она уверенно переставляла ноги со ступеньки на ступеньку, под брюками у Эмили почти не осталось тела! Она таяла буквально на глазах, и в какой-то момент он даже ощутил жалость, но потом Андреас одернул себя. Мне смеются в лицо и даже не считают нужным вести диалог на равных! Что я делаю в особняке, набитом антиквариатом так, что пришлось даже заключать договор с полицией, которая раз в два часа посылает на эту улицу патрульную машину? Глаза быстро привыкли к прохладному сумраку. Эмили остановилась на площадке первого этажа и достала из кармана брюк небольшую связку ключей. Почему связка не звенела, когда Эмили шла по лестнице?

На какое-то мгновение Андреас представил себе, что сейчас Эмили откроет левую дверь и за ней он увидит Анну-Мари. Все сразу же встанет на свои места, проведенное здесь время не будет потерянным, и станет ясно, что молчание Эмили означало проявление истинных деликатности и такта. Эмили позвенела ключами, выбрала один из них и открыла

дверь на другую, правую, половину. За дверью пахло деревом, бумагой, воском. Одним движением Эмили нашла выключатель, под потолком вспыхнул старинный светильник – висящий на цепях выкованный из темного металла обруч и пять стилизованных факелов с вкрученными в них лампочками.

Дом изнутри казался куда более вместительным и просторным, чем можно было подумать, глядя на него снаружи. Вдоль белых стен в коридоре расставлены пара стульев с гнутыми ножками и пестрой обивкой, столик под зеркальцем, нелепо выглядящая вешалка в стиле технократического минимализма. Рядом на стене довольно много места занимала крупная картина, укрытая стеклом. Андреас слышал ее историю по меньшей мере уже раз десять, поэтому он знал, что речь идет о панорамном изображении битвы при Муртене, что, скорее всего, картина была написана в начале семнадцатого века во Фрибуре и что приобретена она была в цюрихском антикварном салоне за сумму, точные размеры которой Эмили сообщать каждый раз, разумеется, отказывалась.

Ценность картины состояла в удивительно точном отображении всех основных топографических особенностей старинного театра военных действий. Она выглядела одним большим графическим романом, все страницы которого были одновременно расположены на поверхности холста, что позволяло не только видеть, с какой стороны, куда и в каком порядке маршируют колонны бургундских и бернских

войск, но и рассмотреть даже этапы сражения, представленные в разных концах полотна отдельными боевыми сюжетами, помеченными для простоты просмотра размашисто выписанными порядковыми буквами. Андреас приготовился уже выслушать историю картины еще раз, но Эмили решительными шагами направилась к единственным дверям с левой стороны коридора. Положив ключи на столик под зеркалом, Эмили распахнула двери обеими руками. Она не стала включать свет, подошла сначала к правому окну, потом к левому. Отдернув плотные шторы, уверенными движениями распахнула упруго дребезжащие рамы, а потом и ставни, впустив в зал горячий воздух с запахом увядающей травы.

Теперь Андреас мог во всех подробностях рассмотреть салон: и белый потолок, и светильник, тоже на цепи свисающий с потолка, но теперь уже в виде букета из пяти цветов, ножка каждого из которых прихотливо извивалась, завершаясь одним и тем же — лампочкой естественного дневного света, и массивный комод в простенке между окнами, на комодѣ стояла лампа с абажуром из какого-то очень дорогого материала, и диванчик из красной замши и красного дерева перед комодом, и круглый столик, и кресла вокруг столика, и ковер с узорами на паркетном полу, и панели из орехового дерева, которыми по периметру отделаны стены на высоту в полтора человеческих роста, и черный рояль в дальнем правом углу, и большой мольберт, который стоял перед роялем и на котором располагалась какая-то картина, прикры-

тая сверху небрежно наброшенным отрезом белого полотна. Эмили отошла от окна и мелкими шагами направилась мольберту мимо рояля. На нем несколько раз играл Артур Онеггер, сказала Эмили. Покрывало сползло с мольберта и, раскрыв небольшую картину, улеглось на полу белой грудой.

У этого знаменитого швейцарского художника любые ландшафты отталкивались от элементарных фигур: треугольников, квадратов, окружностей. Стоимость называть не следует, астрономические цифры все равно звучат абстракцией! В каждой своей картине он пытался восстановить гармонию чистого умозрения. Здесь же геометрия уходит на второй план. Она, как и раньше, просвечивает сквозь предметы, с той только разницей, что теперь мастер хочет сказать нам, что формы, подчиняющиеся физическим законам, и образы, послушные лишь воле поэта, в идеале обязаны вести между собой диалог, который мы бездумно привыкли называть Романтикой! Андреас подошел ближе и немного наклонился, чтобы лучше разглядеть знакомые очертания. Присутствие воздуха на полотне было физически ощутимым, но контуры гор не становились от этого дрожащими или смазанными, напротив, они приобретали пугающе ясные очертания! Андреас выпрямился и сделал два шага назад. В душных сумерках картина светилась ровным светом.

Фак, фак, фак! Андреас отдернул руку от крыши автомашины, потом открыл дверь со стороны водителя, обошел «Мерседес» вокруг и распахнул дверь для пассажира. Из салона потянуло раскаленным воздухом. Внутри творился настоящий ад. Открытые двери помогут немного снизить температуру, затем можно закрыть двери и включить кондиционер. Какие все-таки они здесь все изысканные люди, с этим вязким диалектом и постоянным галльским грацированием, ах, посмотрите, какие мы яркие потомки блестящих предков! У нас вот никто и никогда не ходит вокруг и около, тщательно избегая самого главного и заполняя пространство бессодержательной болтовней, на которую, даже несмотря на отсутствие в ней какого-либо содержания, уходит огромное количество времени. Эмили, конечно же, прекрасно знает, где сейчас находится Анна-Мари и что с ней происходит... Или произошло.

Интуиция опять подсказала Андреасу, что с Анной-Мари все в порядке, иначе Эмили не сидела бы у себя спокойно в саду и не угощала бы его жутким пойлом под названием бузинный сироп. Хозяйка дома, забитого антиквариатом на многие миллионы, не нашла десяти франков для того, чтобы угостить его хотя бы каким-нибудь химическим бутербродом с тунцом. Нет, нет, ну что вы, зачем тратить драгоценные деньги на какого-то проходимца, такого, как я, правда? Таким как я нужно, сидя с постным выражением

на лице, лгать и рассказывать сказки про какого-то художника, который за каким-то хреном поехал в непонятно какую Россию. Что все это такое, если не самое настоящее унижение? С другой стороны, мог ли он рассчитывать на другое обращение? Всякий раз приходя к Эмили с Анной-Мари, Андреас оставался в тени, но от него ничего иного и не требовалось.

Иногда ее брат Оливье разогревал что-нибудь из ресторана, лазанью или бургер, и всякий раз на столе в обязательном порядке оказывался этот мерзкий бузинный сироп! Будучи за спиной у Анны-Мари, Андреасу не надо было готовиться к внезапному умному разговору, судорожно вспоминая, о чем Курт Фурглер беседовал с Рейганом и Горби в Женеве. И он мог бы уже тогда окончательно осознать, что к нему здесь относятся как к пустому месту. Мог бы! Андреас опять заглянул в салон – можно запускать кондиционер!

Когда Анна-Мари приходила к нему, мать на глазах превращаясь в совершенно чужого человека и вела себя с ними обоими подчеркнуто вежливо. Походка, голос, движения рук – все в ней приобретало неприятные черты чего-то постановочного, искусственного, словно она не говорила, но читала плохо выученный текст в пьесе, поставленной бездарным режиссером. Андреас не верил ни одному ее слову, а она рассказывала о том, как произошло у нее знакомство «с отцом моих детей», это случилось на «демонстрации против строительства новой атомной станции». Стоял

холодный апрель, а этот «привлекательный молодой человек» одолжил ей, «ну прямо как Святой Мартин», половину своего полиэтиленового дождевика. В тот момент Андреаса насквозь пронзало ощущение настолько невыносимой фальши, что однажды он даже специально подавился «Шардоне», закашлялся начал громко стучать себя кулаком по груди.

И уже тогда он тоже мог бы догадаться, что маска чужого человека просто помогала матери не допускать Анну-Мари на дистанцию возникновения эмоциональной близости. Мог бы! Он мог бы честно сказать самому себе, что мать не могла и не хотела себе представить, что один из ее сыновей будет лежать под одеялом с этой молодой дамой, в то время как второй ее сын так и не встанет с койки, будучи обреченным на то, чтобы вечно смотреть своими невидящими глазами в окружающую его темноту. А вот Эмили? О, да! Надо обязательно съездить к Эмили, обязательно! Зачем? Теперь-то ему все понятно, и хорошо, что это осознание пришло вовремя: мать ощущает себя виноватой, что ее сын оказался человеком, с которым невозможно жить под одной крышей. И теперь она боится, что Эмили потребует возмещения денег, которые она дала на лечение Максимилиана. Вот так все просто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.